СЕРГѢЙ ШТЕРНЪ

ВЪ ОГНѢ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Я. ПОВОЛОЦКІЙ и Ко.
ПАРИЖЪ

СЕРГѢЙ ШТЕРНЪ

ВЪ ОГНѢ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ВОСПОМИНАНІЯ
ВПЕЧАТЛѢНІЯ
МЫСЛИ.

ПАРИЖЪ 1922 ГОДЪ

ТИПОГРАФІЯ
Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S 14
DRESDNER STR. 82

I

Въ огнѣ гражданской войны.

Уже 5 лѣтъ, какъ длится въ Россіи гражданская война. Революція, носившая при своемъ зарожденіи характеръ обще-національнаго порыва, скоро вылилась въ чисто классовую борьбу, въ свою очередь превратившуюся въ ожесточенную и анти-революціонную по духу гражданскую войну. Первичный характеръ революціи отошелъ какъ-то на задній планъ, искажены черты основыхъ ея идеаловъ, получавшихъ часто въ теченіе гражданской войны каррикатурное воплощеніе.

Тѣмъ не менѣе, самый фактъ длительной гражданской войны — явленіе столь громадной важности и размаха, столь большого значенія и вліянія, что онъ, естественно, не можетъ не оставить глубокаго слѣда въ народной психикѣ, укладѣ, взглядахъ, настроеніяхъ и идеологіи. Пламя гражданской войны бушевало слишкомъ долго, температура горѣнія была слишкомъ высока, сила огня была слишкомъ велика, чтобы могло пройти безслѣдно длительное существованіе огненной стихіи. Большевизмъ опустошилъ душу народную, но въ огнѣ гражданской войны сгорѣло не мало старыхъ убѣжденій, взглядовъ, иллюзій, традицій, предразсудковъ и наслоеній, давъ начало зарожденію пластовъ новыхъ образованій. Огонь — стихія не только разрушающая, бываетъ и огонь очищающій; силою огня точно также творится при извѣстныхъ условіяхъ и творческая, созидательная работа. Огонь, поглащая дерево, уничтожая древесную кору и стволъ, даетъ въ результатѣ сгоранія деревянный уголь, пригодный для отопленія, нагрѣванія воды и другихъ полезныхъ и производительныхъ

цѣлей. Силою огня раскаляются металлы, выковываются новыя цѣнности, спаиваются отдѣльныя части, дотолѣ разрозненныя, чуждыя и, казалось, несоединимыя. Длительный и большой силы огонь гражданской войны не только многое измѣнилъ въ жизни и мышленіи русскихъ людей различныхъ слоевъ и фазъ развитія, но онъ выковалъ и новыя мысли, взгляды, идеологическія, соціальныя и политическія цѣнности.

Представляется не лишеннымъ интереса произвести посильный анализъ тѣхъ перемѣнъ, которыя внесены революціей и гражданской войной въ жизнь и мышленіе всѣхъ группъ и классовъ населенія Россіи, сдѣлать попытку проанализировать тотъ сдвигъ, который вызванъ революціонной бурей въ различныхъ отрасляхъ творчества, духовнаго и матеріальнаго. Задача эта — громадная, непосильная скромнымъ силамъ единичнаго наблюдателя, имѣющаго, къ тому же, ограниченное поле зрѣнія и кругозоръ.

Обычно, всякаго рода историческія изслѣдованія, мемуары, впечатлѣнія отъ историческихъ событій и фактовъ и т. д. пишутся людьми, находящимися въ центрѣ событій, если не фактическомъ, то политико - географическомъ. Это придаетъ публикуемымъ изслѣдованіямъ или воспоминаніямъ печать освѣдомленности, но историческія событія, вѣдь, только случаются въ опредѣленныхъ центрахъ, обычно — столичныхъ, но развертываются же они, получаютъ развитіе и оказываютъ вліяніе зачастую и внѣ столицъ. Провинція — вотъ, часто, истинная стихія историческихъ событій, вотъ, гдѣ порою надлежитъ искать ключа къ пониманію подоплеки явленій и настроеній данной эпохи.

Революція 1917 г. одержала верхъ не только потому, что ее поддержалъ столичный гарнизонъ, но и потому, что она нашла немедленный и радостный откликъ во всей провинціи. Въ противовѣсъ революціонному Петрограду не создалось гдѣ-либо въ провинціи контръ-революціонной Вандеи. Вся страна, дѣйствительно, объединилась и слилась въ единомъ порывѣ и настроеніи.

Революція сумѣла очень быстро создать общность настроеній и отношенія къ факту сверженія стараго режима. Только большевистскій періодъ создалъ дифференціацію настроеній, давъ пеструю и мѣняющуюся картину внѣшняго отношенія къ совѣтской власти. Болѣе экспансивный, активный и подвижной югъ иначе реагировалъ на большевистское владычество, чѣмъ угрюмный, склонный скорѣе къ пассивному сопротивленію сѣверъ. Югъ, съ его большими запасами продоволь-

ствія, съ его давнишнимъ уклономъ въ сторону мелкой собственности, съ его разнообразіемъ этнографическаго состава иначе оказываетъ сопротивленіе коммунизму, иначе на него реагировалъ, чѣмъ сѣверъ.

Роль провинціи въ исторіи революціи и гражданской войны, различіе роли отдѣльныхъ провинціальныхъ центровъ въ борьбѣ съ большевизмомъ, отраженіе на периферіи центральныхъ политическихъ событій—должна дать богатый матеріалъ для сужденій и наблюденій. Автору этихъ строкъ представлялась имѣющей нѣкоторое значеніе попытка дать посильное, не претендующее на полноту, лишенное исчерпывающей документальности изложеніе того, что ему пришлось видѣть, наблюдать, пережить въ одномъ изъ крупныхъ пунктовъ Новороссіи. Представляется интереснымъ попутно постараться выяснить и то, какъ отражались, преломлялись и воспринимались въ провинціи и провинціей наиболѣе крупныя и существенныя событія всероссійскаго масштаба, происходившія въ столицахъ, а также — какъ расцѣнивались «во глубинѣ Россіи» отдѣльные дѣятели, главари и вожди, ихъ поступки и линія поведенія.

Къ этого рода воспоминаніямъ прибавлены и кое-какія впечатлѣнія изъ бѣженской жизни, причемъ пункты наблюденій— Константинополь и Парижъ — если и были центрами бѣженства, то самъ наблюдатель все время стоялъ внѣ руководящихъ эмигрантскихъ сферъ, въ качествѣ одного изъ зрителей «со стороны». Неоспариваемымъ несовершенствомъ предлагаемыхъ воспоминаній и наблюденій является ихъ недостаточная документальность, отсутствіе ссылокъ на опредѣленныя матеріалы или документы, но неведеніе личныхъ записей и невозможность использованія хотя бы исторической хроники событій, нашедшихъ себѣ болѣе или менѣе полное отраженіе въ мѣстной провинціальной печати, объясняется отдаленностью автора отъ мѣста дѣйствія, имъ описываемаго и стонущаго подъ игомъ большевиковъ. Намѣреніе посильно обрисовать не только факторы внѣшняго характера, но и сдвиги психологіи и идеологіи, заставили пересыпать фактическое изложеніе и аргументацію публицистическими разсужденіями общаго и, порою, нѣсколько субъективнаго свойства, — пріемъ, быть можетъ, даже не вполнѣ допустимый для работы полу-мемуарнаго характера. Въ редакторскомъ кабинетѣ областной газеты, во время объѣздовъ края съ цѣлями политической агитаціи, въ залѣ городской думы, въ общеніи съ различными дѣятелями и группами Россіи и эмиграціи — накоплялся матеріалъ для этихъ воспоминаній, отражались въ памяти данныя для этихъ мыслей и выводовъ изъ наблюденій и впечатлѣній.

II

Истоки.

Безмѣрно жестоки испытанія, выпавшія на долю русскихъ людей. Нѣтъ семьи, нѣтъ отдѣльнаго россіянина, у которыхъ не было разбито существованіе, которымъ не былъ нанесенъ сильный ударъ. Кругомъ — бездна горя. Потерпѣли крушеніе многія иллюзіи, попраны идеалы, убита вѣра въ будущее.

Принято говорить, что страна, давшая міру Пушкина, Менделѣева, Сѣрова и Римскаго-Корсакова, не погибнетъ и не можетъ погибнуть. Въ странѣ, таящей въ себѣ такія культурныя возможности, заключаются творческія силы, достаточныя для преодолѣнія всѣхъ напастей и всѣхъ послѣдствій самаго мрачнаго лихолѣтія. Россія слишкомъ молода и органически здорова, слишкомъ мощна и сильна, чтобы не выдержать всѣхъ выпавшихъ уже ей на долю и предстоящихъ еще испытаній. У Россіи «особенная стать», ее «нельзя умомъ понять», въ Россію «можно только вѣрить».

Каковы же источники этой вѣры? Каковы источники подобнаго оптимизма?

У Тургенева въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ родины являлся поддержкой и опорой великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Дивныя богатства, красоты и многообразіе глубокаго и широкаго русскаго языка отнюдь не уменьшились со временъ И. С. Тургенева. Правда, на русскомъ языкѣ особенно громко раздались злые братоубійственные призывы, на русскомъ языкѣ формулировались кровавые лозунги гражданской войны, звѣриной злобы, человѣконенавистничества. Но на русскомъ же языкѣ не разъ уже раздавалась пѣснь торжествующей любви къ человѣчеству, не разъ формулировались чувства безпредѣльной преданности родной странѣ и міровому прогрессу, не разъ излагалось уваженіе къ истинной свободѣ, наукѣ, труду. Большевизмъ засорилъ и испачкалъ великій, могучій и свободный русскій языкъ, но онъ не исказилъ его красотъ, не затмилъ его величія, не убилъ его свободнаго разбѣга! По прежнему «нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу».

Нѣтъ того прозорливца, который могъ бы въ точности опредѣлить сейчасъ пути духовно-культурнаго развитія русскаго народа. Но вѣхи уже намѣчены, контуры начинаютъ выясняться. Оставляя болѣе отдаленное прошлое — Россію Тургенева, Милютина, декабристовъ, — поищемъ въ прош-

ломъ, болѣе близкомъ нынѣшнимъ поколѣніямъ, тѣни, которыя могли бы дать ключъ къ опредѣленію вѣроятныхъ и желательныхъ этаповъ будущей жизни и силуэтовъ будущихъ кузнецовъ новой жизни. Изъ длинной вереницы дѣятелей, мыслителей, художниковъ, борцовъ, изъ сокровищницъ національнаго творчества первыхъ двухъ десятилѣтій настоящаго столѣтія, какъ намъ рисуется, выдѣляются три имени, три тѣни людей, уже ушедшихъ отъ насъ, но оставившихъ о себѣ чеканный образъ и вѣчную память: А. П. Чехова, С. А. Муромцева и Л. Г. Корнилова. Эти имена — символы, эти люди вчерашняго дня своей творческой ролью и духовной сущностью какъ бы связываютъ отошедшее съ грядущимъ, являясь какъ бы путеводными звѣздами въ темную ночь безвременья и распутицы. Всѣ они прошли метеорами по русскому небосклону, но оставили свой слѣдъ, явивъ образцы національнаго типа, ради котораго стоитъ жить и ждать. Такіе всѣ трое разные въ разныхъ сферахъ и разновременно дѣйствовавшіе, А. П. Чеховъ, С. А. Муромцевъ и Л. Г. Корниловъ—не дожили до дня, когда ихъ идеалы были бы, если не осуществлены, то начаты осуществленіемъ. Но сѣмена, брошенныя ими, врядъ ли погибли, они сохранились въ русской почвѣ и, если вотъ уже нѣсколько лѣтъ на даютъ всходовъ, то, повидимому, тѣмъ болѣе обильной будетъ первая жатва, которая рано или поздно, но неминуемо придетъ.

А. П. Чеховъ... Безконечно-правдивый и безконечно-мягкій поэтъ переходной эпохи. Сколько ласковости въ его сатирѣ, сколько любви къ родному народу въ его произведеніяхъ... Вдумчивый и зоркій глазъ писателя правильно учитываетъ удѣльный вѣсъ низовъ народа и его интеллигентскихъ верховъ. Безъ прикрасъ рисуетъ Чеховъ русскую жизнь, такую сѣрую и темную, такую мрачную и безрадостную. Но, поэтъ «лишнихъ людей» и «людей въ футлярахъ» вѣритъ, что «мы отдохнемъ», вѣритъ, что мы «увидимъ небо въ алмазахъ». Онъ не осуждаетъ и не бичуетъ, но не щадитъ и не скрываетъ правды, онъ — понимаетъ и любитъ свой народъ и свою страну — и желаетъ имъ добра и счастья. Его завѣтъ — умѣть хотѣть, ему рисуется, что воспитаніе воли русскаго человѣка въ реалистическомъ направленіи — основная и насущная задача. На своей палитрѣ Чеховъ находитъ краски, достаточныя для обрисовки жизни и чаяній всѣхъ слоевъ населенія Россіи. Чеховскіе образы проходятъ сквозь призму его любвеобильной души, многогранной и много выстрадавшей. А. П. Чехову ничто не чуждо въ стремленіхъ родного народа и его интеллигенціи, ему близки народныя страданія — ибо изъ нѣдръ народа онъ вышелъ, — ему близки и горести интеллигенціи, ибо онъ среди нея живетъ, съ

нею кровно связанъ. Чеховъ отнюдь не сантименталенъ, но въ немъ таится какой-то неизсякаемый источникъ животворящей любви къ человѣку, къ русскому человѣку. Чеховъ сумѣлъ влить свое, новое, содержаніе въ старое «понять — простить», въ его душѣ любовь къ брату по крови пріобрѣтаетъ особый характеръ, если можно такъ выразиться, лирической сатиры. Чеховъ чуждъ народническаго розоваго идеализма, онъ — чистый реалистъ, но онъ, зная недостатки русскаго человѣка и постоянно указывая на нихъ, продолжаетъ любить своихъ соотечественниковъ, любить съ тѣмъ большей силой, чѣмъ больше кругомъ горя, тьмы и зла. Говоря въ глаза правду, Чеховъ никогда не морализируетъ, онъ беретъ жизнь, какъ она есть, старается, по-человѣчеству, выяснить причину темныхъ явленій и сторонъ жизни и показать, что она можетъ быть болѣе свѣтлой, чистой и лучезарной. Чеховъ вѣрилъ, что придетъ для Россіи и лучшая пора, что не вѣчно же русскому человѣку томиться и ждать въ сумерки солнечнаго луча. Нарочито-гражданской тенденціи нѣтъ въ чеховскихъ произведеніяхъ, онъ даже внѣшне-индифферентенъ къ явленіямъ общественно-политической жизни, но, съ тѣмъ большей силой, въ каждой строкѣ, написанной Чеховымъ, чувствуется біеніе сердца гражданина. Это сочетаніе крѣпкой гражданственности съ морально-философской проповѣдью любви къ человѣку, можетъ быть, и таитъ въ себѣ разъясненіе обаянія чеховскаго творчества и чеховской личности. Чуждый мягкотѣлости и дряблости, Чеховъ, все же, — нашъ всеобщій братъ и другъ, братъ-наставникъ, другъ-гражданинъ. Въ Чеховѣ все, при этомъ, почвенно, все — связано крѣпкими нитями съ основами русской жизни, все — спаяно съ сущностью духовнаго существованія русскаго человѣка. Незлобиво и тщательно Чеховъ освѣтилъ всѣ уголки русскаго быта, въ мягкихъ тонахъ показалъ намъ всѣ уродства и всѣ отрицательныя стороны этого быта, но самъ бытописатель не потерялъ при этомъ своего оптимизма, своей вѣры въ болѣе свѣтлое будущее горячо и умно любимой родины.

С. А. Муромцевъ... Стойкій и упорный насадитель гражданственности въ Россіи. Несмотря на внѣшне-суровый обликъ, — нѣжный рыцарь свободы для своего народа. Фигура этого рыцаря, словно изъ чугуна выкованная, даетъ рядъ образцовъ борьбы за свои гражданскіе идеалы. С. А. Муромцевъ, и съ профессорской каѳедры, и съ высокой трибуны предсѣдателя перваго русскаго народнаго представительства, и съ адвокатскаго пюпитра звалъ и наставлялъ всегда въ одномъ и томъ же направленіи — дѣйственнаго преклоненія передъ велѣніями права и закона. Человѣкъ высокой правовой культуры, С. А. Муромцевъ всю свою жизнь отдалъ борьбѣ

за идею народнаго суверенитета и народнаго представительства, за осуществленіе этой идеи.

Никогда не забуду лично слышанныхъ словъ С. А. Муромцева, который передъ самымъ созывомъ первой Государственной Думы убѣжденно и вѣско звалъ къ осуществленію свободы и порядка, въ противовѣсъ стремленію крайне-правыхъ къпорядку помимо свободы, а такъ же стремленію крайне лѣвыхъ къ свободѣ помимо порядка. Когда С.А.Муромцевъ звалъ къ насажденію свободы и порядка, въ его устахъ эта свобода была чужда произвола, насилія и посягательствъ на чужую личность, равно какъ и порядокъ понимался не какъ кладбищенская тишина, а какъ живой и дѣйственный п р а в о- порядокъ.

Это правотворчество составляло какъ бы вторую натуру С. А. Муромцева. Съ какимъ достоинствомъ предсѣдательствовалъ онъ въ первой Госуд. Думѣ, какъ величаво защищалъ онъ права и перегативы народнаго представительства! Казалось, что всѣмъ своимъ обликомъ С. А. Муромцевъ рожденъ для руководительства органомъ народнаго представительства. Этому руководительству онъ отдалъ всѣ свои знанія, весь свой опытъ и чутье. Россіи такъ недоставало конституціоннаго воспитанія и С. А. Муромцевъ едва ли не всю свою трудовую жизнь посвятилъ именно этому внѣдренію конституціонныхъ идей. Борьба за конституцію велась Муромцевымъ до созыва первой Думы, въ самой Думѣ и послѣ ея роспуска. Многообразная законодательная дѣятельность I-ой Думы точно также многимъ обязана правовому опыту и знаніямъ С. А. Муромцева. Насильственное прекращеніе работъ «Думы народнаго гнѣва» побудило ея предсѣдателя на всѣ доступные способы протеста и борьбы за ея существованіе. Принципъ пассивнаго сопротивленія насильственному акту роспуска народнаго представительства, проведенный въ Выборгскомъ воззваніи, что бы тамъ ни говорили, преисполненъ стремленія до конца бороться за право.

Борьба за право — основная стихія С. А. Муромцева. Право въ его представленіи не было отвлеченной догмой, оно неизмѣнно отстаивалось С. А., какъ живое воплощеніе народныхъ требованій, какъ равнодѣйствующая народныхъ интересовъ. Эта борьба за право мыслилась С. А. Муромцевымъ, какъ борьба въ органѣ народнаго представительства, облеченномъ широкими законодательными функціями. Закономѣрность и законопослушаніе насаждались Муромцевымъ со всей силой его убѣжденности и авторитета.

Мнѣ привелось видѣть могилу С. А. въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ года за два до революціи, глубоко занесенной снѣгомъ, безъ памятника, котораго власти не разрѣшали

поставить. Эта могила перваго русскаго спикера, покрытая густымъ слоемъ снѣга, въ ту пору глухой реакціи, была символомъ. Такимъ же символомъ является та же могила въ большевистскіе дни, когда вокругъ нея выросли высокія заросли бурьяна. Но русскому народу слишкомъ нужна правовая школа и усвоеніе началъ народнаго представительства, чтобы къ этой могилѣ не направлялось въ новой Россіи народное паломничество. Имя С. А. Муромцева — символъ вдохновенной и проникновенной борьбы за право народа на самоуправленіе и на изданіе законовъ черезъ посредство свободно избранныхъ представителей.

Л. Г. Корниловъ . . . Человѣкъ порыва, нутренной свободолюбецъ. Исторія его бѣгства — сперва изъ австрійскаго плѣна, а потомъ изъ большевистской тюрьмы — необычайно характерна для обрисовки духовнаго облика покойнаго вождя русской арміи. Л. Г. Корниловъ не принадлежалъ къ числу людей, пассивно склоняющихъ голову передъ неволей и насиліемъ. Для Корнилова свобода не являлась чѣмъ-то отвлеченнымъ, онъ органически не могъ сносить гнета надъ собою и надъ другими. Корниловъ умѣлъ хотѣть, у него была закалена сила воли, онъ не довольствовался словесными формулами, переходя къ дѣйствіямъ, можетъ быть, даже слишкомъ порывисто. Свободолюбіе Корнилова ясно проявилось въ сферѣ политической. Не будучи опытнымъ политикомъ, онъ тяготѣлъ къ умѣренно-лѣвому и демократическому лагерю. Къ этому лагерю Л. Г. Корнилова толкали его демократическія традиціи и происхожденіе, жившій въ немъ вольно-казацкій духъ. Л. Г. Корниловъ безъ всякой тѣни лицемѣрія, искренно и полно воспріялъ революцію, присоединился къ ней и отстаивалъ ея первоначальный духъ. Когда стали имъ формироваться первые добровольческіе отряды, на его кличъ сходились люди, близкіе ему по духу и убѣжденіямъ. Въ борьбѣ съ большевизмомъ Л. Г. Корниловымъ были положены въ основу освободительныя начала. Объективно нельзя не признать того, что въ Добровольческой Арміи временъ Л. Г. Корнилова вѣялъ республиканскій духъ, были крѣпки революціонныя традиціи. Въ увлеченіи своей борьбой съ Корниловымъ, Керенскій и Некрасовъ дошли до того, что не постѣснялись назвать его измѣнникомъ родины и революціи. Въ то же время, правовѣрные монархисты впослѣдствіи неоднократно отрекались отъ Корнилова, ставя ему въ вину взятіе на себя порученія Временнаго Правительства объ объявленіи императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ о лишеніи ея свободы, а также —традиціи, установленныя Корниловымъ въ Добровольческой арміи первой формаціи. Въ показаніяхъ своихъ слѣдственной комиссіи ген. Корниловъ заявилъ буквально слѣдую-

щее: «я заявляю, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинаціи, которая имѣетъ цѣлью возстановленіе дома Романовыхъ, считая, что эта династія, въ лицѣ послѣднихъ его представителей, сыграла роковую роль въ жизни страны». Послѣ подобнаго рода заявленій, не приходится особенно удивляться тому, что имя Корнилова вызываетъ часто скрежетъ зубовный у непримиримыхъ воздыхателей по старому режиму. Органъ берлинскихъ монархистовъ «Двуглавый Орелъ» такъ и именовалъ Корнилова «клятвопреступникомъ и мятежникомъ».

Не имѣя спеціально политической подготовки, Л. Г. Корниловъ силою вещей былъ вовлеченъ въ водоворотъ политической борьбы. Въ этомъ водоворотѣ Л. Г. проявилъ раньше всего всю свою дѣйственную любовь къ Россіи, свое глубокое пониманіе необходимости охраненія россійской государственности. Не хватало порою опыта и политической выдержки, но чутье толкало на патріотическія дѣйствія и истинно-государственную борьбу. Обладая большой личной смѣлостью и рѣшительностью, проникнутый духомъ жертвенности и дисциплины, Л. Г. Корниловъ искренно хотѣлъ помочь Временному Правительству временъ Керенскаго положить конецъ разложенію фронта и пресѣчь давленіе на центральную власть со стороны безотвѣтственныхъ анти-государственныхъ элементовъ. Въ отвѣтъ — раздались демагогическіе выкрики о контръ-революціи, хотя, на дѣлѣ, имѣлась попытка охраны завоеваній февральской революціи. Корниловымъ предпринимаются мѣры къ поддержанію въ арміи дисциплины, онъ пытается всячески воздѣйствовать на Керенскаго и его группу, его историческая рѣчь на государственомъ совѣщаніи явилась послѣднимъ предостереженіемъ, послѣ чего не могло не послѣдовать дѣйствія—попытки вооруженной рукой освободить Петроградъ отъ большевистскаго плѣненія. Попытка эта, недостаточно поддержанная и не во всемъ политически-планомѣрная, кончается неудачей, создается легенда о заговорѣ противъ революціи. Но основная бѣда Корнилова заключалась въ томъ, что онъ не только не имѣлъ достаточной политической подготовки, но и въ томъ, что его политическими совѣтчиками были люди, явно для того не подходящіе. Аладьины, Завойко и другіе политическіе приближенные Корнилова не только были безспорно заражены духомъ авантюризма и безпринципности, но и отнюдь не импонировали русскому обществу своимъ моральнымъ удѣльнымъ вѣсомъ. Событія въ Петроградѣ и, въ частности, въ средѣ Временнаго Правительства освѣщались въ ставкѣ верховнаго гланокомандующаго односторонне и однобоко, затушевывалась борьба внутри Временнаго Правительства, опредѣленное тяготѣніе зна-

чительной группы его членовъ къ твердой государственной власти, которая повела бы безпощадную войну съ большевизмомъ. Вмѣсто того, чтобы опереться на эту группу членовъ Временнаго Правительства, ген. Корниловъ, подъ вліяніемъ близорукихъ совѣтниковъ считалъ все правительство черновско-циммервальдійскимъ. На бѣду, и Вл. Львовъ, явившійся посредникомъ между Корниловымъ и Временнымъ Правительствомъ, — человѣкъ безъ задерживающихъ центровъ, не уравновѣшенный и сумбурный.

Неудачи не останавливаютъ Л. Г. Корнилова, онъ предпринимаетъ побѣгъ, но не ради личной безопасности и благоденствія, а ради продолженія борьбы съ растлителями государственнаго начала. Формируется первая по времени и по качеству анти-большевистская армія, предпринимается легендарный ледяной Кубанскій походъ. Корниловъ весь и всецѣло отдается своей новой арміи, найдя смерть во время боевыхъ дѣйствій противъ большевиковъ.

Дѣйственность, порывистость, глубоко-почвенный патріотизмъ, жертвенность, настоящая сыновняя любовь къ Россіи, преклоненіе не на словахъ, а на дѣлѣ — передъ русской государственностью, тяга къ крестьянской демократіи—таковы черты духовнаго облика Л. Г. Корнилова. Всѣ свои силы и всѣ свои помыслы этотъ вѣрный сынъ своей родины отдалъ своему народу. Во время войны съ Германіей и Австріей, въ теченіе перваго періода революціи и, затѣмъ, начальныхъ фазъ гражданской войны, Л. Г. Корниловъ рыцарски-вѣрно и безкорыстно служилъ Россіи. Въ служеніи этомъ проявлялось столько жертвеннаго подвига, столько неустаннаго горѣнія, столько непоколебимой вѣрности взятымъ на себя обязательствамъ, столько активно-проявляемаго стремленія посильно послужить Россіи . . . Безъ оглядки и долгихъ раздумій, безъ взвѣшиванія личныхъ опасностей и невзгодъ, безъ заботъ о своей карьерѣ, Л. Г. Корниловъ бросался въ омутъ борьбы, туда, куда его влекло чутье, чувство, склонности. Русскому народу, русскому крестьянину, русскому солдату отдалъ всю свою жизнь до конца воинъ-гражданинъ, воинъ-патріотъ и воинъ-демократъ Л. Г. Корниловъ.

А. П. Чеховъ, С. А. Муромцевъ, Л. Г. Корниловъ . . . писатель, парламентарій, воинъ . . . Что ихъ объединяетъ, что ихъ роднитъ и сближаетъ? Раньше всего, — подлинная и дѣйственная любовь къ Россіи, вѣрность ея національнымъ идеаламъ. Чеховъ заповѣдалъ русскому человѣку «умѣть хотѣть», возвыситься надъ фразеологіей, напречь силу воли, опредѣлить направленіе приложенія этой воли и активно затѣмъ выявить ее. Муромцевъ былъ вѣренъ этому завѣту, онъ всю силу своего ума направилъ на борьбу за водвореніе въ Россіи

конституціи, затѣмъ, за сохраненіе и развитіе народнаго представительства. Точно также и Корниловъ не на грезы о родинѣ отдалъ пылъ души своей, а въ борьбѣ за Россію проявилъ свое къ ней отношеніе.

Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ бодро звалъ къ улучшенію жизни народовъ Россіи, вскрывалъ въ ней язвы и пороки. Муромцевъ конкретизировалъ эти призывы, облекъ ихъ въ правовую форму, влилъ въ нихъ политическое содержаніе. Корниловъ съ оружіемъ въ рукахъ пошелъ защищать честь и достоинство Россіи, свободу ея отъ рабства — сперва иноземнаго, нѣмецкаго, потомъ — партійнаго, большевистскаго. Но и Чеховъ, и Муромцевъ, и Корниловъ — всѣ трое были поборниками и борцами за свободную, демократическую государственность, за раскрѣпощеніе личности, противъ тираніи и насилія, откуда бы они ни исходили. Всѣ трое, каждый въ своей сферѣ, отдавались они выявленію національнаго самосознанія, развитію началъ демократіи и государственности. Для нихъ національность, государство россійское, крестьянская демократія не были отвлеченностями, это было нѣчто, органически съ ними слившееся, продуманное и прочувствованное.

Освѣщая свѣтомъ своего ровнаго и мягкаго таланта всѣ уголки русской жизни, Чеховъ не скрывалъ своего несочувствія къ русской косности, лѣни, пьянству, пассивности, дряблости. Муромцевъ точно также не полагался на россійское «авось», не ждалъ, что перемѣны и улучшенія придутъ сами собою, но активно подготовлялъ проникновеніе во всѣ отрасли жизни и быта началъ права и законности. Съ своей стороны и Корниловъ пассивно не склонилъ головы передъ шкваломъ развала и распада, подставляя грудь противъ его стихійныхъ дуновеній. Одухотворенное созиданіе художественныхъ цѣнностей Чеховымъ, упорная борьба за право Муромцева, рыцарская защита Корниловымъ русской государственной чести — были руководимы тѣми же идеалами свободы, труда и порядка. Въ сумерки 90-хъ годовъ Чеховъ дарилъ насъ художественными картинами россійскаго томленія по сдвигу, по перемѣнамъ; въ бурную эпоху 1904—1905—1906 гг. Муромцевъ выковывалъ основныя сваи правового строя и народовластія; 1917—1918 г. г. Корниловъ фактически защищалъ русскую революцію отъ посягательствъ со стороны враговъ свободы и порядка. Въ этой исторической послѣдовательности заключается нѣчто символическое, въ этой единой цѣпи развитія русской гражданственности — отъ Чехова къ Корнилову черезъ Муромцева — отдѣльными звеньями являются упорный трудъ, упорная борьба за торжество трудового принципа, упорное стремленіе къ личному самосовершенствованію

всѣхъ русскихъ гражданъ — подъ стягомъ нравственно-духовнаго прогресса, трудовой демократіи и гражданскихъ свободъ.

Но Чехова, Муромцева и Корнилова нѣтъ среди насъ, они преждевременно умерли, оставивъ Россію осиротѣвшей. Но дѣло ихъ не забыто, завѣты ихъ живы, наказъ оставленъ ими опредѣленный. Въ этихъ завѣтахъ и наказѣ нѣтъ ничего расплывчатаго, все конкретно и ясно. Намѣчена цѣль, вѣхи, пути, способы достиженія цѣли. Все это — и въ этомъ заключается сила — не проникнуто исключительно специфически-интеллигентскими воззрѣніями, но близко по духу широкимъ массамъ населенія. Справедливость требуетъ, чтобы многомилліонная крестьянская демократія могла свободно житъ и развиваться, пользуясь знаніями преданной ей интеллигенціи. Въ этой коопераціи силъ крестьянства и интеллигенціи, деревни и города — единственное спасеніе Россіи. Изъ этого сотрудничества рукъ и мозга національнаго тѣла Россіи получится здоровая, крѣпкая государственность и гражданственность. Народное представительство, трудовая мораль и гражданскія свободы будутъ ея естественнымъ фундаментомъ.

... Народъ, выдвинувшій изъ своихъ рядовъ Чехова, Муромцева и Корнилова, народъ, числящій въ своихъ рядахъ многочисленныхъ поклонниковъ, учениковъ, сторонниковъ и послѣдователей Чехова, Муромцева и Корнилова — не можетъ не имѣтъ будущаго, богатаго творческими возможностями. Оба вида самодержавія глушили молодые побѣги, созидательныя и творческія силы русскаго народа были долгіе годы скованы опекой стараго режима, ихъ развитіе искажено навьими чарами большевизма. Пора раскрѣпощенія будетъ и порою интесивнаго развитія культуры, общественности и государственности.

III

Ось русской жизни.

Если и до революціи 1917 г. считался публицистическимъ трюизмомъ тезисъ о томъ, что земельный вопросъ является основной осью, вокругъ которой движется русская жизнь, то со времени и во время революціи положеніе это стало трафаретомъ не только въ публицистикѣ, но и въ обычныхъ обывательскихъ разговорахъ и толкахъ.

Революція дала обывателю рядъ уроковъ предметнаго обученія въ области различныхъ отраслей знанія. Съ наглядной очевидностью стали выясняться отдѣльныя явленія и

факты, популяризація которыхъ въ нормальныхъ условіяхъ потребовала бы, можетъ статься, долгаго времени, да и то не дала бы массового результата.

Элементарной истиной для мало мальски вдумчиваго соціолога и политика давно уже была роль земельнаго неустройства въ общей экономіи русской жизни. Но только революція популяризировала эту истину, дала ей широкое распространеніе во всѣхъ, кажется, безъ исключенія слояхъ населенія. Можетъ быть, и февральская революція не вполнѣ даже сознательной своей подоплекой имѣла стремленіе вооруженнаго ради войны съ Германіей крестьянства завоевать помѣщичью землю и съ оружіемъ въ рукахъ охранять свои права на завоеванное.

Тѣмъ не менѣе, не взирая на все это, революція не поставила достаточно быстро и, главное, достаточно практически-реально вопроса о радикальномъ разрѣшеніи земельнаго вопроса. Все дѣло сводилось къ общимъ принципамъ и лозунгамъ, къ длительнымъ подготовительнымъ разработкамъ въ безчисленныхъ комиссіяхъ и комитетахъ. Крестьянство явно не хотѣло журавля въ небѣ, предпочитая синицу въ рукахъ, оно скоро устало отъ платоническихъ обѣщаній и разговоровъ, демагогическихъ посулъ и митинговыхъ разрѣшеній вопроса. Нужно было дать нѣчто реальное, трезвое, осязательное, ибо голымъ обѣщаніямъ деревня давно уже перестала вѣрить, переживъ длинный рядъ разочарованій и даже обмановъ.

Но, вмѣсто этого, Временное Правительство медлило, затягивало рѣшенія, замѣняя ихъ словами и воззваніями.

Тѣмъ временемъ, созывъ Учр. Собранія все отсрочивался и оттягивался, деревня перестала вѣрить въ реальность «хозяина земли русской», устала его ждать, стала болѣе охотно прислушиваться къ голосамъ, призывавшимъ къ немедленнымъ дѣйствіямъ, къ самостоятельному разрѣшенію вопроса. Вр. Правительство не учло этого перелома въ настроеніяхъ деревни, не поняло, что ссылка на Учр. Собраніе постепенно превращается въ бюрократическую отписку. Вр. Правительство имѣло передъ собою ясно очерченную дилемму: либо тянуть съ земельной реформой и ждать улиты — Учр. Собранія, либо немедленно разрѣшить вопросъ, опереться на крестьянство, за которымъ, къ тому же, вѣдь, было обезпечено большинство въ Учр. Собраніи. Требовалась только извѣстная смѣлость въ разрѣшеніи вопроса въ данномъ смыслѣ, смѣлость, которой, вѣдь, хватило у правительства Керенскаго въ вопросѣ о немедленномъ провозглашеніи демократической россійской республики, независимости Польши, автономіи Украины и самоуправленія Финляндіи, не дожидаясь Учр. Собранія. Стремленіе Вр. Правительства ничего коренного не предпри-

нимать въ земельной области до и безъ Учр. Собранія объясняется стремленіемъ строгой охраны принципа законности и боязнью еще больше усилить произволъ. Сейчасъ, въ исторической перспективѣ, требованіе это въ примѣненіи къ земельному вопросу, рисуется ригористическимъ и излишне строгимъ. Конечно, въ то трудное время это не было столь ясно, легче т е п е р ь быть заднимъ умомъ крѣпкимъ, чѣмъ въ 1917 г. все предвидѣть и предусмотрѣть. Задачи передъ Вр. Правительствомъ стояли необъятной сложности, обстоятельства для ихъ разрѣшенія складывались очень мало благопріятно. Объективно нельзя не учитывать всѣхъ трудностей и препятствій, мѣшавшихъ осуществлять свои намѣренія Вр. Правительству.

Если бы такъ или иначе Вр. Правительство разрѣшило бы немедленно земельный вопросъ, распространенію анархіи въ странѣ былъ бы положенъ рѣшительный предѣлъ, демагогической агитаціи подрѣзаны крылья, одновремено было бы также сломлено недовѣріе крестьянъ, въ глазахъ которыхъ вы дача имъ нотаріальныхъ актовъ и уничтоженіе помѣщичьихъ купчихъ крѣпостей была бы, естественно, гораздо болѣе дѣйствительна, чѣмъ обѣщанія, рѣчи, воззванія, главноуговариванія и ссылки на Учр. Собраніе, которое начинало уже уподобляться барину, который, вотъ, пріѣдетъ и «все разсудитъ».

Надо еще принять во вниманіе, что уже во время Вр. Правительства насильственные захваты имѣній, разгромы усадебъ, «иллюминаціи» и поджоги экономій начинали выявлять свои грозныя послѣдствія: недосѣвъ, уничтоженіе живого и мертваго инвентаря, гибель сельско-хозяйственной промышленности. Надъ страной начиналъ рѣять призракъ голода, экономическое и финансовое положеніе государства уже и безъ того было подорвано войной. Ясно, что во имя государственной необходимости надлежало пойти на радикальную мѣру — немедленно, до и безъ Учр. Собранія, разрѣшить вопросъ о землѣ. Неисчислимы были бы политическія и экономическія послѣдствія этой мѣры, будь она своевременно принята.

Только два съ лишнимъ года спустя, въ Крыму, южнорусское правительство рѣшилось на закрѣпленіе земли за крестьянами въ порядкѣ не законодательномъ, а, такъ сказать, верховнаго управленія. Но мѣра эта была принята слишкомъ поздно, когда находящаяся подъ національно-государственной властью территорія не многимъ превосходила размѣръ одной только Таврической губ., когда лозунги революціоннаго Вр. Правительства были замѣнены дѣланіемъ «лѣвой политики правыми руками», когда исполнители земельной реформы были, какъ на зло, подобраны почти исключительно изъ старорежимнаго чиновничества столыпинской школы съ

г.г. Кривошеинымъ, Глинкой и т. д. во главѣ, когда недовѣріе крестьянъ и противо-агитація большевиковъ питалась не только специфическимъ подборомъ проводниковъ земельной реформы, но вліяніемъ на правительство помѣщичьихъ круговъ, представители которыхъ категорически отказывались отдать добровольно правительственной власти находящіяся у нихъ на рукахъ купчія крѣпости, все еще надѣясь, что кто-то — германскіе юнкеры! — вернетъ имъ ихъ имѣнія. Но, такъ или иначе, пусть съ запозданіемъ и ошибками, пусть не вполнѣ искренно и послѣдовательно, но архи-умѣренное правительство ген. Врангеля, какъ ни какъ, рѣшилось на немедленное рѣшеніе вопроса о землѣ, причемъ земельная комиссія при ген. Врангелѣ сперва выработала было законопроектъ съ тенденціей защиты помѣщичьихъ интересовъ, но ген. Врангель не пошелъ за большинствомъ членовъ комиссіи, примкнувъ къ мнѣнію оппозиціоннаго меньшинства ея членовъ.

Въ 1919 и 1920 г.г. уже шла рѣчь о легализаціи земельныхъ захватовъ и объ облегченіи борьбы съ большевиками путемъ привлеченія крестьянства на сторону краевой анти-большевистской власти; въ началѣ же 1917 г. могла бы идти рѣчь о предотвращеніи развитія волны земельныхъ захватовъ, о предотвращеніи недостатка хлѣба въ земледѣльческой странѣ, о предотвращеніи развитія большевизма. Исключительныя обстоятельства момента требовали и мѣръ исключительнаго характера, принятіе которыхъ должно было успокоить формально-юридическія сомнѣнія не въ мѣру строгихъ для революціонной эпохи легалистовъ, которые не могли не учесть того, что заранѣе имѣется возможность предвидѣть рѣшеніе Учр. Собранія, крестьянское большинство котораго, конечно, одобрило бы въ общихъ чертахъ проведенную въ пользу трудового крестьянства земельную реформу. Если же опытъ и показалъ бы необходимость, во имя, конечно, обще-государственныхъ соображеній, нѣкоторыхъ частичныхъ измѣненій и добавленій въ нѣсколько наспѣхъ проведенной въ жизнь земельной реформѣ, то всегда, вѣдь, имѣется возможность въ законодательномъ порядкѣ достраивать и перестраивать существующіе законы. Въ частности, межевое законодательство могло бы внести нужные коррективы къ нѣсколько хаотическому размежеванію въ захватномъ порядкѣ. Судебная практика точно также могла бы внести должное упорядоченіе въ размѣры крестьянскихъ владѣній.

Вр. Правительство было вполнѣ искренно, когда оно откладывало до Учр. Собранія разрѣшеніе ряда основныхъ и органическихъ вопросовъ, въ томъ числѣ и земельнаго. Но эта постоянная ссылка Вр. Правительства на грядущее Учр. Собраніе, къ сожалѣнію, сохранилась и послѣ паденія Вр. Прави-

тельства, и послѣ разгона Учр. Собранія. Такъ, въ періодъ Колчака и Деникина «кормили завтраками» крестьянъ, стремившихся легально и безъ опаски владѣть фактически находящейся въ ихъ пользованіи и распоряженіи землей. Такъ министръ иностранныхъ дѣлъ омскаго и екатеринодарскаго правительствъ С. Д. Сазоновъ любилъ ссылаться на Учр. Собраніе при всякаго рода переговорахъ съ окраинными государственными новообразованіями. Можно, не рискуя впасть въ ошибку, утверждать, что лично А. В. Колчакъ и лично А. И. Деникинъ были вполнѣ искренни, аргументируя, такъ сказать, отъ Учр. Собранія, имъ можно только поставить въ вину нѣсколько формальное отношеніе къ идеѣ народнаго суверенитета, а также допущеніе неискренняго использованія популярнаго лозунга окружавшими ихъ явными и прикрытыми реакціонерами. Ген. Деникинъ, лично рыцарски преданный идеѣ государственности, склоненъ былъ бы во имя государственной пользы пожертвовать помѣщичьими интересами, но большинство созданной ген. Деникинымъ земельной комиссіи на радикальное разрѣшеніе вопроса отнюдь идти не хотѣло, меньшинство членовъ комиссіи было аморфно-безсильно и дальше формулированія своего особаго мнѣнія не пошло. Ген Деникинъ не счелъ возможнымъ идти противъ большинства своихъ сотрудниковъ и утвердилъ выработанный ими проектъ.

При Столыпинѣ ради интересовъ 130 тысячъ помѣщиковъ всячески тормозили проведеніе назрѣвшихъ политическихъ и экономическихъ реформъ. При Ленинѣ ради интересовъ 130 тысячъ коммунистовъ держатъ свыше 4½ лѣтъ страну въ тискахъ крови и голода, насилія и разрушенія. Но 130 тысячъ помѣщиковъ не склонны ради преодолѣнія засилія 130 тыс. коммунистовъ поступиться своими классовыми, узко-эгоистическими интересами ради блага 130 милліоновъ населенія Россіи. Слѣпые и глухіе къ голосамъ жизни представители 130 тыс. помѣщиковъ въ однихъ случаяхъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, не допускали даже постановки на очередь осуществленія широкой земельной реформы, въ другихъ — какъ это, напр., было при ген. Врангелѣ, — выдѣляли изъ своей среды группу прямолинейныхъ оппозиціонеровъ, заявлявшихъ, что предпочитаютъ временно большевиковъ, которые, оріентируясь на Германію, ведутъ, въ конечномъ счетѣ, къ возстановленію монархіи, а реставрированный самодержавный монархъ возстановить-де и крупное землевладѣніе, и вообще всѣ привиллегіи помѣстнаго дворянства. Среди вакханаліи большевистской демагогіи, при недвусмысленномъ опасеніи населенія упоминанія словъ «старый режимъ», при явномъ несочувствіи Запада какимъ бы то ни было реставраціоннымъ планамъ, считали возможнымъ, не взирая ни на что, вести

монархическую проповѣдь, какъ это, напр., дѣлалъ В. В. Шульгинъ въ своихъ газетахъ въ Одессѣ и Екатеринодарѣ въ 1919 г. Ген. Деникинъ неоднократно и въ выраженіяхъ, не оставляющихъ мѣста для подозрѣнія въ неискренности, заявлялъ, что вопросъ о формѣ правленія будетъ разрѣшенъ Учр. Собраніемъ по окончаніи гражданской войны, а, въ то же время, членъ особаго совѣщанія при ген. Деникинѣ В. В. Шульгинъ, считалъ нужнымъ и допустимымъ вести печатно-монархическую пропаганду, давая тѣмъ самымъ большевиствующимъ элементамъ новый поводъ для агитаціи, а иностранцамъ — новыя данныя для недовѣрія къ анти-большевистской власти. Не вѣдая, что они творятъ, этого рода правые фактически являлись невольными пособниками большевиковъ, близоруко и нелѣпо подготовляя для нихъ почву своими дѣйствіями въ области общей политики, земельной проблемы національнаго вопроса и т. д.

Особенно ярко и особенно, въ то же время, пагубно эта недальнозоркая политика проявилась въ отношеніи къ крестьянству. И во время, и послѣ Вр. Правительства было азбучно ясно, что безъ опоры крестьянства никакая власть существовать не сможетъ, никакого порядка хоть сколько-нибудь прочнаго установить не удастся, никакое экономическое возрожденіе не будетъ возможно. Не взирая на это, минуя печальный опытъ Вр. Правительства, погибшаго въ значительной степени отъ неумѣнія опереться на широкія крестьянскія массы, и правительство адм. Колчака, и правительство ген. Деникина не сумѣло завязать нормальныхъ отношеній съ крестьянствомъ. Между тѣмъ, успѣшное завершеніе вооруженной борьбы съ большевиками не только настоятельно требовало установленія порядка въ мѣстностяхъ, освобожденныхъ отъ большевиковъ, не только имѣло одной изъ основныхъ предпосылокъ возстановленіе нормальныхъ экономическихъ взаимоотношеній города и деревни и, въ частности, нормальное снабженіе городовъ и арміи хлѣбомъ, — но и самый ходъ мобилизаціи населенія и пополненія ново-мобилизованныхъ анти-большевистскихъ армій — тормозился прохладнымъ, а порою и враждебнымъ настроеніемъ населенія деревни, этого главнаго людского резервуара для русской арміи всѣхъ эпохъ. Движеніе зеленыхъ, махновщина, атаманщина, различнаго рода анти-большевистскіе крестьянскіе отряды возникли именно на почвѣ недовѣрія деревни къ дворянско-помѣстному характеру омскаго, ростовскаго и севастопольскаго правительствъ.

Можно привести тысячи примѣровъ того, какъ максимализмъ большинства нашего помѣстнаго дворянства постепенно губилъ дѣло анти-большевистской борьбы, ничего, между про-

чимъ, не давая и доморощеннымъ Митрофанушкамъ, нарядившимся въ костюмъ ибсеновскаго Брандта съ его девизомъ «все или ничего». Помнится, между прочимъ, какъ въ концѣ 1919 г. всѣ приказы о мобилизаціи въ одесскомъ районѣ, издававшіеся агентами власти ген. Деникина, не давали почти никакихъ результатовъ: сказывался громадный недоборъ, процентъ явки на призывные пункты былъ очень слабъ, населеніе всячески уклонялось отъ несенія воинской повинности, не довѣряя власти и не вѣря въ ея способность охранить край отъ большевистскаго нашествія. Можно, конечно, всячески критиковать подобнаго рода линію поведенія населенія призывного возраста, фактически ослаблявшую военное противодѣйствіе ненавистнымъ большевикамъ, но нельзя, въ то же время, и не считаться и съ настроеніями этой зрѣлой части населенія, способной носить оружіе. Если бы въ деревняхъ не царило раздраженіе противъ грубости и скалозубовскихъ пріемовъ при реквизиціяхъ продовольствія и лошадей, при постояхъ и этапахъ, то мобилизаціонныя комиссіи встрѣчали бы иное къ себѣ отношеніе. Въ Херсонской губ. имѣется небольшой заштатный городъ Очаковъ, лежащія вокругъ котораго волости упорно не давали пополненій при мобилизаціяхъ, производившихся командующимъ войсками въ Новороссіи ген. Шиллингомъ. Когда же сталъ формироваться отрядъ одесскаго отдѣла союза Возрожденія Россіи и когда, послѣ долгихъ хлопотъ и препятствій, этому отряду разрѣшено было производить пополненіе въ районѣ Очакова, то крестьянская молодежь охотно стала идти въ отрядъ. Не трудно объяснить причину этого явленія. Въ отрядѣ союза Возрожденія царила дисциплина, не допускавшая скулодробительства и самоуправства, въ отрядѣ этомъ было общимъ правиломъ оплата реквизируемаго продовольствія и мобилизуемыхъ лошадей, офицерство этого отряда не только не вело проповѣди возстановленія крупнаго землевладѣнія, но, напротивъ того, въ бесѣдахъ охотно подчеркивало необходимость демократической земельной реформы и демократическаго самоуправленія деревни. Этотъ фактъ, мелкій, быть можетъ, самъ по себѣ, тѣмъ не менѣе, заключаетъ въ себѣ цѣлую программу, цѣнную еще и потому, что она не теоретична, не выдумана, а — жизненна, ибо взята изъ живой жизни . . .

Дворянско-помѣщичья идеологія фатально сказывалась во всѣхъ безъ исключенія попыткахъ вооруженнаго преодолѣнія большевиковъ. Одной изъ трагедій армій Деникина и Врангеля, являлось рекрутированіе офицерскихъ кадровъ изъ слоевъ реакціонно-настроеннаго дворянства. Прогрессивныхъ элементовъ было очень мало въ этихъ арміяхъ, въ особенности въ ихъ командныхъ составахъ. Въ итогѣ — старорежимные

навыки, органическое неумѣніе освоиться съ демократическимъ духомъ эпохи, самодурство, произволъ, насилія. Отвратительная постановка интендантской части вызывала часто самовольныя реквизиціи хлѣба и скота, угонъ лошадей, что, естественно, сильно раздражало населеніе, которое, порою, предпочитало поджечь хлѣбъ или угнать въ лѣсъ лошадей, чѣмъ отдавать ихъ «армейскимъ» безъ оплаты и при грубыхъ окрикахъ. Необходимо было съ особой деликатностью проявлять твердую власть, ибо населеніе успѣло уже отвыкнуть повиноваться распоряженіямъ власти, въ то же время особенно чутко реагируя на малѣйшую несправедливость, произволъ или насиліе. Всего этого не учитывали при реквизиціяхъ и расквартированіяхъ, зачастую многіе офицеры срывали злобу, давали волю чувству мести и раздраженія. Деревня не только отталкивалась въ сторону отъ арміи ген. Деникина безконечными реквизиціями безъ соотвѣтствующей оплаты, крестьянство не только раздражалось повадками агентовъ власти, но южнорусское крестьянство стало снова воочію видѣть дѣлавшійся все болѣе реальнымъ призракъ попытки возстановленія правъ и привиллегій владѣльцевъ крупныхъ помѣстій. Дѣло не сводилось только къ безконечнымъ и безполезнымъ обсужденіямъ земельнаго вопроса и къ откладыванію его разрѣшенія «на завтра» — до Учр. Собранія, но въ составѣ арміи ген. Деникина состояло не мало офицеровъ, оказавшихся владѣльцами или родственниками владѣльцевъ захваченныхъ крестьянами имѣній. При занятіи какого-либо уѣзда, панику на крестьянъ наводилъ одинъ уже фактъ появленія въ ихъ мѣстахъ ихъ прежняго помѣщика, а тутъ еще, сплошь да рядомъ, офицеръ-помѣщикъ считалъ возможнымъ и допустимымъ насильственно вернуть свое имѣніе, прибѣгая при этомъ къ экзекуціямъ, къ обстрѣламъ и т. д. Все это зажигало вновь костеръ соціальной ненависти, придавая и самой Добровольческой арміи въ глазахъ крестьянства классовый, дворянско-помѣщичій характеръ. Прежнія корниловскія традиціи, прежняя алексѣевская школа государственности, деникинскіе призывы къ законности и порядку — стали замѣняться классовой ненавистью и безудержнымъ чувствомъ мести. Часть офицерства освободительной отъ тираніи большевиковъ арміи — горѣла жаждой мести, упорнымъ и слѣпымъ стремленіемъ отплатить за понесенные убытки и пережитые ужасы жакерій. Идейная, патріотически-государственная часть офицерства Добрарміи была безсильна парализовать политику классовыхъ вожделѣній болѣе вліятельной группы офицерства, ненаходившей, къ тому же, противодѣйствія и со стороны реакціонной части генералитета, столь тѣснымъ кольцомъ облѣпившаго ген. Деникина, лично преисполненнаго наилучши-

ми намѣреніями, но недостаточно рѣшительнаго, неумѣвшаго выбирать себѣ сотрудниковъ и твердо установить опредѣленную линію поведенія. Членомъ особаго совѣщанія по вѣдомству земледѣлія былъ одно время г. Колокольцевъ, опредѣленно проникнутый помѣщичьей идеологіей въ своихъ аграрныхъ построеніяхъ. Проектъ земельной реформы, вырабатывавшійся долгое время подъ руководствомъ г. Колокольцева, былъ настолько проникнутъ опредѣленнымъ духомъ, что ген. Деникинъ рѣшилъ смѣстить его вдохновителя. Этотъ правильный шагъ не имѣлъ, однако, надлежащихъ послѣдствій, такъ какъ и преемникъ г. Колокольцева — проф. Билимовичъ особой широтой взглядовъ въ земельномъ вопросѣ не отличался и демократической репутаціи отнюдь не имѣлъ. Подъ флагомъ внѣшней объективности и нейтральности г. Билимовичъ проносилъ нѣкоторую осторожность и не полную искренность въ разрѣшеніи основного пункта земельнаго вопроса — о судьбѣ помѣщичьяго землевладѣнія.

Ген. Врангель внѣшне отошелъ отъ дворянско-помѣщичьей идеологіи, внѣшне подошелъ къ реализаціи основныхъ нуждъ крестьянства, но, къ сожалѣнію, и тутъ сказалось вліяніе антуража, очень скоро сведшаго основы демократической политики въ отношеніи къ деревнѣ къ внѣшней оболочкѣ, тактическому пріему, дававшимъ слишкомъ часто основанія для заподазриванія въ неискренности. Нужно, однако, отдать должное ген. Врангелю. На первыхъ, въ особенности, шагахъ своей дѣятельности въ Крыму онъ, учитывая уроки вчерашняго дня, осуществилъ кое-что въ духѣ справедливыхъ пожеланій крестьянства — прекратились грабежи воинскихъ отрядовъ по деревнямъ, стали оплачиваться реквизируемые продукты, принимались во вниманіе при конскихъ мобилизаціяхъ существующія въ данной мѣстности цѣны на лошадей, причемъ осуществленіе конской повинности производилось часто одновременно со снабженіемъ данной деревни давно отсутствовавшими въ ней предметами крестьянскаго обихода, каковые предметы стали также доставляться и для обмѣна на хлѣбъ для арміи и для экспорта заграницу. Но въ земельномъ законѣ ген. Врангеля имѣлись свои дефекты, нѣкоторые изъ которыхъ — какъ напр., оставленіе за монастырями ихъ значительныхъ въ Таврической и Херсонской губ. имѣній, обычно сдававшихся въ аренду — давали поводъ для агитаціи и сѣянія недовѣрія. А тутъ еще подоспѣли медленность въ практическомъ осуществленіи реформы, тенденціозный подборъ чиновниковъ вѣдомства земледѣлія, гоненіе на прогрессивную деревенскую интеллигенцію и кооперацію. Стала все явственнѣе вырисовываться «ставка на сѣрячка», спекуляція на деревенскую темноту и невѣжество.

Однако, южно-русскій крестьянинъ, обжегшись на молокѣ, давно уже сталъ дуть и на воду, проявляя законный скептицизмъ ко всѣмъ тѣмъ, кто брался за разрѣшеніе земельнаго вопроса. Не приходится, поэтому, удивляться тому, что скептицизмъ этотъ, находя почву для своего развитія, сталъ постепенно претворяться въ недовѣріе.

Южно-русская анти-большевистская власть имѣла, между тѣмъ, наглядное и краснорѣчивое доказательство того, какого не слѣдуетъ держаться курса въ отношеніи къ деревнѣ, въ отошедшей уже въ область исторіи, но фактически столь еще неотдаленной эпохѣ гетманства и австро-германской оккупаціи Украины. Эта эпоха особенно богата проявленіями классоваго эгоизма, шкурничества и недальновидности. Оффиціально гетмана Скоропадскаго провозгласили таковымъ мелкіе земельные собственники, но, на дѣлѣ, армякъ мелкаго земельнаго собственника понадѣвали и многіе крупные помѣщики, замаскировавшіеся «хлѣборобами». Этотъ камуфлажъ проявился не только въ области политической, но аграрно-хозяйственной: гетманская власть не только мнимо опиралась на мелкихъ собственниковъ, но и мнимо защищала ихъ земельныя нужды. Сѣрые хлѣборобы, по прежнему, продолжали чувствовать себя въ правовой и земельной кабалѣ, а отъ ихъ имени выступали помѣщики-дворяне, князья и графы. Самъ ген. Скоропадскій — крупный помѣщикъ, можетъ быть, и склоненъ былъ ради сохраненія власти отказаться отъ своихъ имѣній и создать опору своего гетманства въ навербованной изъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ арміи, но эти планы, фактически, осуществлены не были — таково было противодѣйствіе всевластныхъ сіятельныхъ «хлѣборобовъ» и отчасти, оккупантовъ.

Опираясь на иноземные штыки, весьма многіе, если не большинство помѣщиковъ Украины, стали не только отбирать обратно у крестьянъ свои имѣнія, но и взыскивать съ нихъ всѣ потери и убытки за разгромъ усадебъ, уничтоженіе инвентаря, пользованіе урожаемъ и т. д. При этомъ, опредѣленіе суммы убытковъ производилось очень приблизительно, но неизмѣнно — въ сторону увеличенія. Принималось во вниманіе паденіе цѣнности денегъ и параллельное увеличеніе стоимости построекъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, матеріаловъ, рабочихъ рукъ и т. д. Но,несмотря и на это, взыскиваемая съ крестьянъ-захватчиковъ сумма все же превосходила на много истинный размѣръ фактически понесеннаго убытка. Надо сказать, что склонность къ преувеличенной расцѣнкѣ убытковъ проявляли почти поголовно всѣ помѣщики, которыхъ обуяло повѣтріе мести и наживы, по истинѣ, свирѣпствовавшее въ то время на Украинѣ. Не только

закоренѣлые зубры, но и многіе помѣщики-интеллигенты не умѣли удержаться на должной границѣ. Было до очевидности ясно, что подобнаго рода пляска на непотухшемъ еще вулканѣ не можетъ не дать своихъ грозныхъ послѣдствій, но предостерегающіе голоса успѣха не имѣли. Скептическими улыбками было, помнится, встрѣчено воззваніе одесскаго областного комитета партіи народной свободы къ землевладѣльцамъ и земледѣльцамъ Новороссіи, которыхъ призывали замѣнить чувство мести и безудержнаго корыстолюбія сознаніемъ справедливости и права, отказавшись, съ одной стороны, отъ истребованія преувеличенныхъ выплатъ за убытки отъ разгрома или захвата имѣній, а, съ другой стороны, отъ реагированія на узаконенное гетманской властью право на возмѣщеніе фактически понесенныхъ убытковъ — путемъ новыхъ поджоговъ, разгромовъ, грабежей и убійствъ.

Вспоминается ранняя осень 1918 г. Мнѣ пришлось прожить въ то время мѣсяцъ въ одномъ изъ уѣздовъ Подольской губ. Чуть ли не каждый вечеръ, къ закату солнца, изъ какой либо изъ окрестныхъ деревень раздавалась стрѣльба—сперва ружейная, потомъ — пулеметная, наконецъ, — орудійная. Это дѣйствовали «контрибуціонные» отряды. Помѣщикъ опредѣлялъ въ «круглыхъ цифрахъ» размѣръ понесеннаго имъ отъ захвата имѣнія убытка, взысканіе котораго поручалось австрійскому отряду (въ сѣверной Украинѣ — германскому). Обычно извѣстный %%, порою довольно значительный, обѣщанъ былъ помѣщикомъ въ пользу отряда и его командира, причемъ эти «расходы по взысканію» заранѣе включались въ размѣръ взыскиваемой суммы. Явившись въ деревню, начальникъ отряда предъявлялъ требованіе о немедленной уплатѣ взыскиваемой помѣщикомъ суммы. Обычно слѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, съ ссылками на отсутствіе денегъ, на неучастіе въ захватѣ или разгромѣ. Тогда раздавались, острастки ради, первые ружейные выстрѣлы, сопровождаемые звономъ битаго стекла, плачемъ дѣтей, лаемъ и мычаніемъ животныхъ. Мужики переминались съ ноги на ногу, упорствуя въ своемъ отказѣ. Послѣ этого пускался въ ходъ пулеметъ, направленный на какой либо амбаръ, либо хлѣвъ. Паника усиливалась, крики, плачъ и ревъ увеличивались. А тутъ еще дѣлалось предупрежденіе, что сумма взысканія будетъ расти въ зависимости отъ количества произведенныхъ выстрѣловъ, согласно опредѣленной расцѣнкѣ за каждый выстрѣлъ, въ зависимости отъ того, изъ какого орудія онъ сдѣланъ. Мужики начинаютъ совѣщаться, предлагаютъ внести уменьшенную контрибуцію, слѣдуетъ грозное требованіе уплаты цѣликомъ всей взыскиваемой суммы, раздается гулъ перваго орудійнаго выстрѣла. Бабы и дѣти отъ страха начи-

наютъ рыдать особенно громко, мужики снова совѣщаются, начинается собираніе денегъ и взносъ всей первоначально требовавшейся суммы, плюсъ «расходы по взысканію». Австрійскій отрядъ удаляется, чтобы на завтра продѣлать подобную же «операцію» въ другомъ мѣстѣ. Австрійцевъ сопровождаютъ озлобленные, исподлобья взгляды. Легко можно себѣ представить, какія чувства зарождаются въ сердцахъ крестьянъ . . .

Но съ этимъ не считаются слѣпцы и безумцы, не задумывающіеся надъ послѣдствіями своей жадной и мстительной политики. Многіе скоро пали жертвами своей близорукости, будучи убиты изъ-за угла, много членовъ помѣщичьихъ семей было въ то время убито, много совершено поджоговъ, инымъ пришлось бѣжать изъ отвоеванной усадьбы изъ-за нависшаго опасенія кровавой расправы. Сверженіе гетманской власти и успѣхъ петлюровскаго движенія въ значительной, если не въ исключительной степени были вызваны именно корыстолюбиво - мстительнымъ способомъ возстановленія помѣщичьяго землевладѣнія. Крестьяне, затаивъ въ сердцѣ горечь обиды за экзекуцію, за карательную экспедицію, за преувеличенно высокую сумму контрибуціи, легко поддавались агитаціи демагоговъ разныхъ мастей и наименованій, безъ особаго труда натравливавшихъ на оккупантовъ и помѣщиковъ . . .

Мнѣ привелось посѣтить одно изъ имѣній, подвергшихся сперва разгрому крестьянами, а, затѣмъ — возвращенное его владѣльцу послѣ контрибуцій, экзекуцій, стрѣльбы и т. д. Картина была жуткая и грозная. Богатый барскій домъ носилъ еще на себѣ всѣ слѣды разрушенія. Въ углахъ террасы и въ саду были еще сложены обломки мрамора, майолики, куски переплетовъ старинной работы, обрывки книгъ. Но въ домѣ уже кипѣла работа — это сосѣдніе крестьяне, которыхъ обвиняли въ разгромѣ, возстанавливали разрушенное. Неумѣлыми руками починялся паркетъ, вставлялись оконныя рамы, возстанавливались лѣпныя украшенія потолка. Работа эта производилась буквально въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдствій и доказательствъ столь еще недавняго дикаго и хулиганскаго погрома усадьбы. Надо было, однако, видѣть выраженіе лицъ крестьянъ, возстанавливавшихъ ими же разгромленный домъ . . .

Но власть имущимъ и помѣщикамъ не было ясно, что такимъ путемъ порядка въ деревнѣ не возстановить и края не умиротворить. Въ воздухѣ накоплялось все больше электричества и разрядка не заставила себя долго ждать. Политика мстительнаго «око за око, зубъ за зубъ» неминуемо должна была вызвать взрывъ. И взрывъ этотъ произошелъ, вы-

звавъ немало жертвъ, много новыхъ страданій, слезъ и горя, причемъ среди жертвъ были и иные близорукіе виновники вз.рыва и ихъ близкіе, жены и дѣти. Кромѣ того, въ сердцахъ накопилось столько злобы, столько чувства обиды, столько стремленій къ слѣпой мести, что и въ будущемъ еще скажутся эти потайные пороховые погреба злыхъ чувствъ и настроеній.

Аграрные безпорядки принимали у насъ дикую форму погромовъ, грабежей и насилій; нѣтъ достаточныхъ словъ осужденія этихъ проявленій хулиганства, вызваннаго народной темнотой, крестьянской жадностью, непомѣрно долгимъ оттягиваніемъ разрѣшенія земельнаго вопроса, гнусной демагогіей и наталкиваніемъ на преступленіе со стороны большевиковъ, лѣвыхъ эсэровъ и т. д. Но, тѣмъ не менѣе, съ аграрной революціей нельзя не считаться, какъ съ фактомъ, нельзя не сдѣлать всѣхъ выводовъ, явно вытекающихъ изъ этой первостепенной важности совокупности явленій. Въ экономической жизни, равно какъ и въ жизни природы, имѣютъ мѣсто явленія, которыя не подлежатъ измѣненіямъ въ смыслѣ возвращенія вспять. Нельзя, поэтому, не учесть факта завладѣнія крестьянствомъ всей частно-владѣльческой землей, въ области распредѣленія которой, быть можетъ, и произойдутъ еще перемѣны, но возвращеніе которой обратно въ помѣщичьи руки просто н е м ы с л и м о. Можно разно расцѣнивать этотъ фактъ: можно сѣтовать на неизбѣжно вызываемое имъ пониженіе на рядъ лѣтъ производительности земли, упадокъ сельско-хозяйственной культуры, ухудшеніе качества экспортнаго зерна, сокращеніе количества продуктовъ питанія городского населенія. Но реальная и трезвая оцѣнка говоритъ за то, что вспять колеса исторіи повернуть нельзя, что никоимъ образомъ не удастся возстановить прошлое, заставивъ крестьянъ — съ началомъ войны сплошь снабженныхъ оружіемъ, количество котораго еще сильно возрасло за время демобилизаціи, революціи и гражданской войны — вернуть землю помѣщикамъ. Нужно, оставивъ химеры, легализовать случившееся, упорядочить распредѣленіе земли, прилагая всѣ усилія къ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства.

Помѣщичье же хозяйство обречено на почти полное уничтоженіе не только въ силу реальнаго соотношенія силъ. Невозможно возстановить крупныя и многія среднія помѣщичьи хозяйства раньше всего изъ-за полнаго уничтоженія мертваго и живого инвентаря, возстановленіе котораго въ прежнемъ размѣрѣ потребовало бы и значительнаго времени и громадныхъ средствъ. Помимо этого финансово-экономическаго препятствія, имѣются еще и психологическія, можетъ быть, даже большей силы и значенія: помѣщику не только будетъ тяже-

ло возвращаться въ свою обращенную въ руину усадьбу, но будетъ рискованно снова подвергать себя и семью опасности повторенія жакерій, проявленій мести и т. д. Если даже допустить возможность, послѣ всего пережитого, созданія такой полицейской организаціи, которая могла бы защитить крупное землевладѣніе отъ покушеній на него со стороны крестьянства, врядъ ли сила привычки крестьянъ владѣть въ теченіе около 5 лѣтъ помѣщичьей землей, могла бы быть сломлена силой нагаекъ урядниковъ и штыковъ «охранныхъ сотенъ».

Среди помѣстнаго дворянства, къ сожалѣнію, только ничтожное меньшинство примирилось съ неизбѣжностью уничтоженія крупнаго землевладѣнія, большинство же настроено упрямо-фанатично, непримиримо и агрессивно. Среди примирившихся, однако, весьма мало активныхъ и вліятельныхъ элементовъ, проявляютъ себя и выступаютъ все больше непримиримые. Такъ, впрочемъ, было и въ 1861 г., когда «кающіеся дворяне» были отнюдь не въ большинствѣ и сила сопротивленія крѣпостниковъ была сломлена не изнутри помѣстнаго дворянства, а извнѣ — государственнымъ вмѣшательствомъ и давленіемъ.

Въ настоящее время важно раньше всего провозглашеніе принципіальнаго положенія о томъ, что за крестьянствомъ должно быть закрѣплено фактическое владѣніе землей. Изъ этого основного положенія и въ соотвѣтствіи съ его основнымъ духомъ, долженъ быть проведенъ на практикѣ процессъ правового закрѣпленія земли за крестьянствомъ. Конечно, при этомъ не можетъ не приниматься во вниманіе хаотичность земельныхъ захватовъ, ихъ насильственный и неправовой характеръ, не давшій въ силу этого правильнаго распредѣленія земли внутри самого крестьянства. Несправедливо, чтобы болѣе ловкій, хитрый или сильный крестьянинъ захватилъ большее количество земли, тогда какъ его сосѣдъ или односельчанинъ продолжаетъ прозябать съ семьей на нищенскомъ душевомъ надѣлѣ. Недостаточно одного только правового закрѣпленія государствомъ земли за крестьянами, нужно и государственное урегулированіе совершившагося перехода земель въ руки крестьянъ...

Только при условіи проведенія въ жизнь этой программы, можетъ создаться въ Россіи твердая и прочная власть; только та группа или партія, которая искренно и энергично возьмется за осуществленіе земельной реформы въ указанномъ направленіи, сможетъ удержаться у власти и способствовать укрѣпленію порядка. Само собою понятно, что формула о необходимости для водворенія демократическаго порядка, «опереться на крестьянство», какъ и всякая формула, страдаетъ

чрезмѣрной общностью и нѣкоторой расплывчатостью. Крестьянство не является чѣмъ-то единымъ и одно-слойнымъ, сложная гамма экономическихъ отношеній дробитъ крестьянство на группы, съ противоположными порою интересами. Кулацкіе элементы, не въ мѣру жадные захватчики оказавшейся безхозяйственной земли, эксплуататоры въ крестьянскихъ зипунахъ, естественно, не могутъ и не должны пользоваться покровительствомъ закона въ такой же степени, какъ скромные труженники-землепашцы. Если основа земельнаго закона будетъ ясна, если составъ исполнителей этого закона будетъ подобранъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ его духомъ, то не придется и особенно опасаться за судьбу тѣхъ или иныхъ, даже самыхъ сложныхъ казусовъ земельной практики: они будутъ разрѣшаться въ духѣ справедливости, государственной цѣлесообразности и экономической демократичности. Попытки создать новый земельный правопорядокъ, если и встрѣчали затрудненія, напр., на территоріи Добровольческой арміи, то, во-первыхъ, потому, что тамъ не умѣли оборвать и устранить глухую оппозицію и саботажъ явныхъ и тайныхъ помѣщичьихъ элементовъ и ихъ подголосковъ, а, во-вторыхъ, потому, что многотрудное дѣло приходилось разрѣшать не только при нелегко устранимыхъ препятствіяхъ, но и безъ достаточнаго опыта и навыка. Кромѣ того, на югѣ, въ условіяхъ военнаго времени, въ атмосферѣ небольшихъ правительственныхъ центровъ, при отсутствіи достаточныхъ кадровъ для руководительства и инструктированія исполнителей назрѣвшихъ реформъ, особенно остро становился вопросъ о томъ, какъ и гдѣ найти надежныхъ и сильныхъ проводниковъ земельной реформы. При всероссійскомъ масштабѣ, при наличіи правильной организованности общественныхъ и политическихъ силъ, при обиліи и разнообразіи кандидатовъ-спеціалистовъ, не такъ уже будетъ трудно опредѣлить, кто именно долженъ быть руководителями при составленіи земельнаго закона и исполнителями при его проведеніи въ жизнь.

IV

Соціальныя силы.

Даже при самомъ критическомъ отношеніи къ марксистской теоріи чисто классового строенія современнаго общества, нельзя не признать того, что на аренѣ жизни борьба ведется —различаемыми и невооруженнымъ марксистскими очками глазомъ — представителями отдѣльныхъ соціальныхъ

группъ. Соціальныя силы, дѣйствовавшія въ Россіи и до революціи, — со времени низложенія царской власти стали болѣе отчетливо и болѣе ясно проявлять себя. Постепенно, однако, стало выясняться, что освобожденіе страны отъ сковывавшихъ ее оковъ, — государственно-цементирующаго сложенія силъ сразу не дало, что, напротивъ того — параллелограмъ силъ русской государственности сталъ распадаться подъ вліяніемъ центробѣжныхъ устремленій, едва ли не главными среди которыхъ были безмѣрный эгоизмъ, безмѣрная жадность, безмѣрное пренебреженіе интересами цѣлаго.

Нужно откровенно признать, что на трудномъ экзаменѣ государственной жизни, именуемомъ россійской революціей, положительно никто не оказался на высотѣ положенія. Ни одна группа, ни одинъ слой, ни одинъ классъ не выдержали испытанія.

Крестьяне и рабочіе, помѣщики и торгово-промышленный классъ, всѣ разновидности интеллигенціи и либеральныхъ профессій имѣли свой строго очерченный обликъ и въ царскій періодъ, но учащеніе темпа жизни, неизбѣжное въ революціонные періоды всеобщее усиленіе активности, калейдоскопически-быстрая смѣна событій — дали всѣмъ слоямъ народа возможность проявить себя во весь ростъ, явственно отразивъ на экранѣ жизни многообразіе свѣто-тѣней. И, надобно сознаться, что, при этомъ, тѣневыя стороны выступили рельефнѣе, что свѣтлыхъ пятенъ удалось улицезрѣть не много.

Нѣтъ, однако, нужды и основаній, подъ вліяніемъ накопленнаго опыта, впадать въ мрачный пессимизмъ и въ отчаяніи опускать руки. Напротивъ того, быстрый темпъ событій послѣдняго 4-лѣтія имѣлъ то положительное послѣдствіе, что онъ многое раскрылъ, многому научилъ, отъ многаго излечилъ. На долю всѣхъ, безъ исключенія, выпали тяжелыя и серьезныя испытанія, всѣмъ пришлось многое остро пережить, во многомъ разочароваться. Въ огнѣ гражданской войны сгорѣли многія иллюзіи и заблужденія, но этотъ же огонь способствовалъ и выковкѣ иныхъ, новыхъ, навыковъ и началъ.

Жизнь научила всѣхъ сыновъ Россіи любить свою страну новой, болѣе почвенной и дѣйственной любовью. Начинаетъ зарождаться русскій патріотизмъ новой формаціи, сочетающій въ себѣ идеализмъ съ реализмомъ. Прежній фатализмъ и пассивность начинаютъ смѣняться тягой къ дѣйственной активности. Максимализмъ потерпѣлъ слишкомъ явственный и ощутительный уронъ, чтобы, въ оппозицію ему, не стало зарождаться чувство практической мѣры. На горькомъ опытѣ попытки осуществленія интернаціоналистической программы все быстрѣе стало строиться національное самосознаніе, зака-

ляемое бездной національныхъ униженій, столь болѣзненно ощущаемыхъ, какъ въ самой Совдепіи, такъ и въ бѣженствѣ. Теоретически—инстинктивное отрицаніе началъ государственной власти и принужденія смѣняется осознаніемъ идеи государственности, всеобщимъ теперь преклоненіемъ передъ нею.

Этотъ сдвигъ и эволюцію переживаютъ и пережили представители, какъ старшаго, такъ и младшаго поколѣнія; и отцы, и дѣти выходятъ съ преображенной психикой изъ революціонной бури. Въ горнилѣ испытаній едва ли не всѣ возрастные пласты пересмотрѣли свои вѣрованія и взгляды.

Этотъ сдвигъ общественныхъ настроеній рисуется, какъ едва ли не всеобщій и, во всякомъ случаѣ, глубоко коснувшійся всѣхъ классовъ и группъ населенія, въ частности — крестьянскаго. Повидимому, исторической судьбѣ нужны были искупительныя жертвы, чтобы просвѣтлить государственно-національное сознаніе населенія Россіи, всѣхъ его слоевъ и группъ.

а. Крестьянство.

Русское крестьянство, темное, загнанное, жадное, забитое и невѣжественное, таило въ себѣ отрицательныя черты, накопленныя въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ безправія, безграмотности, беззаконія и безземелія. Все это дало обильные всходы въ революціонный періодъ. Одни — большинство — не предвидѣли характеръ этихъ всходовъ, не зная народа, убаюканные слащавымъ народничествомъ значительной части нашей литературы. Другіе, знавшіе деревню не изъ книгъ, а изъ живой дѣйствительности, не сумѣли — и даже не попытались — канализировать темныя стороны крестьянскаго быта, парализовать дѣйствіе разрушительныхъ, анти-культурныхъ силъ. Въ итогѣ, ни изъ нѣдръ крестьянства, ни изъ среды той интеллигенціи, которая стояла ближе къ деревнѣ — земскій третій элементъ, кооператоры, — не выявлено было противоядіе губительной работѣ разложенія и развращенія.

Большое, конечно, горе, что русскій либерализмъ, русскій радикализмъ, русскій соціализмъ, въ общемъ, не достаточно точно знали русскій народъ. Создано было туманное, книжное представленіе, далекое отъ дѣйствительности, полное иллюзій и прикрасъ. Событія 1905—1906 г.г. не оставили достаточно глубокаго слѣда, по крайней мѣрѣ, они не заставили замѣнить розовыхъ очковъ, сквозь которыя принято было разсматривать жизнь деревни и крестьянства, обыкновенными очками, съ обыкновенными бѣлыми стеклами, приспособленными для близорукихъ. «Деревня» И. А Бунина, написан-

ная еще въ 1909 г., дала картину сѣрыхъ деревенскихъ будней, съ ихъ пьянствомъ, темнотой, дикостью, злобой, эгоизмомъ, узостью, жадностью, косностью и мракомъ. Но и бунинская «Деревня» не убила многихъ иллюзій, не привила любви къ жизненной правдѣ, не научила смотрѣть истинѣ въ глаза, не предостерегла отъ многихъ горькихъ разочарованій, столь остро сказавшихся 8 лѣтъ спустя послѣ опубликованія «поэмы» Ив. Бунина. Такова, впрочемъ, судьба литературныхъ произведеній, дававшихъ трезвую и реальную оцѣнку жизни деревни. И у Глѣба Успенскаго вырывалось восклицаніе по адресу мужика: «съ нимъ не сольешься, а сопьешься», но и этотъ крикъ отчаянія какъ-то не былъ услышанъ и правильно учтенъ. Въ равной степени, только мимоходомъ коснулась общественнаго сознанія и мягкая сатира чеховскихъ «Мужиковъ».

Если въ помѣщичьихъ кругахъ и знали подлинный ликъ деревни, то не только обычно ничего не дѣлали для его измѣненія и улучшенія, но, наоборотъ, опекунской плетью и «отеческой» эксплуатаціей только заостряли положеніе. Нужно было давно понять, что плетью обуха не перешибешь, что упорнымъ эгоизмомъ одной стороны не излечить не менѣе жадной и упорной тяги къ землѣ другой стороны. Всего этого не хотѣли понять ни въ Совѣтѣ объединеннаго дворянства, ни въ царскомъ правительствѣ. Въ результатѣ — ростъ озлобленія, накопленіе мстительныхъ чувствъ, безпросвѣтное невѣжество, потомственный алкоголизмъ. Никто и не стремился внести примиряющее начало, ослабить правовой и экономическій гнетъ, просвѣтить, однимъ словомъ — разрядить атмосферу, внести въ нее хоть немного больше свѣта, справедливости и человѣколюбія. Въ итогѣ — скопилось столько взрывчатыхъ газовъ, что сотрясеніе и получилось небывалое по количеству жертвъ и по своей разрушительной силѣ.

Татарское иго, крѣпостное право, война — таковы этапы жизни русскаго крестьянства, подготовлявшіе разгулъ его низменныхъ страстей въ періодъ революціи. Вѣками накоплялась злоба, ненависть, неуваженіе къ личности, обезцѣненіе цѣнности жизни и т. д. Три года войны были для темныхъ умовъ длинной чередой организованныхъ и дозволенныхъ убійствъ. На войнѣ — «жизнь-копейка», и въ революціи крестьянское сознаніе не дошло до уваженія къ цѣнности жизни. Пролитіе крови на внѣшнемъ фронтѣ получило какъ бы продолженіе въ кровопролитіи на фронтѣ внутреннемъ. Изъ кроваваго зарева войны, въ нездоровыхъ испареніяхъ милитаризма родилась революціи 1917 г. и съ самаго своего начала носила она въ себѣ зачатки кроваваго безумія. Сперва, нѣсколько времени, безуміе это не проявлялось, но тѣмъ сильнѣе и гру-

бѣе оно сказалось съ конца лѣта и съ осени 1917 г. Красный смѣхъ зазвучалъ по всему пространству русской земли и раскаты его были грубо-зловѣщи.

Пожаръ революціи показалъ воочію, какъ слабо и ничтожно было чувство патріотизма въ крестьянской средѣ. О родинѣ, объ общихъ интересахъ, о Россіи никто не думалъ, всѣ помыслы были направлены въ сторону чего-то болѣе узкаго — удовлетворенія личнаго земельнаго голода. Жадно тянуло къ землѣ, къ обладанію ею, къ захвату ея въ возможно большемъ количествѣ. Это заставляло бросить фронтъ, это побуждало не сдавать винтовки, сохраняя ее «на всякій случай», это же диктовало и безсознательно-стихійныя «дѣйствія» на мѣстахъ — отъ захвата сосѣдняго имѣнія до разгрома усадьбы, — чтобы исчезъ и этотъ символъ помѣщичьяго строя, — до уничтоженія инвентаря — чтобы нельзя было и въ будущемъ возстановить крупное помѣщичье хозяйство. Въ этой тягѣ къ землѣ и жаждѣ наживы проявлялось не только чисто стихійно-магнетическое притяженіе къ объекту вѣковыхъ мечтаній и вожделѣній — власть земли, — но сказывалась также и власть тьмы — органическая страсть къ разрушенію, скифская дикость, первобытное стремленіе къ уничтоженію культурныхъ цѣнностей, такихъ непонятныхъ, чуждыхъ и раздражающихъ своей связью и принадлежностью имъ, — барамъ и помѣщикамъ, — людямъ съ той стороны баррикады.

Революція 1917—1918 г.г. дала кроваво-яркій образчикъ особыхъ свойствъ уклада нашей деревни: солдатско-крестьянская вольница оставляла фронтъ, упорно не поддавалась убѣжденіямъ о необходимости защиты родины, понятіе о которой въ крестьянскомъ сознаніи затмевалось представленіемъ о родной деревнѣ, волости, уѣздѣ. Къ чему-де прилагать усилія къ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ родины, когда нужно спѣшить покончить съ завладѣніемъ землею, преодолѣть сопротивленіе сосѣднихъ помѣщиковъ, внутреннихъ враговъ безземельнаго и малоземельнаго крестьянства? Только впослѣдствіи, при нѣмецкой оккупаціи юга Россіи, національные импульсы стали уже въ нѣкоторой степени проявляться и въ крестьянской средѣ, выливаясь въ партизанскую борьбу противъ нѣмцевъ. Оккупанты стали вывозить хлѣбъ — и крестьяне стали всячески мѣшать имъ, оказывая содѣйствіе забастовкѣ протеста желѣзнодорожниковъ на Юго-Западныхъ жел. дорогахъ, организуя повстанческіе отряды и т. д.

Пока еще существовала обще-государственная власть, выдвинутая революціей, ея распоряженій деревня не выполняла, недовѣрчиво видя въ нихъ отзвуки чего-то стараго и чуждаго. Недовѣріе къ государственной власти породило стремленіе

обходиться собственными установленіями, которымъ и центральная государственная власть пыталась передать свои полномочія и права. Но деревня прислушивалась и къ голосу земельныхъ комитетовъ, волостныхъ земствъ, совѣтовъ крестьянскихъ депутатовъ лишь постолько, посколько они потакали вожделѣніямъ рядового крестьянства: не брали, а — давали, не принуждали, а — обѣщали. Деревня хотѣла сама захватить землю у помѣщиковъ, сама ее распредѣлить, самой продѣлать весь процессъ перехода и закрѣпленія помѣщичьей земли за крестьянами-землепашцами. При этомъ, думали не столько о крестьянахъ-землепашцахъ вообще, сколько о жителяхъ селъ и деревень, прилегающихъ къ данному имѣнію: не только не было обще-государственнаго масштаба, не дошли и до обще-классоваго сознанія, все сводилось къ ближайшей околицѣ, къ сосѣднимъ мужикамъ и сосѣднему имѣнію.

Такъ и случилось. Петровѣровскіе крестьяне захватили петровѣровскую экономію, севериновскіе — севериновскую и т. д. Агенты государственной власти были при всемъ этомъ, что называется, не при чемъ. Потомъ пришли большевики и заднимъ числомъ санкціонировали все совершившееся, происшедшее подъ значительнымъ вліяніемъ ихъ же «лозунга» — «грабь награбленное». Но скоро кругъ «мужицкаго царства» сталъ замыкаться: коммунисты стали искусственно насаждать коммуну, насильственно реквизировать имѣвшіеся запасы зерна, регламентировать запашку, стѣснять свободный сбытъ хлѣба и т. д. Большевистская власть дошла до того, что, посуливъ крестьянству полное уничтоженіе крупнаго землевладѣнія, она же въ 1920 г. издала декретъ о «продовольственныхъ концессіяхъ», въ силу каковаго декрета иностранцамъ предлагалось въ продолжительное пользованіе свыше 3 милліоновъ десятинъ земли въ юго-восточной Россіи. Декретъ этотъ, правда, примѣненія не получилъ, но характеренъ самъ по себѣ фактъ установленія землепользованія на чисто капиталистическихъ началахъ въ коммунистическомъ государствѣ. Другая попытка фактическаго возрожденія крупнаго землевладѣнія имѣла мѣсто и при созданіи совѣтскихъ коммунистическихъ хозяйствъ.

Крестьянамъ судьба сулила встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ помѣщиковъ, считавшихъ нужнымъ превратиться въ коммунистическихъ «спецовъ.» Деревня попала изъ огня да въ полымя, изъ одной строгой государственной опеки въ другую, но безконечно болѣе грубую и жестокую. На этотъ разъ деревня не всюду пассивно снесла покушенія на нее со стороны коммунистической власти и съ оружіемъ въ рукахъ стала зачастую защищать свои интересы и вожделѣнія. Ужасы граждан-

ской войны скоро создали тоску по порядку и спокойствію, а отсюда былъ одинъ только шагъ къ мысли о государственномъ устроеніи. Эта мысль стала медленно созрѣвать, развитію ея мѣшаетъ страхъ соціальной реставраціи, но сейчасъ она, повидимому, даетъ уже кое-какіе всходы. Изъ деревни раздаются голоса о необходимости легализаціи овладѣнія помѣщичьей землей, о покрытіи «грѣха» закономъ, о призывѣ нотаріусовъ, о полученіи документальныхъ данныхъ на право владѣнія землей. Нотаріальный актъ и одновременное уничтоженіе прежней купчей стали лозунгами дня, причемъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, отнюдь, при этомъ, не исключается мѣстами и взятіе на себя денежныхъ обязательствъ передъ государствомъ. То, что такъ яростно отвергалось еще сравнительно такъ недавно, что интуитивно отрицалось, какъ «барская брехня» и «интрига капитализма», нынче проповѣдуется уже, какъ голосъ крестьянства.

Нужно глубже вдуматься и детальнѣе проанализироватъ сущность происшедшаго за послѣдніе 5 лѣтъ перелома въ настроеніяхъ деревни. Революція, разбудивъ дремавшія дотолѣ народныя силы, вывела крестьянство изъ состоянія вѣковой спячки и застоя. Крестьянство сознало свою силу и значеніе, оно отнынѣ знаетъ себѣ цѣну, воочію увидавъ, какъ власть и городъ страдаютъ отъ пассивнаго сопротивленія деревни — отъ сознательныхъ и безсознательныхъ недосѣвовъ, пріостановки подвоза къ городамъ продуктовъ и такъ далѣе. Сопротивленіе коммунистическому засилію научило въ извѣстной степени деревню дѣйственной активности, бодрому отстаиванію своихъ интересовъ. Эта замѣна, недавно еще казавшейся органической, пассивности — пробуждающейся активностью — не можетъ не привѣтствоваться всѣми искренними демократами и сторонниками демократической самодѣятельности и самоуправленія. Нужно только въ будущемъ не дать направить активность молодой крестьянской демократіи по ложному пути, ставя ея ближайшими и главнѣйшими вѣхами просвѣщеніе, а также интенсификацію сельскаго хозяйства. Цѣли эти не являются такими ужъ несбыточными потому, что почти одновременно съ пробужденіемъ активности и самодѣятельности, въ деревнѣ стало пробуждаться и стремленіе къ государственно-правовому оформленію своего быта. Не только деревенскіе грамотѣи и краснобаи, но и «сѣрячки» стали послѣ всего пережитого своей смекалкой доходить до сознанія необходимости возсозданія крѣпкой государственной власти, прочнаго правового строя, безъ котораго невозможны ни порядокъ, ни соціальный миръ, ни правильный товарообмѣнъ, ни развитіе крестьянскаго хозяйства. При этомъ, деревня

стремится отгораживаться отъ «власти царской и барской», какъ и отъ «власти комиссарской», стремясь къ созданію власти, пусть строгой, но справедливой и, во всякомъ случаѣ, близкой къ крестьянству, его нуждамъ и чаяніямъ. Это стремленіе къ демократической, но сильной власти — не безформенно, оно заключаетъ въ себѣ — по крайней мѣрѣ на югѣ, точнѣе — въ Новороссіи и Черноморіи — явственое требованіе закрѣпленія правъ собственности на землю. Опостылѣли всѣ эти разговоры о соціализаціи, націонализаціи, муниципализаціи, о коммунѣ, совхозахъ, комбѣдахъ и «середнякахъ», сказывается мощное стремленіе попользоваться, наконецъ, захваченной землей, перестать безпокоиться за ея дальнѣйшую судьбу и судьбу плодовъ ея, получить возможность спокойно ее обрабатывать, чувствуя охраненными свои права на землю, на урожай, на возведенныя постройки и купленный инвентарь. Современными тремя китами южно-русской деревни и являются **активное** стремленіи къ **государственному** порядку, охраняющему **частную собственность** крестьянъ на землю.

Хронологически всѣ эти устремленія крестьянства стали проявляться не сразу. Активное стремленіе къ болѣе или менѣе организованному строительству и, притомъ, государственнаго характера сказалось только послѣ чуть ли не 3—3½ лѣтъ пассивнаго созерцанія смуты и безсознательнаго отношенія къ идеѣ государственнаго порядка. Стремленіе къ частной собственности, въ сущности, имѣло мѣсто на югѣ съ самаго начала революціи, но оно затемнялось и затмевалось трескотней аграрно-соціалистической агитаціи. Южная деревня безсознательно стала повторять соціалистическіе лозунги, гуртомъ голосовала за «землю и волю» — и оказалась въ плѣну у чуждой ей формулы. Доступъ въ деревню не-соціалистическому агитатору былъ фактически закрытъ, демагогическая агитація дала свои плоды, въ памяти крестьянъ застряли многократно слышанныя фразы соціалистическихъ пропагандистовъ. Все это психологически дѣйствовало на не-соціалистическія, буржуазно-демократическія партіи и группы, которыя рѣдко рѣшались выступать въ деревнѣ, почти не имѣя тамъ связей, не всегда умѣя выступать передъ деревенской аудиторіей и подходя къ ней съ городской мѣркой. Иные опыты общенія съ крестьянами внѣ соціалистической платформы кончались неудачей, но не было и, тѣмъ болѣе, нѣтъ основаній возводить это въ общее правило, скорѣе рѣчь можетъ идти о боязни неуспѣха, чѣмъ о фактическомъ и реальномъ неуспѣхѣ. Одесскій уѣздный комитетъ партіи к. д. рѣшилъ какъ-то лѣтомъ 1917 г. созвать собраніе крестьянъ одесскаго уѣзда. Приглашенія на собраніе были разосланы всѣмъ мел-

кимъ собственникамъ уѣзда, платившимъ земскіе налоги. Несмотря на страдную пору и необходимость спеціально ѣхать за нѣсколько верстъ на собраніе въ городъ, собралось много крестьянъ. Успѣхъ ораторовъ, общедоступно излагавшихъ к. д. земельную программу и усиленно полемизировавшихъ съ соціалистическими проектами, — былъ громадный. Въ задававшихся, по окончаніи доклада, вопросахъ крестьяне подчеркивали свою радость наличію партіи, которая стоитъ за надѣленіе крестьянъ землею, но противъ ея соціализаціи или націонализаціи. Правда, на собраніи этомъ безземельныхъ не было, преобладали мелкіе собственники и нѣмцы-колонисты, все — плательщики земскихъ налоговъ, но, вѣдь, и этихъ категорій крестьянъ имѣется на Руси не мало. Но ничего не было сдѣлано за время революціи для ихъ объединенія и огражденія отъ фактически-монопольной соціалистической агитаціи. Въ этомъ отношеніи извѣстная доля вины падаетъ на партію к.-д., которая не сумѣла взять въ свои руки защиты интересовъ мелкихъ собственниковъ. К.-д. не оперлись на мелкое крестьянское землевладѣніе, не организовали изъ него активной силы. Когда же на Украинѣ зародилось движеніе мелкихъ собственниковъ, то к.-д. и его выпустили изъ рукъ, допустивъ къ нему болѣе правые элементы, которые, исходя изъ не-государственныхъ и корыстныхъ соображеній, исказили истинный характеръ демократически-крестьянскаго «хлѣборобчества», превратили его въ тактическое средство хитроумной помѣщичьей демагогіи. Мелкіе собственники, какъ трезвые реалисты и экономные хозяева, могутъ вручить защиту своихъ нуждъ только той группѣ или партіи, которая не на словахъ, а на дѣлѣ сумѣетъ доказать свою преданность ихъ интересамъ и умѣніе ихъ защищать. Опытовъ въ этомъ отношеніи производить нельзя, довѣріемъ рисковать никоимъ образомъ не слѣдуетъ, до малѣйшихъ разочарованій доводить опасно. Пусть въ этомъ отношеніи примѣромъ послужитъ судьба южно-русскихъ нѣмцевъ-колонистовъ. Во время войны ихъ преслѣдовали по національному мотиву, всячески ихъ травили, грубыми полицейскими мѣрами ликвидировали нѣмецкое землевладѣніе, въ которомъ неожиданно усмотрѣли громоотводъ отъ ликвидаціи землевладѣнія помѣщичьяго. Большевизмъ столкнулъ колонистовъ съ покушеніями на ихъ укладъ, форму землепользованія. Колонисты, активно сопротивлялись насажденію коммунизма, реквизиціямъ и т. д. Много жизней положили колонисты на эту борьбу, много колоній было снесено большевистской артиллеріей, много семей разорено. Колонисты оказали много услугъ арміи ген. Деникина при продвиженіи ея по югу Россіи въ серединѣ 1919 г. Когда положеніе арміи ген. Деникина стало зимою 1919 г.

ухудшаться, колонисты готовы были взять на себя оборону Херсонской губ., но, наученные горькимъ опытомъ, стали ставить нѣкоторыя условія. Указывая на рядъ разоренныхъ колоній, они настаивали на надлежащемъ ихъ военномъ снаряженіи, на руководительствѣ ихъ отрядами англійскихъ офицеровъ, на обезпеченіи ихъ эвакуаціи вмѣстѣ съ семьями въ случаѣ неудачи. Организація и руководительство общественной стороной подготовки обороны должно было перейти къ комитету общественныхъ дѣятелей и представителей колонистовъ, каковой комитетъ долженъ былъ замѣнить созданный военной властью и включавшій въ свой составъ одесскаго городского голову г. Колобова, въ качествѣ екатеринославскаго губернатора проявившаго много «рвенія» въ дѣлѣ ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, а также представителя союза землевладѣльцевъ, одного изъ правыхъ членовъ Госуд. Думы, если память не обманываетъ, то г. Келеповскаго, — выступавшаго въ Думѣ противъ колонистовъ. Всѣ условія эти приняты цѣликомъ не были, французское командованіе между прочимъ, опасалось мнимаго или преувеличеннаго германофильства колонистовъ, организація снабженія колонистскихъ отрядовъ обороны не была поставлена на должную высоту. Гг. Колобовъ и Келеповскій остались въ комитетѣ обороны и т. д. Въ итогѣ — только часть колонистовъ выступила въ концѣ 1919 и началѣ 1920 г. съ оружіемъ въ рукахъ противъ наступавшихъ на Новороссію большевиковъ, большинство колоній заняло нейтральную позицію, опасаясь въ создавшихся условіяхъ провала всего предпріятія и жестокихъ репрессій со стороны большевиковъ. Послѣдніе, благодаря фактическому отсутствію сопротивленія и организованнаго отпора, скоро и овладѣли краемъ. Колонисты, страха ради большевистскаго, одно время держались спокойно и внѣшне подчинялись распоряженіямъ коммунистической власти, но затѣмъ, не взирая на свое обезсиленіе, снова стали мѣстами оказывать совѣтской власти сопротивленіе.

Отдавъ извѣстную дань всякаго рода увлеченіямъ, продѣлавъ рядъ опытовъ, возложивъ надежды свои на чужія подуху партіи и претерпѣвъ крушеніе этихъ надеждъ, крестьянство нашло, наконецъ, себя, хоть и съ грѣхомъ пополамъ разобравшись въ хаосѣ событій и калейдоскопѣ явленій. Стукаясь больно лбомъ и неся тяжелыя жертвы, крестьянство дошло постепенно до сознанія необходимости повсемѣстнаго установленія порядка и спокойствія, охраны государственной властью свободнаго земледѣльческаго труда и крѣпкаго владѣнія землею. Разочаровавшись въ своихъ первоначальныхъ наставникахъ и руководителяхъ, крестьяне теперь склонны проявлять огульно недовѣріе ко всѣмъ, кто подходитъ къ

нимъ съ совѣтами и указаніями. Только практическая совмѣстная работа въ томъ же направленіи защиты новыхъ или обновленныхъ устоевъ деревенскаго міросозерцанія, только реальное выявленіе своей искренней преданности интересамъ деревни могутъ сломить ледъ накопившагося недовѣрія къ партіямъ, городскимъ организаціямъ и мало-знакомымъ, а потому кажущимися опасными, интеллигентскимъ терминамъ.

Придется, конечно, еще считаться съ тѣмъ, что монополизировавшая вліяніе въ деревнѣ партія с.-р. какъ будто бы не склонна порвать съ фразеологіей аграрнаго соціализма. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что еще не изжиты цѣликомъ мечты о воцареніи соціализма въ русской деревнѣ и что, слѣдовательно, и послѣ большевизма придется еще бороться съ искусственными прививками соціализаціи земли и т. д. Борьба эта будетъ, повидимому, облегчена тѣмъ, что само крестьянство перестаетъ прислушиваться къ фразамъ о необходимости ликвидаціи личнаго владѣнія землей. Но, все же, странно, что и послѣ всего пережитого, находятся еще люди, которые, по своему, но искренно иронизируютъ надъ склонностью «либераловъ» къ индивидуальному хозяйству, которые утверждаютъ, что Россія вышла уже изъ рамокъ буржуазно-капиталистическихъ отношеній и т. д. Новыя условія соціально-политической жизни Россіи, раскрѣпощеніе въ ней труда и воцареніе соціальной справедливости рисуются, при этомъ, непремѣнно параллельно съ рѣшительнымъ и всеобщимъ отказомъ отъ началъ «индивидуально-буржуазнаго порядка».

Въ странѣ произошелъ глубокій сдвигъ народной психологіи и колоссальное потрясеніе всѣхъ соціальныхъ отношеній, но сдвигъ и потрясенія эти выражаются не въ томъ, что рисуется неисправимымъ романтикамъ эсеровской школы. Смута XVII вѣка закончилась переходомъ власти отъ бояръ къ дворянамъ, революція XX вѣка сводится къ переходу власти и, главное, земли отъ дворянъ къ крестьянамъ. Въ этомъ — центръ «сдвига» и сущность «потрясенія». Ничто не указываетъ, при этомъ, что владѣніе землей рисуется крестьянамъ непремѣнно на коллективныхъ началахъ.

Пора отказаться отъ наивной вѣры въ то, что экономически отсталая и разоренная войной и большевизмомъ Россія сумѣетъ перескочить черезъ капиталистическое развитіе, прямо отъ крѣпостничества къ соціализму! Но нужно, не искажая исторической перспективы, воздать «кесарю кесарево» и опредѣлить историческую отвѣтственность тѣхъ, кто зажегъ костеръ аграрной революціи, кто положилъ начало аграрной

демагогіи, кто пустилъ въ оборотъ легенду о томъ, что Россія созрѣла для аграрнаго соціализма. Представители партіи с. р. съ энергіей, достойной, по истинѣ, лучшаго примѣненія, «углубляли» земельную революцію. Типичнымъ представителемъ подобнаго рода «углубителей» явился небезызвѣстный на югѣ эсэровскій публицистъ С. С. Закъ, многократно выступавшій на крестьянскихъ съѣздахъ, писавшій популярныя брошюры и листовки и т. д. Одинъ изъ съѣздовъ крестьянъ Херсонской губ. состоялся въ 1917 г. въ одесскомъ городскомъ театрѣ. Обширный залъ былъ сверху до низу наполненъ крестьянами. Г. Закъ въ своемъ докладѣ щедрой рукой раздавалъ «безземельному пролетаріату» и «трудящимся» землю. Щедрость эта поразила одного мужика, который быстро смекнулъ, что не можетъ хватить земли при столь безграничной раздачѣ ея «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ». И вотъ, изъ одной изъ ложъ раздается вопросъ, адресованный докладчику: «Да земли-то хватитъ ли, если всѣмъ раздавать станете». Въ восклицаніи этомъ, основанномъ болѣе на чутьѣ, чѣмъ на точномъ знаніи вопроса, было вполнѣ правильное пониманіе несоразмѣрности обще-россійскаго земельнаго фонда съ размахомъ обѣщаній и раздачъ, практиковавшихся с.-р. На вопрошавшаго устремляется со сцены насмѣшливо-ироническій взглядъ, движеніемъ руки его спѣшатъ успокоить, а съ устъ докладчика срывается безапелляціонное: «не безпокойтесь, товарищъ, хватитъ, на всѣхъ хватитъ, я точно подсчиталъ». Ораторъ, сказавъ эти мудрыя слова, окинулъ залъ горделивымъ взоромъ и, конечно, удостоился аплодисментовъ. Не знаю, аплодировали ли крестьяне, но, во всякомъ случаѣ, «ловкой» репликой остались весьма довольны присутствовавшіе сотоварищи докладчика по партіи. «Углубители» безспорно играли съ огнемъ, сыпали искры на пороховой погребъ, не вѣдая, быть можетъ, что творятъ и, во всякомъ случаѣ, не слишкомъ задумываясь о послѣдствіяхъ. Эта преступная игра послужила прекраснымъ интермеццо для послѣдующей большевистской симфоніи, оказавшейся для самого русскаго крестьянства не только патетической, но и трагической. Любопытно, что послѣ 4-лѣтняго владычества надъ Россіей и коммунисты поняли и стали открыто признаваться въ склонности русскаго крестьянства къ индивидуальной собственности. Чуть ли не 50 мѣсяцевъ подрядъ, изо дня въ день, большевики твердили объ органической тягѣ крестьянской массы къ коллективному владѣнію землей. Потомъ, участились насмѣшки и издѣвательства надъ «мелко-буржуазной стихіей», «хозяйчиками» и «кулаками». Наконецъ, дошли и до открытаго признанія упорной тяги крестьянства къ мелкой земельной собственности. Въ органѣ

центральнаго комитета коммунистической партіи «Бѣднота» чернымъ по бѣлому было напечатано (№ 887, отъ 29 марта 1921 г.): «совѣтская власть и коммунистическая партія нисколько не закрываютъ глаза *на тяготѣніе крестьянъ къ единоличному хозяйству* (курсивъ подлинника)». Глаза раскрылись у деревни, многіе крестьяне, побывавъ, кто заграницей въ плѣну, кто во время войны — на болѣе культурныхъ окраинахъ, — иначе стали смотрѣть на всѣхъ и все. Стало проявляться больше сознательности, больше стремленія жить такъ, какъ живутъ другіе народы. Расширеніе кругозора деревни за время съ 1914 г. безспорно, и оно уже наложило свой отпечатокъ на борьбу крестьянъ за свои права и интересы. Процессъ этотъ, въ нѣкоторой степени, парализуется, впрочемъ, тѣмъ, что безпрерывныя семилѣтнія мобилизаціи крестьянской молодежи отучили ее отъ труда, прививъ духъ хулиганства и жестокости. Съ этими явленіями деревенской интеллигенціи придется упорно и серьезно бороться.

Таковымъ рисуется намъ круговоротъ, завершенный главной дѣйствующей силой русской жизни и русской революціи — крестьянствомъ. Перейдя почти непосредственно отъ самодержавно-дворянскаго строя къ коммунизму, крестьянство теперь, силою вещей и горькимъ опытомъ, приходитъ къ той промежуточной стадіи, которую оно первоначально обошло — къ демократической государственности. Возможно, что не во всѣхъ частяхъ Россіи въ одинаковой мѣрѣ сказывается сдвигъ въ психологіи крестьянства, но, по имѣющимся даннымъ, процессъ этотъ почти всеобщій и протекаетъ приблизительно въ томъ же направленіи. Спущенный съ цѣпи рабъ, проявивъ звѣрскія черты человѣческой натуры, начинаетъ превращаться въ человѣка-гражданина. Послѣ вакханаліи деревенской анархіи, такой безсмысленно-жестокой и кровавой, такой нелѣпо - разрушительной и некультурной, трудно, конечно, требовать немедленнаго и полнаго перевоплощенія и гражданскаго перевоспитанія, но важны и первые шаги на пути обще-человѣческой и гражданской культуры.

Крестьянство составляетъ 90 % населенія Россіи и его роль, какъ одной изъ главнѣйшихъ двигательныхъ силъ революціи, естественно, была громадна. Не нужно быть слишкомъ строгимъ ригористомъ, чтобы признать отрицательной роль крестьянства, какъ массы, въ теченіе революціи. Благо еще, что впереди имѣется хоть нѣкоторый просвѣтъ надежды на исцѣленіе и использованіе уроковъ кроваваго прошлаго.

V

в. Помѣщики.

Помѣстное дворянство, несмотря на то, что оно сравнительно давно уже успѣло накопить опредѣленные культурные навыки и познанія, не выявило, въ общемъ, своей культурно-примиряющей роли въ революціи. Напротивъ того, помѣщичій эгоизмъ, жадность и узость проявлялись все время параллельно съ эгоизмомъ, жадностью и узостью крестьянъ. Какъ элементъ внѣшне культурно-отполированный, помѣщики, конечно, отстаивали идею государственности, но вносили при этомъ столько классоваго, столько личнаго, что сводилась на нѣтъ вся цѣнность приверженности буквѣ государственности, ибо искажался ея духъ, требующій принесенія въ жертву частныхъ интересовъ общимъ. Но даже и при подобномъ, узко-тенденціозномъ подходѣ къ государственной идеѣ, большинство помѣщиковъ не умѣло оказать помощь государственной власти, не умѣя, въ то же время, и пойти на уступки духу времени. Помощь власти оказывалась обычно «съ хитрецой», съ затаенной задней мыслью, съ тайной надеждой обойти и, затѣмъ, осѣдлать въ свою пользу коня репрессій. Духъ максимализма мѣшалъ частичнымъ хотя бы уступкамъ, не допускалъ отказа отъ большинства правъ и преимуществъ ради спасенія хотя бы части (въ видѣ, напр., усадьбы или дачи).

Какъ это ни странно, но 60 лѣтъ раньше въ средѣ русскихъ владѣющихъ классовъ сказалось меньше проявленій крѣпостническаго духа, чѣмъ теперь. Можетъ быть, дикій разгулъ аграрныхъ погромовъ 1905 и 1917—1918 г. г. убилъ ростки идеализма, можетъ быть, крушеніе иллюзій иныхъ владѣльцевъ дворянскихъ гнѣздъ и вишневыхъ садовъ парализовало въ этой средѣ стремленіе проявить гуманность культурнаго человѣка и гражданина-патріота, можетъ быть, общій духъ меркантилизма вызвалъ у обреченныхъ историческимъ ходомъ развитія страны на постепенное уничтоженіе — особо-упорное стремленіе къ самозащитѣ и самосохранѣ, но фактъ остается фактомъ. По чувству человѣчности бываетъ жаль обреченныхъ, романтики и фанатики пытаются поддержать ихъ существованіе, но длительно продлить его все равно не удается и зря только бередятъ рану и манятъ несбыточными надеждами.

Было бы неправильнымъ и однобокимъ огульное отрицаніе исторической роли помѣстнаго дворянства въ русской жизни и русской культурѣ. Нашъ образованный классъ долгое время рекрутировался почти исключительно изъ рядовъ помѣстнаго класса, наша изящная литература справедливо гордится именами дворянъ-писателей — Пушкина, Тургенева,

Толстого, Фета, Бунина и многихъ другихъ, наше земское самоуправленіе многимъ обязано дѣятельности гласныхъ-дворянъ изъ числа «кающихся». Помѣщичій слой далъ много работниковъ на государственной и военной нивѣ, оказавшихъ Россіи неоцѣнимыя услуги. Въ исторіи освободительнаго движенія помѣстное дворянство точно также выдѣлило своихъ представителей, отнюдь не оказывавшихся всегда въ станѣ «праздно-болтающихъ и обагряющихъ руки въ крови». Среди декабристовъ, дѣятелей эпохи великихъ реформъ и «диктатуры сердца», депутатовъ Госуд. Думы было громадное большинство лицъ, вышедшихъ изъ среды помѣстнаго дворянства. Въ арміи и администраціи дворянство выдвигало много своихъ достойныхъ сыновъ. Все это — безспорный фактъ, неопровержимая и объективная историческая истина. Но, нужно признать, что все это — въ прошломъ, что все это исторически уже изжито и не подлежитъ воскрешенію, что на сцену выступаютъ новые люди съ новыми пѣснями, наиболѣе дальновидные изъ которыхъ готовы признать историческія заслуги помѣстнаго дворянства, категорически отказываясь признать его притязанія и на дальнѣйшую роль и значеніе, политическое и экономическое. Рѣчь, вѣдь, идетъ не о временномъ параличѣ, летаргіи или анабіозѣ, а объ увяданіи, тлѣніи, смерти. Это, однако, все еще упорно отрицается помѣщичьими элементами, во что-бы то ни стало стремящимися «доказать», что зубръ-звѣрь, хотя и рѣдкій, но живучій. Состоявшіяся въ Парижѣ лѣтомъ 1921 г. совѣщанія земскихъ и городскихъ гласныхъ дали необычайно яркую картину траги-комической пляски живыхъ труповъ, словно только что выскочившихъ изъ спиртовой банки. Пахнущіе нафталиномъ манекены, старосвѣтскіе участники приснопамятныхъ дворянскихъ собраній, все еще не сознаютъ происшедшаго сдвига, все еще пытаются цѣпляться за остатки и обломки прошлаго. Они считаютъ себя горделиво «солью земли», монополистами общественности. Въ нюансахъ — не разбираются, на всѣхъ не «своихъ» глядятъ сверху внизъ, любезно суля висѣлицу всѣмъ, не сотворившимъ себѣ кумира изъ резолюцій рейхенгальскаго «съѣзда хозяйственнаго возстановленія Россіи». Не приходится искать даже тѣни принципіальности въ этомъ стремленіи уберечь свое сословіе отъ окончательнаго ухода съ исторической арены: все сводится къ эгоистической заботѣ о своихъ личныхъ и матеріальныхъ привиллегіяхъ, на которыя посягнулъ «нѣкто въ красномъ», за это остро ненавидимый. Все, въ конечномъ итогѣ, сводится отнюдь не къ борьбѣ за какіе бы то ни было общественные идеалы, пусть-даже сословнаго типа, а — къ простой тягѣ къ возстановленію своихъ помѣстій и своей

личной роли, какъ помѣщика. Отсюда и сугубая острота ненависти къ кадетамъ, какъ къ политикамъ, разрѣшающимъ земельный вопросъ радикально, но реально.

Могутъ, однако, возразить, что уничтоженіе крупнаго и части средняго помѣщичьяго землевладѣнія не является шагомъ впередъ въ области хозяйства, а шагомъ назадъ, ибо даетъ культурный регрессъ. Возраженіе это, правильное по существу, бьетъ мимо цѣли, ибо дилемма отнюдь не состоитъ въ противопоставленіи культурной цѣнности помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, а въ осознаніи государственно-патріотической необходимости надѣленія крестьянъ землей съ одновременной интенсификаціей и культурнымъ подъемомъ крестьянскаго хозяйства. Этого не хотѣли понять руководящіе помѣщичьи круги въ теченіе революціи, ставя во главу угла своей дѣятельности не обще-государственные, а узко-классовые интересы, не благо всего общественнаго строя, а эфемерное благо своей касты. Съ національно-государственной точки зрѣнія опасность представляетъ не столько переходъ земли изъ рукъ одного класса въ руки другого, сколько захватъ земли, принадлежащей русскимъ, иностранцами. Пониженіе производительности земли при переходѣ ея отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ — дѣло поправимое, овладѣніе же земельными богатствами со стороны иностранцевъ — вѣковая угроза экономической независимости націи. На эту національную сторону земельнаго вопроса вполнѣ правильно постоянно обращаетъ вниманіе И. П. Демидовъ, привлекающій общественное вниманіе къ необходимости всѣми мѣрами бороться съ періодически нависающимъ рискомъ овладѣнія иностранцами частью нашихъ земельныхъ угодій.

Нами были суммарно разсмотрѣны роли во время гражданской войны полярныхъ группъ соціальной пирамиды нашей земледѣльческой страны: помѣстнаго дворянства и крестьянства. Объективный анализъ этой роли привелъ насъ къ отрицательнымъ выводамъ — ни помѣщики, ни крестьяне въ своей массѣ не проявили творчески-созидательной работы въ процессѣ революціонно-государственнаго строительства. Анархія, причинившая столько горя странѣ и ея культурѣ, какъ намъ рисуется, кое-чему научила крестьянство, что даетъ основаніе не безъ нѣкотораго оптимизма глядѣть на будущее. Того же нельзя сказать, въ видѣ общаго правила, о помѣщичьихъ кругахъ, которые не восприняли уроковъ исторіи и мало склонны подчиниться исторической необходимости. Возстановленному государственному аппарату придется направить значительную долю своей творческой энергіи именно на внѣдреніе государственныхъ началъ въ помѣщичью и крестьянскую среду.

VI

с. Рабочіе.

Перейдемъ теперь къ городамъ и попытаемся, выяснивъ роль дѣйствующихъ въ нихъ соціальныхъ силъ, опредѣлить ихъ удѣльный вѣсъ, какъ въ періодъ гражданской войны, такъ и въ обрисовкѣ дня ближайшаго будущаго. Будемъ, при этомъ, придерживаться того же метода, что былъ примѣненъ въ отношеніи деревни, начавъ съ низовъ и перейдя затѣмъ къ верхамъ. Въ нѣкоторомъ параллелизмѣ съ обрисовкой революціонной роли крестьянства и помѣщиковъ, намѣтимъ контуры дѣятельности въ періодъ гражданской войны фабрично-заводскихъ рабочихъ и торгово-промышленныхъ круговъ.

Едва ли не наиболѣе характерной чертой русскаго рабочаго движенія въ періодъ революціи является, безспорно, необычайное заостреніе классовой борьбы. Было бы наивно отрицать наличіе до войны и революціи антагонизма интересовъ русскихъ работодателей и рабочихъ, настаивая на чисто патріархальныхъ отношеніяхъ между ними; но преувеличенымъ явилось бы и объясненіе остроты классовой борьбы въ промышленной области однимъ только наличіемъ фактически-обострившихся взаимоотношеній. Нѣтъ, значительная роль сыграна въ этомъ отношеніи и предвнесеннымъ извнѣ насажденіемъ теоретически, якобы, «законной» классовой борьбы въ столь острыхъ формахъ. Пропаганда «твердокаменныхъ» основъ марксистской догмы сводилась въ русскихъ условіяхъ именно къ разжиганію классовыхъ противорѣчій, къ лубочному изображенію глубины этихъ противорѣчій и способа ихъ разрѣшенія. А тутъ еще война, отвергая многія, если не всѣ сдержки, стала вносить въ психику русскаго человѣка стихію злобы, ненависти, вражды. Ясно, что при подобнаго рода дрожжахъ тѣсто классовой борьбы стало всходить необычайно быстро и принимать строго-опредѣленныя формы. Духъ злобности насаждался столь упорно въ теченіе всей войны, проповѣдь эта находила столь подходящую почву въ низахъ, и безъ того обозленныхъ тяготами жизни, что не приходится, въ сущности, удивляться пышному расцвѣту цвѣтовъ зла въ революціонную эпоху. Милитаризмъ эпохи 1914—1917 гг., насаждая ненависть къ врагу внѣшнему, косвенно способствовалъ зарожденію ненависти и къ тѣмъ, кого въ разныхъ слояхъ считали врагомъ внутреннимъ, т. е. помѣщикамъ — въ крестьянской средѣ — и фабрикантамъ — въ рабочей. Война, по существу своему,

не могла явиться школой любви, гармоніи, соціальнаго мира, уваженія къ человѣку, какъ таковому. Есть ли удивительное въ томъ, что въ мало-культурной русской рабочей и крестьянской средѣ дыханіе войны оставило слѣдъ въ видѣ заостренія классовой борьбы, внесенія въ нее зоологической злобности съ ея девизомъ «человѣкъ человѣку — волкъ».

При слабомъ развитіи въ Россіи фабрично-заводскихъ предпріятій соціально-политическая роль рабочихъ должна бы быть ограниченной и сравнительно небольшой. Однако, сдѣлана была искусственная попытка слѣдовать рабски за догмой вульгаризированной марксистской теоріи, копируя образцы странъ промышленно развитыхъ, какъ Германія, Англія, Бельгія, Франція и т. д. Рабочимъ кругамъ задолго еще до революціи 1917 г. прививалась идеологія «избраннаго» класса, призваннаго сыграть громадную міровую соціально-политическую и даже моральную роль. Взваленная на плечи рабочаго класса тяжесть оказалась ему явно не по силамъ. Ни соціально-экономическая обстановка, ни классовая подготовка, ни моральное сознаніе не способствовали осуществленію рабочаго мессіанизма. Подхвативъ дружно максималистическіе лозунги, настойчиво добиваясь несвойственной ихъ численности и экономическому значенію роли, рабочіе съ самаго начала революціи стали проявлять не столько идеалистическое стремленіе охраны обще-государственныхъ интересовъ, сколько жадно-эгоистическую тягу къ защитѣ интересовъ — даже не классовыхъ, а цеховыхъ, групповыхъ и, зачастую, личныхъ. Громя на словахъ узкое корыстолюбіе владѣющихъ классовъ, вожаки рабочихъ на дѣлѣ увлекали рабочія массы именно на путь чисто животной борьбы за существованіе. Теоретически-планомѣрная и идеалистическая въ своей основѣ классовая борьба стала на дѣлѣ сводиться къ зоологическому завладѣнію цѣнностями и матеріальными благами, принадлежавшими владѣльцу даннаго предпріятія. Доходы съ захваченныхъ предпріятій распредѣлялись между рабочими этого же предпріятія, запасы сырья ревниво оберегались для нуждъ только даннаго завода или фабрики, фабрично-заводскіе кооперативы обслуживали нужды только своего комплекта рабочихъ и ихъ семей. Широкіе обще-рабочіе идеалы стали сводиться къ узенькимъ групповымъ нуждамъ. Маленькая цеховая колокольня стала замѣнять собою миражъ обще-пролетарскаго маяка. Стала получаться нѣкоторая аналогія съ крестьянскими захватами имѣній съ распредѣленіемъ земли лишь между окрестными жителями, забывая о болѣе отдаленно живущихъ крестьянахъ, не говоря уже о крестьянствѣ въ его цѣломъ. Нужно только подчеркнуть, что сравнительно съ кре-

стьянами болѣе высокое культурное развитіе фабричныхъ рабочихъ не привело къ разрушенію инвентаря. Кое-что хотя и расхищалось изъ мелочей фабричнаго оборудованія или изъ пригодныхъ для домашняго хозяйства предметовъ заводской кладовой (кожа, керосинъ, масла и т. д.), но за сохраненіемъ машинъ повсемѣстно слѣдили сами рабочіе и ихъ заводскіе комитеты. Машины охранялись отъ порчи, снятія частей и вывоза въ другіе пункты — рабочими самого предпріятія, быстро понявшими, что предпріятіе ихъ кормитъ, что ихъ интересы тѣсно связаны съ интересами самого предпріятія, его оборудованіемъ, запасами сырья и т. д.

Осознаніе тѣснѣйшей зависимости между благополучіемъ даннаго предпріятія и благосостояніемъ рабочихъ и служащихъ, его обслуживающихъ, довольно скоро охладило пылъ рабочихъ въ смыслѣ устраненія чиновъ заводской администраціи и высшаго техническаго персонала, а также — требованія конфискаціи и распредѣленія между данной группой рабочихъ суммъ, находившихся на текущемъ счету предпріятія. Ставъ ближе къ управленію предпріятія, подойдя къ изученію его технико-финансоваго механизма, рабочіе многихъ болѣе крупныхъ фабричныхъ центровъ, а также приказчичья масса иныхъ центровъ торговыхъ — стала постепенно понимать всю абсурдность требованій націонализаціи фабрично-заводскихъ, торговыхъ и банковскихъ предпріятій. Исходя не столько изъ общихъ соображеній, сколько изъ заботъ о благополучіи своего небольшого коллектива, рабочіе и служащіе все чаще начинаютъ громко мечтать о возвращеніи прежняго хозяина, о возстановленіи единой его направляющей и руководящей руки, пусть ограниченной въ своихъ правахъ въ области распредѣленія прибылей и, отчасти, контроля, но все же управляющей дѣломъ.

Сознаніе это, однако, еще далеко не всеобщее, оно дѣлаетъ только первые, медленные шаги. Кое-гдѣ еще все продолжаются прежнія иллюзіи и заблужденія, подорвавшія и безъ того слабую промышленность и хилую торговлю. До отказа отъ требованія полнаго и всесторонняго рабочаго контроля и ближайшаго участія въ управленіи предпріятіемъ заводского комитета — въ широкихъ рабочихъ кругахъ еще не дошли. Въ этой области вредныя иллюзіи сохраняются. Не чувствовалось и до послѣдняго времени стремленія къ подъему трудовой дисциплины и энергіи, что, впрочемъ, быть можетъ, объясняется общими условіями жизни въ Совѣтороссіи. Минуя марксистскую проповѣдь необходимости усиленія производства и максимальнаго подъема производительности, наши рабочіе за время революціи дали невѣроятное паденіе трудовой энергіи, даже въ періодъ еще сравнительнаго благопо-

лучія въ области запасовъ сырья и топлива, а также продовольствія. Трудовая дисциплина стала постепенно отходить въ область преданія, лѣнь начинала пріобрѣтать всѣ права гражданства, входя въ обиходъ и какъ бы узаконяясь. Постоянное митингованіе, частыя отлучки для участія во всевозможныхъ засѣданіяхъ, совдепахъ и комитетахъ — вносятъ естественную дезорганизацію въ предпріятіе. Болѣе усиленные продовольственные пайки и сравнительно высокій уровень заработной платы почти убили стимулъ дополнительнаго заработка, личнаго интереса въ повышеніи по службѣ, этого двигательнаго нерва въ борьбѣ за существованіе.

Мнѣ пришлось въ разные періоды революціи и гражданской войны болѣе или менѣе близко наблюдать типографскихъ рабочихъ такого крупнаго центра, какъ Одесса. Какія грустныя, въ общемъ, наблюденія, какая безотрадная въ итогѣ ихъ получилась картина! Типографскіе рабочіе считаются «авангардомъ пролетаріата», представителями его болѣе сознательной и культурной части. Между тѣмъ, какъ мало въ средѣ типографщиковъ идеализма, патріотическаго и національнаго порыва. Меркантилизмъ — вотъ двигательный законъ этой среды, узкій эгоизмъ — вотъ ея главнѣйшее проявленіе. Грамотность и культурное развитіе среди типографщиковъ — выше, чѣмъ у другихъ категорій рабочихъ, но не замѣчается среди нихъ стремленія къ культурному самосовершенствованію. Мало замѣтно и стремленія улучшить въ предѣлахъ доступнаго въ эпоху остраго безтоварія — свой хотя бы внѣшне-культурный обликъ (одежда, обувь, стрижка, бритье, баня и т. д.). Зато, замѣчается кичливое осознаніе себя, какъ «соли земли», горделивое подчеркиваніе своего политическаго развитія, весьма часто сводящагося къ повторенію азовъ изъ грошевыхъ популярныхъ марксистскихъ брошюрокъ пропагандистскаго характера. Попавъ въ шоры марксистской догмы, не видя дальше своей узкой околицы, многіе рабочіе печатнаго дѣла за время перваго періода революціи или частыхъ на югѣ «передышекъ» отъ большевистскаго ига — позволяли себѣ проявлять свои политическіе вкусы давленіемъ на редакціи газетъ (то путемъ саботажа или «итальянской забастовки», выражавшейся въ искусственно замедленномъ наборѣ срочнаго газетнаго матеріала, то, иногда, и отказомъ поставить въ газету что-либо неугодное рабочему комитету). Помню случай отказа поставить въ газету клише, представлявшее каррикатуру на чрезмѣрное увлеченіе идеей 8-ми часового рабочаго дня въ періодъ войны — дѣло было еще до Брестскаго мира, — всѣ доводы о свободѣ печати и недопустимости цензуры, хотя бы и пролетарской, были оставлены «меньшевистскимъ» рабочимъ комитетомъ безъ

вниманія, ссылаясь на «распоряженіе» совѣта рабочихъ депутатовъ о борьбѣ съ «контръ-революціей» въ печати. Только годъ спустя, въ другихъ уже политическихъ условіяхъ, во время австрійской оккупаціи, удалось, и притомъ въ другой типографіи — помѣстить злополучную каррикатуру, изображавшую солдата-циклиста, дѣлающаго три «восьмерки» и не двигающагося съ мѣста, въ сборникѣ каррикатуръ Mad'а «Такъ было...», посвященномъ годовщинѣ революціи. На этотъ разъ произведенія этого каррикатуриста вызвали перуны гнѣва австрійскихъ оккупаціонныхъ властей, возмущенныхъ недостаточно почтительнымъ отношеніемъ къ центральнымъ державамъ, что вызвало конфискацію сборника каррикатуръ, обыскъ у его издателя и др. мѣры репрессіи. Приведенный фактъ вмѣшательства наборщиковъ газетныхъ типографій въ содержаніе выходящихъ номеровъ—не единичный. Доказательствомъ тому можетъ послужить сообщеніе, приведенное въ № 109 московскихъ «Извѣстій» (за 1921 г.) и трактовавшее о томъ, что

> ...«рабочіе типографіи «Извѣстій» отказались набирать статью Миронова, «въ виду несоотвѣтствія ея интересамъ газетныхъ рабочихъ и некомпетентности автора». По этому поводу президіумъ (?) вынесъ постановленіе, согласно которому «признается недопустимымъ вмѣшательство наборщиковъ или служащихъ типографіи въ обсужденіе вопроса о желательности или нежелательности печатанія той или иной статьи и постановилъ немедленно привлечь къ отвѣтственности всѣхъ виновныхъ въ этомъ дѣлѣ».

Попытка рабочихъ наложить свою руку на содержаніе «буржуазной» газеты, издающейся при «буржуазномъ» строѣ, — имъ удалась. Болѣе энергичный отпоръ подобнаго рода посягательства на свободу печати, естественно, встрѣчають со стороны совѣтской газеты, издающейся при коммунистическомъ строѣ.

Демагогическія крайности синдикализма неминуемо приводятъ къ абсурдно-недопустимымъ фактамъ вмѣшательства представителей физической рабочей силы въ мало доступную ихъ пониманію сферу интеллектуально-духовнаго или государственнаго характера. Газетные наборщики пытались навязывать свои взгляды редакціямъ газетъ, матеріалъ которыхъ они набирали. Желѣзнодорожные служащіе, развращенные попустительствомъ крайностямъ синдикализма со стороны перваго революціоннаго министра путей сообщенія Н. В. Некрасова, — дошли до сознанія, что они — хозяева россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, что желѣзнодорожное хо-

зяйство — достояніе обслуживающаго его служебнаго персонала, и т. д.

Подобная «широта взглядовъ» на вопросы общаго характера соотвѣтствовала узости горизонтовъ и въ вопросахъ, касавшихся спеціально отдѣльнаго предпріятія. Такъ, требованія о повышеніи расцѣнки труда дѣлались подъ преимущественнымъ вліяніемъ кассовой наличности въ данный моментъ или состоянія текущаго счета даннаго предпріятія, безъ малѣйшаго желанія вникнуть въ опись предстоящихъ платежей или срочныхъ долговыхъ обязательствъ, требовавшихъ накопленія средствъ. Заявленіе кассира о томъ, что въ кассѣ имѣются остатки — пьянило головы, вызывало ростъ аппетитовъ, при наличіи которыхъ не прислушиваются къ бухгалтерскимъ соображеніямъ и доводамъ, не говоря уже о заботѣ о газетномъ потребителѣ, на котораго перекладывались вызываемые рабочими требованіями расходы. Характерно, что большевики, введя въ Одессѣ «московскій» типографскій тарифъ, фактически значительно понизили его по сравненію съ существовавшимъ при «буржуазной» добровольческой арміи. Одновременно были сокращены и штаты, чего рабочіе комитеты упорно не допускали до прихода большевиковъ, ссылаясь на безработицу и трудность найти въ другомъ мѣстѣ работу. «Рабоче - крестьянская» власть заставила, однако, примириться и съ пониженіемъ заработной платы, и съ увольненіями многихъ старо-служащихъ, фактически, надо сознаться, ненужныхъ и зря обременявшихъ бюджетъ предпріятія. Въ этой области рабочіе комитеты не могли преодолѣть воли коммунистической власти, отъ которой имъ, однако, обыкновенно удавалось отстоять цѣлость и неприкосновенность типографскаго оборудованія, по крайней мѣрѣ, — въ болѣе или менѣе крупныхъ предпріятіяхъ (мнѣ даже извѣстенъ случай, когда большевистская власть сперва предполагавшая вывезти въ другой городъ наборныя и ротаціонныя машины одной газетной типографіи, подъ давленіемъ рабочихъ, отказалась отъ этого плана, начавъ даже свозить въ данную типографію изъ болѣе мелкихъ предпріятій нужные для расширенія ея машины и шрифты, такъ что, въ итогѣ, инвентарь типографіи не только не уменьшился, но даже нѣсколько увеличился). Отмѣтимъ еще, что во многихъ типографіяхъ замѣчается увеличеніе со времени революціи случаевъ хищенія металла, отдѣльныхъ частей, бумаги, керосина и т. д. Рабочіе комитеты декретировали потивъ этихъ хищеній, но когда однажды нѣкій рабочій былъ пойманъ съ поличнымъ, соотвѣтствующій заводскій комитетъ не счелъ возможнымъ самолично прибѣгать къ дисциплинарной мѣрѣ взысканія, давъ понять администраціи предпріятія, что въ данномъ случаѣ

предоставляется ей право принятія мѣры воздѣйствія — вплоть до увольненія.

До сихъ поръ нѣтъ свѣдѣній относительно зарожденія въ нѣдрахъ рабочаго класса внутренне-организованной оппозиціи большевизму, не какъ власти, а какъ ученію. Мы подъ оппозиціей подразумѣваемъ въ данномъ случаѣ не голосованіе на различныхъ выборахъ не за списокъ коммунистовъ, а за безпартійныхъ, подъ фирмой которыхъ скрываются соціалисты болѣе умѣренныхъ толковъ. Рѣчь идетъ о органической оппозиціи духу максимализма, интернаціонализма и коммунизма, о дѣйственной тягѣ къ національнымъ идеаламъ и практически- реализуемому реформизму. Попытка кіевскаго инженера, пресловутаго мостостроителя Кирсты, въ счетъ идти не можетъ, ибо г. Кирста организовывалъ подъ національнымъ флагомъ рабочія дружины, представлявшія собою типичныхъ большевиковъ справа, неразборчивыхъ въ средствахъ и фактически мало чѣмъ связанныхъ съ рабочими массами. Недостаточно, конечно, вооружить нѣсколько сотъ рабочихъ или бывшихъ рабочихъ, провозгласить ихъ приверженность патріотическому знамени, чтобы демагогически говорить затѣмъ о національно-рабочемъ движеніи. Между тѣмъ, къ этому и сводилась дѣятельность инж. Кирсты и его отрядовъ, всецѣло проникнутыхъ духомъ самыхъ отрицательныхъ сторонъ гражданской войны, съ ея хулиганствомъ и безшабашностью.

Въ Одессѣ имѣется крупный заводъ Р. О. П. и Т., рабочіе котораго въ 1905 г. были авангардомъ революціоннаго движенія, въ 1907 г. дали значительный % членовъ союза русскаго народа, потомъ снова перекинулись въ лѣвый лагерь, чтобы въ началѣ войны шумливо вѣрноподданнически привѣтствовать царя, въ началѣ революціи — поддержать большевиковъ, затѣмъ — участвовать въ вооруженной противъ нихъ борьбѣ, не всегда даже подъ лѣво-демократическимъ знаменемъ. Эти шатанія «ропитовцевъ» изъ стороны въ сторону, эти скачки изъ одной крайности въ другую, эти переходы изъ стана черносотенцевъ въ лагерь красносотенцевъ и обратно — не лишены показательности для характеристики поверхностности части русскаго рабочаго движенія. Правы, можетъ быть, и тѣ, кто любитъ подчеркивать, что крайности сходятся особенно часто въ области политики, гдѣ духъ максимализма роднитъ союзъ русскаго народа съ коммунистическими группировками, гдѣ отъ погрома черносотеннаго до погрома большевистскаго бываетъ часто только одинъ шагъ.

Весьма типична для обрисовки той сумбурности, которая характеризуетъ сущность переложеннаго на славянофильскія ноты марксистскаго гимна, исторія «рабочей коопераціи».

Опьяненіе классовымъ началомъ и «поэзіей» классовой борьбы привело къ мысли о созданіи . . . классовой кооперацiи. Не взирая на то, что кооперація является по существу отрицаніемъ классовой борьбы и религіей междуклассовой солидарности, вожаки рабочаго движенія стали насаждать спеціально рабочіе кооперативы. Сперва кооперативы эти стали объединять рабочихъ одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ фабрично-заводскихъ или торговыхъ предпріятій — и это еще было болѣе или менѣе понятно, имѣло свой извѣстный raison d'être. Но затѣмъ, стала проповѣдываться теорія «особенной стати» рабочаго кооперативнаго движенія, необходимость для него порвать съ «буржуазной» коопераціей, обособиться отъ кооперативныхъ организацій, стремящихся въ принципѣ къ смягченію классовыхъ противорѣчій. Такъ, постепенно пристегнули классовый ярлыкъ къ кооперативной идеѣ, органически ей чуждый и даже враждебный. Отдѣленіе рабочей коопераціи мотивировалось отчасти торгашески-буржуазнымъ духомъ, вторгшимся съ середины войны въ кооперацію общую или — какъ говорили, «городскую», но, на дѣлѣ, и спеціально-рабочая кооперація не перестала болѣть многими болячками «буржуазныхъ» потребительныхъ или кредитныхъ обществъ.

Было бы злостной ошибкой утверждать, что весь рабочій классъ, цѣликомъ и безоговорочно, далъ одни только тѣневыя пятна на свѣтовомъ экранѣ русской революціи. Нѣтъ, безспорно были и отдѣльныя попытки стоять на уровнѣ теоретически-установленной «пролетарской» морали, проявлялась иногда патріотическая тревога, забота объ общемъ благѣ безъ тенденціозно-узкаго толкованія этого понятія, но, къ сожалѣнію, этого рода факты тонули въ морѣ другихъ, противоположнаго характера. Вожаки проповѣдывали интернаціонализмъ, кастовый эгоизмъ, максималистическіе лозунги — и масса покорно и почти безропотно шла за вожаками, не чувствуя въ себѣ силы и рѣшимости противодѣйствовать устанавливаемой ими линіи поведенія. Позиціи захватывались максималистами почти безъ борьбы и противодѣйствія, вся атмосфера была настолько насыщена идеей «избранности» русскаго рабочаго класса, его мессіанистской роли двигателя мірового соціальнаго прогресса, что увлеченіе охватывало скептиковъ и практиковъ. Такъ сильна была волна національзаціи фабрично-заводскихъ предпріятій, такъ модно было теченіе «вся власть — совѣтамъ рабочихъ депутатовъ» — и «верховный хозяинъ предпріятій — рабочіе комитеты». Работу, творчество, производство реальныхъ цѣнностей стало замѣнять митингованіе, безконечныя словопренія, параллизованіе разговорами дѣла и т. д. Дѣятельность совдеповъ превратилась въ сплошное словоблудіе, въ потокѣ котораго тону-

ла всякая живая мысль. Стало входить въ привычку меньше работать и больше получать, равно какъ все больше колебалось чувство дисциплины, замѣнявшееся дипломатической игрой съ заправилами рабочаго комитета. Отдѣльные фанатики, еще и до революціи ходившіе въ шорахъ марксистской догмы, увѣровали, что, дѣйствительно, наступило время «экспропріаціи экспропріаторовъ», что передъ измученнымъ эксплуатаціей прежнихъ временъ пролетаріатомъ вотъ уже открылось небо въ алмазахъ, предсказанное Марксомъ. А тутъ еще — кругомъ плясала свой дикій танецъ спекуляція, духъ легкой наживы царилъ надъ городами, какъ и надъ деревнями. Если, при этомъ, въ деревнѣ отсутствовалъ какой бы то ни было флеръ и «теоретическое обоснованіе», а попросту сказывалось голое стремленіе поскорѣе овладѣть возможно большимъ количествомъ матеріальныхъ благъ, то въ рабочихъ кварталахъ городскихъ центровъ дѣлались попытки «подвести фундаментъ» подъ подобные же позывы изголодавшагося желудка. Фундаментъ возводился, правда, мало-солидный, съ замѣной крѣпко-цементирующихъ веществъ дѣтски-наивной вѣрой въ спасительность и универсальность вульгаризированныхъ соціалъ-демократическихъ теорій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, слѣдуя истинному духу марксистскаго ученія, нужно было ждать, что Россія, по степени своего промышленнаго развитія, займетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди странъ, въ которыхъ можетъ начаться примѣненіемъ марксова теорія. Лѣвые с.-р. и потомъ — большевики рѣшили иначе, стали проповѣдывать смѣлый скачокъ въ свѣтлое соціальное будущее, устроенное по маркс-энгельсовскому рецепту, взамѣнъ чего, въ дѣйствительности, получился скачокъ на дно бездонной пропасти. Сопровождалось это буквальнымъ обожествленіемъ самого Маркса, канонизированіемъ его ученія, съ возведеніемъ въ религіозную догму отдѣльныхъ положеній этого ученія. Что обожествленіе Карла Маркса было сравнительно широко распространено въ рабочихъ «верхахъ», — однимъ изъ доказательствъ можетъ послужить слѣдующій маленькій, но характерный фактъ. Мнѣ пришлось случайно ознакомиться съ перепиской, второпяхъ брошенной однимъ большевистскимъ дѣятелемъ провинціальнаго типа, въ виду приближенія добровольцевъ. Среди писемъ мнѣ бросилось въ глаза одно, авторъ котораго спрашиваетъ адресата о рядѣ общихъ знакомыхъ.

— «Какъ поживаетъ нашъ славный старичокъ. Ради Маркса сообщи мнѣ, гдѣ онъ и что съ нимъ» — буквально гласила строчка письма.

Это «ради Маркса» не было случайной остротой, опиской или ироніей, выраженіе это, явно, что называется, сорвалось

съ пера пишущаго, не взвѣшивавшаго спеціально выраженій въ своемъ, носившемъ чисто дружескій характеръ, письмѣ. Обожествляя Маркса, конечно, не могли критически относиться къ его ученію, подходить къ отдѣльнымъ его положеніямъ съ желаніемъ провѣрить его на опытѣ, съ внутреннимъ правомъ оспаривать тотъ или иной тезисъ.

Между прочимъ, русскимъ рабочимъ усиленно внѣдряли примитивное раздѣленіе на «буржуазію» и «пролетаріатъ», на «владѣющіе классы» и «трудящихся». 1918—1921 гг. показали, что не существуетъ полнаго совпаденія интересовъ городскихъ рабочихъ и сельскихъ землепашцевъ. Въ деревнѣ отнюдь не благосклоннымъ окомъ глядятъ на 8-часовый рабочій день на фабрикахъ, а на заводахъ не мало клянутъ отказъ крестьянъ возить въ городъ хлѣбъ и иные продукты. Въ русскихъ условіяхъ тяга въ города и возвращеніе къ полямъ всегда носили нѣсколько своеобразный характеръ. Многіе крестьяне занимались въ городѣ отхожими промыслами, многіе рабочіе, съ своей стороны, не теряли связи съ деревней. Большевизмъ, нанеся особенно сильный ударъ городамъ, вызвалъ невиданную доселѣ тягу въ деревню фабрично-заводскихъ рабочихъ. Это не было органическое желаніе сѣсть на землю, но толкалъ въ деревню или, правильнѣе, выталкивалъ изъ города — безпощадный голодъ, невозможность добыть внѣ деревни пропитаніе. Большевизмъ, убивъ промышленность и, въ особенности, крупную, оказался безсильнымъ убить земледѣліе, въ особенности — мелкое. Жизнь пошла какъ разъ наперекоръ догмѣ.

Было бы безполезно и мало продуктивно искать виновниковъ всѣхъ извилинъ и искривленій пути нашего рабочаго движенія. Какъ ни набили оскомину ссылки на вину стараго режима, но, конечно, значительная доля отвѣтственности за развращеніе нашего рабочаго класса падаетъ на царскія правительства, разстрѣливавшія рабочихъ и цинично, при этомъ, заявлявшихъ «такъ было — такъ будетъ». Свою долю отвѣтственности несетъ и наша буржуазія, большинство которой упорно не хотѣло идти навстрѣчу духу времени. Въ интеллигентскихъ кругахъ сотворили себѣ кумира изъ «пролетаріата», не зная и не понимая его — возводили его въ фетишъ, теоретически заботясь о немъ — усиленно старались надѣть на него взятый на прокатъ изъ германскихъ магазиновъ соціалъ-демократическій мундирчикъ. Создававшаяся при этомъ „iniquité renversée" рабочими не замѣчалась, не до осознанія «несправедливости навыворотъ» было въ моменты мистическаго опьяненія своей идеей, которая, развиваясь и расширяясь, доходила до проповѣди религіи всемогущества и всевластности пролетаріата.

Рабочій классъ впитывалъ въ себя вліяніе всѣхъ витавшихъ надъ нимъ теченій и, игнорируя свою слабую и подчиненную роль въ земледѣльческой странѣ, возомнилъ себя владыкой всероссійскимъ, призваннымъ замѣнить царя-самодержца. Постепенно, переходя со ступеньки на ступеньку, докатились, идя этимъ путемъ, до разрушенія промышленности и транспорта, до полнаго паралича производства и передвиженія. На самихъ рабочихъ больно стала сказываться всеобщая разруха. Русская революція во всѣхъ областяхъ жизни, словно по мановенію руки невѣдомаго режиссера, доводила дѣло разрушенія до конца, если не логическаго, то — теоретическаго. Въ итогѣ и получилось грандіозное кривое зеркало, на отраженіяхъ котораго наглядно, на основаніи демонстрированія каррикатурныхъ преувеличеній всѣхъ теоретическихъ построеній, всѣ классы населенія стали учиться, какъ не надо жить и дѣйствовать. Какіе это жестокіе и кровавые уроки! Но какіе въ то же время вразумительные!

Рабочій классъ выноситъ изъ революціи не только жестокій урокъ, онъ потерпѣлъ въ огнѣ ея и серьезный, не скоро поправимый уронъ. Промышленность разрушена такъ основательно, возстановленіе ея потребуетъ столько времени и средствъ, что на долго многіе рабочіе будутъ обречены на безработицу, во всякомъ случаѣ — на нехватку въ спросѣ на трудъ. Мало того, параличъ промышленности потребуетъ на извѣстное время ограничительныхъ толкованій многихъ завоеванныхъ рабочимъ классомъ правъ, въ томъ числѣ и 8 часоваго рабочаго дня. Русскіе рабочіе иронически относились въ свое время къ тому, что нѣмецкіе рабочіе, послѣ революціи въ Германіи, стали работать 8 часовъ на предпринимателя и 2 часа на государство, они въ это же самое время стали требовать доведенія рабочаго дня до 6 и 5 часоваго, пока большевики, милитаризируя промышленность, ввели 10, 11 и 12 часоваго. Законодателю въ новой Россіи придется, сохраняя законъ о 8 часовомъ рабочемъ днѣ, допускать въ отдѣльныхъ случаяхъ и отрасляхъ производства временныя и мѣстныя отступленія отъ этой нормы, ибо того будутъ властно требовать объективныя экономическія условія. Съ теченіемъ времени эти отступленія будутъ уменьшаться и, въ концѣ концовъ, сойдутъ на нѣтъ, но въ теченіе нѣкотораго періода они будутъ неизбѣжны. Новая власть во имя возсозданія экономической мощи страны и, слѣдовательно, благополучія и самихъ рабочихъ, должна будетъ всѣми мѣрами способствовать увеличенію производительности и облегченію условій производства. Эта временная жертва со стороны рабочихъ будетъ необходима для того, чтобы въ будущемъ имѣть возможность

во всей полнотѣ пользоваться завоеваніями мартовской революціи 1917 г.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, кривая роли рабочихъ въ различныя фазы революціи и гражданской войны. Какова же форма участія въ революціонномъ процессѣ работодателей, торгово-промышленнаго класса?

VII

d) Торгово-промышленный классъ.

Въ Россіи до сихъ поръ не создалось торгово-промышленной буржуазіи въ европейскомъ понятіи этого слова. Были отдѣльные купцы и промышленники, но не было класса, сплоченности, единой идеологіи. Въ силу этого, трудно говорить о роли торгово-промышленнаго класса въ революціи, приходится говорить лишь объ отдѣльныхъ группахъ или представителяхъ этого зарождающагося еще класса. Исторія участія торгово-промышленнаго класса въ революціи и гражданской войнѣ — пестра и лишена какого бы то ни было единства.

И до, и во время революціи имѣли мѣсто случаи ассигнованія отдѣльными представителями торгово-промышленнаго міра крупныхъ суммъ въ распоряженіе крайне-лѣвыхъ партій. Доходило до того, что въ составъ забастовочныхъ фондовъ поступали суммы, полученныя изъ рукъ промышленниковъ. Такова была острота желанія покончить со старымъ режимомъ въ верхахъ русскаго торгово-промышленнаго класса.

Едва ли не во всѣ составы Временнаго Правительства входили видные представители торговли и промышленности. Все это были люди безупречной честности и патріотизма, но мало подготовленные къ государственно - административной работѣ, часто — неврастенически-безпомощные и, главное, оторванные отъ своего класса. За ними часто не было ни сплоченной силы, ни большого вліянія въ ихъ же средѣ. Это были, попросту, нѣсколько даже деклассированные буржуа, типичные представители русской интеллигенціи, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Въ этихъ кругахъ, довольно вліятельныхъ и авторитетныхъ въ столицахъ, а также въ крупныхъ центрахъ — Одессѣ, Кіевѣ, Ростовѣ и др., царила со времени революціи изрядная растерянность, искреннее желаніе пойти на уступки духу времени, ограничить себя, пойти на матеріальныя жертвы.

Тѣмъ временемъ, въ болѣе широкихъ кругахъ купечества и промышленниковъ стала все болѣе ярко обозначаться спекулятивная лихорадка. Иной купецъ-спекулянтъ готовъ былъ поддерживать крайне-лѣвую газету, лишь бы ему никто и ничто не мѣшали въ его спекулятивныхъ операціяхъ. Власть, увлеченная общими вопросами, сразу не обратила должнаго вниманія на ростъ спекуляціи, изъ нѣдръ здоровой части купечества не возникло достаточнаго противодѣйствія спекулятивнымъ стремленіямъ, репрессивныя мѣры не давали результатовъ, корпоративная борьба со спекулянтами осложнялась тѣмъ, что торговать и промышлять стали люди, чуждые купеческому и промышленному міру, никуда не записанные и нигдѣ не зарегистрированные. Ростъ спекуляціи внесъ не мало горючаго матеріала въ костеръ революціи. Въ широкой публикѣ, преувеличивая роль спекуляціи въ дороговизнѣ жизни, стало накопляться глухое недовольство противъ спекулянтовъ, подъ именемъ которыхъ, обобщая факты, стали подразумѣвать чуть ли не всю буржуазію. Забывая разстройство транспорта, нехватку сырья и топлива, параличъ промышленности — массовый обыватель выдѣлялъ изъ всѣхъ виновниковъ все растущей дороговизны — спекулянта. Спекуляція стала невольной пособницей большевизма, его двигателемъ и косвеннымъ проводникомъ.

Въ то время, какъ меньшинство торгово-промышленнаго класса предавалось спекуляціи, большинство его представляло собою картину полной безпомощности и растерянности передъ приближавшимся шкваломъ большевизма. О какомъ бы то ни было организованномъ противодѣйствіи не было и рѣчи, почти не сказывалось даже стремленія помочь хотя бы матеріально анти-большевистской работѣ и пропагандѣ. На фронтъ и въ армію ежедневно отправлялись сотни пудовъ большевистской литературы — и очень мало литературы патріотически-государственнаго направленія. Въ такой же степени сказывалась и разница въ средствахъ, которыми располагали крайнія и умѣренно-лѣвыя партіи. Добровольческая армія временъ ген. Корнилова и Алексѣева нуждалась въ нѣсколькихъ тысячахъ рублей. Богатая часть купечества и промышленнаго міра, словно скупые рыцари, ревниво охраняли свои капиталы, которые скоро попадали цѣликомъ въ руки большевиковъ. Извѣстенъ случай, какъ одинъ богатый южный купецъ сказался не въ силахъ дать сто тысячъ рублей, какъ пай въ солидное анти-большевистское издательское дѣло, а нѣсколько дней спустя уплатилъ милліонъ рублей наличными въ качествѣ контрибуціи большевистской «власти». Люди, много и крупно нажившіе за время войны и революціи, жались при сборахъ пожертвованій на нужды

Добровольческой арміи, чтобы затѣмъ вносить громадныя суммы, откупаясь отъ лапъ чрезвычаекъ.

Сколько унизительнаго, тяжелаго и жалкаго было въ этихъ сборахъ «контрибуціи съ буржуазіи», производившихся большевиками! Такая комиссія нѣсколько разъ создавалась большевиками, между прочимъ, и въ Одессѣ. Общая сумма обложенія опредѣлялась мѣстнымъ совдепомъ, а раскладка и взысканіе ея поручались комиссіи изъ представителей заинтересованныхъ круговъ. Комиссія разбивалась на секціи — по спеціальностямъ, — каждая секція внимательно и долго обсуждала матеріальное положеніе каждаго лица, подлежащаго обложенію по данной группѣ. Люди ловкіе, не взирая на наличіе крупныхъ средствъ, оказывались часто обложенными слабѣе скромныхъ и безсловесныхъ «буржуевъ». Главари секціи нерѣдко умудрялись совсѣмъ забыть о себѣ при раскладкѣ. Большевики только и занимались тѣмъ, что торопили со взносами. Взирая не безъ презрѣнія на всю процедуру раскладки, они всячески терроризировали руководителей раскладочной комиссіи, чтобы тѣ къ опредѣленнымъ срокамъ вносили назначенную контрибуцію. Угроза отправить не желавшихъ или не имѣвшихъ возможности уплатить требовавшейся съ нихъ суммы «на Алмазъ» висѣла въ воздухѣ, а всѣ въ городѣ знали, что на большевистской яхтѣ «Алмазъ» съ «буржуями» шутокъ не шутятъ. Бывали случаи арестовъ и отправокъ въ тюрьму неисправныхъ плательщиковъ контрибуціи или же членовъ «неаккуратной» секціи. Начинались хлопоты, исканіе денегъ и, въ конечномъ результатѣ, — обычно требуемая сумма вносилась. Трудности найти и внести деньги наличными создавали особенно много волненій и непріятностей. Иные купцы, опасаясь ареста, умудрялись скрываться, тогда арестовывали ихъ близкихъ — то жену, то старика-отца, то дѣтей. Узнавъ объ этомъ, скрывавшійся часто являлся къ большевистскому «начальству», захваченнаго вмѣсто него заложника выпускали на свободу, но впослѣдствіи случилось, что скоро затѣмъ главу фирмы разстрѣливали, такъ какъ близкіе его не могли найти къ сроку требуемой суммы. Имѣли мѣсто случаи разстрѣловъ купцовъ, близкіе которыхъ запаздывали со взносомъ контрибуціи буквально на нѣсколько часовъ. Однажды какъ-то большевики пригрозили обстрѣломъ города изъ судовыхъ орудій, если не будетъ внесена многомилліонная сумма мѣстной буржуазіей. По городу были расклеены соотвѣтствующія прокламаціи, большевистскіе опричники, разъѣзжая на грузовикахъ по городу, наводили панику своимъ недвусмысленнымъ поведеніемъ. Надъ всѣмъ городомъ нависла туча отчаянія, страха и тоски. У зданія банка, въ который вносилась «контрибуція», стояла цѣ-

лый день толпа. У окошечекъ кассъ, гдѣ принимались взносы, съ утра до поздняго вечера стояли длинные хвосты лицъ, ждавшихъ очереди и чаявшихъ, избавившись отъ личной опасности, избавить отъ нависшей угрозы бомбардировки и весь городъ.

Въ эти тревожные дни было не до выясненія того, кто виноватъ въ создавшемся положеніи, но должно отмѣтить, что одесская буржуазія сама была въ извѣстной степени виновата въ нависшемъ надъ ея головами кошмарѣ. Большевиковъ развратили угодливостью, подхалимствомъ, прислужничаніемъ, трусостью, недостаткомъ собственнаго достоинства. Когда первоначально насильственное обложеніе буржуазіи производилось въ Одессѣ нѣкіимъ анархистомъ Рытомъ въ пользу безработныхъ, то развѣ подъ призывомъ о созывѣ собранія облагаемыхъ не красовалась рядомъ съ подписью самого Рыта подпись одного виднаго одесскаго банковскаго дѣятеля и заводовладѣльца? Развѣ этотъ же промышленникъ не поспѣшилъ затѣмъ привѣтствовать пресловутаго Муравьева, большевистскаго Малюту Скуратова, котораго стойкій «буржуй» величалъ «другомъ трудового народа»? Впрочемъ, когда прибыли нѣмцы, то—другъ Рыта и Муравьева былъ первымъ изъ промышленниковъ, который сталъ «не признавать» заводскихъ комитетовъ и т е п е р ь съ ними не считаться. Безшабашнаго Муравьева могъ еще въ не малой степени развратить и тотъ фактъ, что въ его лицѣ привѣтствовалъ, «твердую власть» къ конфузу одесской интеллигенціи, публично, на многолюдномъ собраніи, одинъ изъ видныхъ и вліятельныхъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ, оказавшійся, къ сожалѣнію, къ тому же, и . . . предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Впослѣдствіи уже въ 1919 г., одесскіе большевики, не получивъ къ назначенному ими сроку контрибуціи въ ½ милліарда рублей, стали въ широкихъ размѣрахъ примѣнять терроръ въ отношеніи къ представителямъ буржуазіи. Большинство членовъ комиссіи по обложенію было арестовано, причемъ немолодыхъ купцовъ, домовладѣльцевъ и промышленниковъ заставляли таскать къ порту тяжелые мѣшки, производить земляныя работы, выгребать нечистоты въ тюрьмѣ и т. д. Издѣвательствамъ и измываніямъ не было конца и предѣла. Арестовавъ комиссію по обложенію, большевики передали взысканіе контрибуціи своему комиссаріату финансовъ, которому также не удалось получить болѣе ⅓ назначенной суммы. Стала практиковаться система взятія заложниками и членовъ семьи облагаемаго, въ порядкѣ краснаго террора разстрѣливались купцы, родня которыхъ металась по городу

въ поискахъ недособранныхъ еще нѣсколькихъ тысячъ совѣтскихъ рублей.

Безпристрастный бытописатель эпохи большевистскаго владычества отмѣтитъ, безспорно, и другіе подобные же случаи подслуживанія одѣльныхъ представителей буржуазіи къ большевистскимъ главарямъ, у которыхъ цѣною этого подслуживанія покупались, если не жизнь, то уменьшеніе суммы «обложенія» услужлившаго члена комиссіи по обложенію. Большевики на сегодня пользовались этого рода «услугами», а на завтра — отдавали въ руки че-ка ненужнаго имъ больше «буржуя».

А сколько промышленниковъ «флиртовали» съ рабочими комитетами своихъ предпріятій, демагогически заигрывали, потакали и развращали ихъ, думая этой цѣной купить себѣ хоть личное спокойствіе. Протоколы разбирательствъ въ примирительныхъ камерахъ въ періодъ, непосредственно предшествовавшій большевизму, дадутъ также кое-какой матеріалъ для характеристики политики прислуживанія, въ данномъ случаѣ сводившейся къ поддержкѣ кѣмъ-либо изъ представителей предпринимателей явно преувеличенныхъ требованій представителей рабочихъ: этимъ путемъ за счетъ конкуррирующаго или же просто чужого предпріятія «покупалась» симпатія и поддержка сильныхъ міра сего, лицъ вліятельныхъ въ рабочемъ комитетѣ или профессіональномъ союзѣ, интересующемъ даннаго участника примирительной камеры по выбору отъ предпринимателей . . .

Нечего и говорить, что весь этотъ «практицизмъ» ничего реальнаго не давалъ, вся этого рода «игра» не приводила къ желаннымъ результатамъ. Подлиннаго же творческаго практицизма торго-промышленный классъ, какъ коллективъ, въ русскую жизнь за время революціи почти не внесъ. Были въ этомъ отношеніи нѣкоторыя робкія попытки, было искреннее даже желаніе придти государству на помощь, но сильнѣе чувства патріотизма оказывалась рутина, косность, вялость и неподвижность. Въ итогѣ, организованное направляющее начало торгово-промышленной буржуазіи въ ея цѣломъ не проявлялось не только въ политической, но даже и въ спеціально-экономической сферѣ. Сказалось, при этомъ, отсутствіе организованности, недостатокъ въ авторитетныхъ руководителяхъ, неумѣнье быстро и практично создать планъ дѣйствій и начать осуществлять его.

Со времени паденія Временнаго Правительства, представители торговли и промышленности принимали участіе чуть ли не во всѣхъ правительствахъ анти-большевистскаго толка. Въ гетманскомъ правительствѣ «Протофис» — эта могущественная въ свое время организація представителей промыш-

ленности, торговли, финансовъ и сельскаго хозяйства — имѣлъ значительное вліяніе, но духъ прислужничества передъ нѣмцами, а также всесильное въ то время на югѣ стремленіе къ легкой наживѣ, руководимое девизомъ «послѣ насъ — хоть потопъ» — дали весьма мало положительныхъ результатовъ. Въ правительствѣ ген. Деникина министромъ торговли и промышленности былъ представитель промышленности, но дальше допущенія вакханаліи злоупотребленій со стороны служащихъ при изъятіяхъ изъ запрещеній вывоза зерна и другихъ видовъ сырья—дѣло не пошло. Въ то же время отдѣльные купцы и промышленники съ азартомъ наживались на всевозможныхъ поставкахъ и подрядахъ, стремясь этимъ путемъ «наверстать» потерянное благодаря большевизму. Главой сѣверо-западнаго правительства былъ крупный промышленникъ, но и ему не удалось наладить организацію продовольствія Петрограда, бывшаго одно время наканунѣ взятія его войсками ген. Юденича, но, зато, кѣмъ-то усиленно распространявшіяся преувеличенныя извѣстія объ успѣхахъ сѣверо-западныхъ анти-большевиковъ позволили группѣ валютныхъ спекулянтовъ повести крупную игру на повышеніе рубля на стокгольмской биржѣ.

Когда большинство оставшихся въ живыхъ видныхъ торгово-промышленниковъ и банковскихъ дѣятелей, послѣ крушенія ряда вооруженныхъ попытокъ борьбы съ большевизмомъ, оказалось заграницей, то въ Парижѣ создалось центральное объединеніе этихъ дѣятелей. Къ сожалѣнію, и тутъ искренній патріотизмъ часто не согласовался съ проницательностью, тактомъ, общественной школой, истинной широтой размаха. Ограничимся однимъ примѣромъ: ненужная и непріятная шумиха, поднятая вокругъ сбора средствъ для оказанія помощи продовольствіемъ возставшему ранней весной 1921 г. противъ большевиковъ Кронштадту, безъ сомнѣнія имѣла свои отрицательныя послѣдствія, раскрывъ глаза большевикамъ и побудивъ ихъ оказать давленіе на Финляндію въ смыслѣ запрета на доставку продовольствія изъ Теріокъ въ Кронштадтъ. И тутъ сказался недостатокъ выдержки, нетерпѣливое желаніе прослыть Миниными.

Даетъ ли что-либо положительное массовое бѣженство заграницу руководителей едва ли не большинства наиболѣе крупныхъ банковъ и торгово-промышленныхъ предпріятій? На вопросъ этотъ затруднительно отвѣтить до полученія возможности на опытѣ, въ самой Россіи, произвести надлежащее испытаніе. Однако, и сейчасъ можно a priori предположить, что наблюденіе западно-европейской жизни, соприкосновеніе и связи съ представителями болѣе культурнаго и развитого капитализма, обученіе молодого поколѣнія въ школахъ За-

пада, встряска отъ всего пережитаго — дадутъ кое-какіе плоды.

Нѣкоторымъ представителямъ русской промышленности и торговли пришлось, эмигрировавъ за-границу, поступить на службу въ торгово-промышленныя предпріятія или банки, работа въ которыхъ можетъ также явиться хорошей школой. Для другихъ, болѣе многочисленныхъ представителей русскаго дѣлового міра, такой школой явилось самостоятельное веденіе операцій, сведшееся, въ большинствѣ случаевъ, къ потерѣ небольшихъ запасовъ наличной валюты на рынкахъ Константинополя, Парижа и Лондона.

Вдумчивый русскій коммерсантъ или заводчикъ теперь уже воочію убѣдился во вредѣ распыленности, въ необходимости всегда и во всемъ сообразоваться съ духомъ и потребностями времени. Теперь и не учившемуся въ антверпенской коммерческой академіи ясно, что недостаточно однихъ патріотическихъ добрыхъ намѣреній, что русскій торгово-промышленный классъ сможетъ, послѣ большевизма, сыграть подобающую творческую роль только, если онъ научится хотѣть, скинетъ съ себя маниловщину и неврастеническую растерянность. Возстановленіе русской промышленности и торговли будетъ невозможно безъ широкаго и активнаго участія иностраннаго капитала, нѣкоторые въ этомъ отношеніи подготовительные шаги уже предпринимаются, но выгодное для обѣихъ сторонъ сотрудничество съ иностраннымъ капиталомъ возможно будетъ только въ случаѣ, если русскіе купцы и промышленники будутъ въ достаточной степени вооружены знаніями и современнымъ дѣловымъ опытомъ.

Большая работа предстоитъ и въ смыслѣ оздоровленія моральной атмосферы въ предпринимательской средѣ, освобожденіе ея отъ чуждыхъ элементовъ, столько повредившихъ во время революціи. Опытъ революціи также подсказалъ, что жизненно необходимо самое широкое участіе во всевозможныхъ выборахъ въ представительныя и законодательныя учрежденія, отъ участія въ каковыхъ выборахъ такъ часто и столь безпечно обыкновенно уклонялись наши купцы и промышленники, оставляя тѣмъ самымъ свободное поле для дѣятельности разрушительныхъ элементовъ. А въ самыя представительныя и законодательныя учрежденія надлежитъ посылать не столько людей, только формально связанныхъ съ торговлей или промышленностью, но подлинныхъ ея работниковъ, имѣющихъ достаточный размахъ, опытъ и спеціальныя познанія.

Нужно отдать справедливость руководящимъ торгово-промышленнымъ кругамъ, въ нихъ очень быстро были подавлены попытки къ соглашательству съ большевиками.

Какъ только начала въ концѣ 1919 г. и въ началѣ 1920 г. всходить звѣзда Красина, раздавались въ эмигрантскихъ торгово-промышленныхъ кругахъ и организаціяхъ Лондона и Парижа голоса о необходимости торговыхъ сношеній съ совѣтской властью, но скоро этого рода голоса умолкли и на смѣну имъ пришли голоса непримиримыхъ враговъ большевизма. Брезгливое отвращеніе къ растлителямъ родины и граждански-стойкое нежеланіе якшаться съ коммунистическими агентами сочетались при этомъ съ практическимъ чутьемъ, предсказывавшимъ, что все равно ничего не можетъ выйти изъ товарообмѣна или полученія концессій въ странѣ, строй которой былъ созданъ на сознательномъ разрушеніи торговли и промышленности. Рядъ протестовъ и резолюцій ясно опредѣлилъ отрицательное отношеніе къ разговорамъ о возможности дѣловыхъ сношеній со взломщиками сейфовъ и продавцами краденнаго золота. Только единичные представители русской буржуазіи согласились прямо или косвенно вступить въ торговыя сношенія съ Красинымъ, причемъ къ чести русскаго торгово-промышленнаго класса надо отмѣтить, что этими «купцами», по большей части, были «скоробогачи», nouvaux riches — «наворишки», какъ говорятъ въ Совроссіи — «наживатели» (profiteurs). Съ этимъ слоемъ новоявленной буржуазіи, лишенной какой бы то ни было морали, традицій и культуры, придется еще не мало имѣть заботъ и хлопотъ подлинному купечеству и настоящимъ заводчикамъ.

Состоявшіеся въ Парижѣ въ маѣ 1921 г. торгово-промышленный съѣздъ и въ январѣ 1922 г. торогово-промышленное совѣщаніе дали довольно богатый матеріалъ для обрисовки того политическаго багажа, который готовитъ торгово-промышленная эмиграція для дня своего возвращенія въ Россію. Въ рѣчахъ видныхъ представителей торогово-промышленнаго міра П. П. Рябушинскаго и Н. Х. Денисова были отчетливо формулированы взгляды на основные вопросы политическаго момента, причемъ взгляды эти были одобрены съѣздомъ и совѣщаніемъ въ ихъ цѣломъ и, слѣдовательно, могутъ болѣе или менѣе почитаться мнѣніемъ и всего находящагося заграницей организованнаго русскаго торгово-промышленнаго класса. Каковы же эти взгляды? Вожди торговой и промышленной Россіи заявили, что они — убѣжденные противники реакціи, что они не только не отвергаютъ февральской революціи, но стремятся закрѣпить тѣ измѣненія въ соціально-политическомъ строѣ, которыя соотвѣтствуютъ здоровымъ потребностямъ и національнымъ нуждамъ русскаго народа. «Съ чѣмъ мы придемъ въ Россію?» — вопрошалъ П. П. Рябушинскій. «Прежде всего мы должны придти съ миромъ, убивъ въ себѣ жажду мщенія. Во-вторыхъ, мы

должны заявить, что земля перешла къ крестьянамъ разъ навсегда и никогда не будетъ отнята. Въ отношеніи промышленности мы пойдемъ на все — вплоть до участія рабочихъ въ прибыляхъ — но только отъ одного требованія мы не откажемся: хозяевами и распорядителями останемся мы сами, ибо иначе торговля и промышленность останутся въ запустѣніи и разореніи». Н. Х. Денисовъ къ этому добавляетъ, что для «хозяйственнаго и политическаго возстановленія Россіи необходимо тѣсное сотрудничество всѣхъ группъ, классовъ и націй, основанное на справедливомъ удовлетвореніи ихъ интересовъ. Солидарная работа производительныхъ классовъ должна находить твердую охрану въ демократическомъ правовомъ строѣ страны, удовлетворяющемъ также справедливому требованію народовъ Россіи на самоопредѣленіе».

Итакъ, никакой контръ-революціонности, никакой реставраціи, мести и каръ противъ народа. Нуженъ правовой, демократическій строй, Россія должна стать страной буржуазно-демократическаго правопорядка при интенсивномъ развитіи всѣхъ ея производительныхъ силъ.

Позиція занята въ общемъ правильная, особыхъ возраженій или опасеній формулированные взгляды не вызываютъ, остается не предаваясь чрезмѣрному оптимизму выждать момента, когда удастся перейти отъ словъ къ дѣлу, чтобы получить возможность сдѣлать окончательный выводъ и оцѣнку.

Нужно еще особливо подчеркнуть важную для нашей земледѣльческой страны позицію, занятую въ отношеніи помѣщичьяго земледѣлія. П. П. Рябушинскій опредѣленно заявилъ, что «торгово-промышленный классъ — на сторонѣ крестьянства. Земля должна остаться у крестьянъ. Собственники земель должны принести эту жертву, ибо это диктуется государственной необходимостью». Маститый лидеръ торгово-промышленной буржуазіи, трезво учитывая фактъ исчезновенія съ политической сцены помѣстнаго дворянства, лишній разъ представилъ возраженіе маніакамъ теоріи классовой борьбы, утверждающимъ о солидарности интересовъ торгово-промышленной и земельной буржуазіи. Подобно другимъ странамъ, и въ Россіи обозначилось тоже расхожденіе во взглядахъ — и интересахъ — помѣщичьяго и торогово-промышленнаго слоевъ. Русскій торгово-промышленный классъ, порывая съ помѣстнымъ дворянствомъ, протягиваетъ руку крестьянству и зоветъ его къ совмѣстной борьбѣ за свободу, производительность и частную собственность.

Повторяемъ еще разъ, только на практикѣ — и въ самой Россіи—удастся провѣрить, соотвѣтствуетъ ли и въ политической сферѣ купеческое слово реальному политическому дѣлу.

VIII

е. Интеллигенція.

Мы дали посильную штриховую зарисовку роли отдѣльныхъ классовъ русскаго народа — крестьянства, помѣстнаго дворянства, рабочихъ, торгово-промышленныхъ группъ — въ теченіе гражданской войны. Остается еще постараться очертить роль интеллигенціи, какъ слоя внѣклассового, надклассового и межклассового.

Революція и гражданская война еще разъ подчеркнули идеализмъ и безкорыстную любовь къ народу со стороны интеллигенціи, но съ очевидностью выяснилось, что при этомъ интеллигенціи не хватаетъ государственнаго опыта, размаха, школы и выдержки. Лишенная старымъ режимомъ возможности прилагать свои силы на практикѣ и насильственно оторванная отъ участія въ государственномъ строительствѣ, интеллигенція, призванная революціей къ кормилу правленія, выказала свою теоретичность, незнаніе жизни и людей, книжность. Къ этому надо добавить еще изрядную мягкотѣлость, неврастеничность, боязнь отвѣтственности, гипертрофію стремленія къ коллегіальности, отсутствіе твердой воли и умѣнія практически осуществлять поставленное передъ собою заданіе. Въ то же время большевики проявили недюжинную волю къ власти и темпераментность въ проявленіяхъ своего упорнаго стремленія захватить власть въ свои руки, удерживая ее любой цѣной, рѣшительно ни передъ чѣмъ не останавливаясь.

Не только отсутствіе государственнаго опыта наложило свою печать на работу интеллигенціи, но и склонность еяк ъ разъѣдающимъ государственную идею началамъ максимализма. Страшнымъ оказалось и отвращеніе интеллигенціи къ аппарату государственнаго принужденія, столь сильно было почти всеобщее отвращеніе передъ силой, вѣра въ слово и убѣжденіе. Государственное толстовство свелось къ приложенію въ области управленія принципа непротивленія злу насиліемъ, начатому примѣненіемъ кн. Львовымъ и широко развитому Керенскимъ. Анти-государственный максимализмъ штурмовалъ твердыни власти, не стѣсняясь въ средствахъ и не останавливаясь передъ широкимъ примѣненіемъ насилія. Въ отвѣтъ Временное Правительство слишкомъ часто, чтобы не сказать всегда, безвольно проявляло словесное лишь сопротивленіе, не считая нужнымъ прибѣгать ко всей совокупности мѣръ государственнаго воздѣйствія и принужденія. Несправедливо, конечно, было бы отрицать тотъ фактъ, что

и изъ среды Вр. Правительства раздавались трезвые голоса настаивавшіе на томъ, что власть должна быть властью, а не только ея оболочкой, но, въ конечномъ результатѣ, голоса эти оставались вопіющими въ пустынѣ и реальныхъ послѣдствій не имѣли. Все это расшатывало самый принципъ власти, подрывало ея авторитетъ, сводилось къ фейерверку словесности. Накопившееся годами отвращеніе къ репрессіямъ, полицейскимъ мѣрамъ, карательному воздѣйствію — заставляло отворачиваться отъ примѣненія силы даже и тогда, когда власть была въ революціонныхъ рукахъ. Желаніе сохранить безкровность революціи, характеризовавшую ея первые шаги, свелось къ недостаточному сопротивленію преступленіямъ.

Революціонный паѳосъ и слѣпое преклоненіе передъ конституціонными гарантіями не давали даже возможности и помышлять о временной, вызванной обстоятельствами, пріостановкѣ дѣйствія этихъ гарантій. Большевики и уголовные преступники долго имѣли возможность безнаказанно творить свое злое дѣло, не останавливаясь передъ безсудными казнями, а смертная казнь по суду была возстановлена — и то только на фронтѣ — лишь тогда, когда дѣло разрушенія арміи было уже почти довершено. Время было пропущено, наверстать его было почти невозможно, а тутъ еще у Керенскаго сорвалось неврастеническое восклицаніе о томъ, что онъ все равно ни одного смертнаго приговора не подпишетъ и не конфирмируетъ. Власти перестали бояться, понявъ, что безнаказанность гарантирована, такъ какъ власть не противится злу насиліемъ.

Даже въ отношеніи къ уголовнымъ преступникамъ въ революціонные дни въ обывательско-интеллигентскихъ кругахъ началъ проявляться духъ всепрощенія. Сердца многихъ такъ размякли, всѣмъ хотѣлось забвенія печальнаго прошлаго, что не останавливались и передъ амнистированіемъ даже уголовныхъ. Въ иныхъ мѣстахъ изъ тюремъ выпускали уголовныхъ съ нарочитой цѣлью вызвать анархію и панику, а также сжечь архивы суда и расправиться съ чинами судебнаго вѣдомства или уголовно-розыскной части, кое-кому мѣшающими и опасными. Но были и безкорыстные сторонники раскрытія уголовныхъ отдѣленій мѣстъ заключенія. Въ тюрьмахъ различныхъ городовъ вспыхивали бунты, которыхъ администрація обычно не въ силахъ была подавить. Уголовные разбѣгались по городу, терроризируя населеніе и пополняя ряды тѣхъ, кто впослѣдствіи сталъ выступать подъ именемъ большевиковъ. Прекрасной иллюстраціей того, какъ на зарѣ революціи относились къ уголовнымъ преступникамъ, можетъ послужить исторія небезызвѣстнаго на югѣ

бессарабскаго разбойника Катовскаго, которому удалось выйти изъ одесской тюрьмы, долгое время показываться въ публичныхъ мѣстахъ и вызывая къ себѣ явное вниманіе и, даже, симпатію публики. Катовскій дошелъ до того, что устроилъ съ благотворительной цѣлью публичный аукціонъ своихъ кандаловъ. Нашлось не мало любителей присутствовать и участвовать на этомъ своеобразномъ аукціонѣ. Впослѣдствіи Катовскій примкнулъ къ большевикамъ, съ которыми, однако, онъ скоро разошелся и сталъ во главѣ шайки головорѣзовъ, воевавшихъ съ совѣтской властью.

Когда въ той же Одессѣ вспыхнулъ жестокій бунтъ уголовныхъ преступниковъ, администрація не рисковала принять рѣшительныя репрессивныя мѣры противъ взбунтовавшихся уголовныхъ. Въ видѣ компромисса къ тюрьмѣ былъ отправленъ воинскій отрядъ, но руководимый не военнымъ или чиномъ милиціи, а человѣкомъ штатскимъ — городскимъ головою, инж. М. В. Брайкевичемъ. Подчиненіе воинской силы популярному общественному дѣятелю обозначало собою желаніе придать подавленію тюремнаго бунта какъ бы общественный характеръ. Взбунтовавшіеся арестанты требовали смѣщенія стараго начальника тюрьмы, котораго забыли въ попыхахъ замѣнить фигурой болѣе революціоннаго склада, они насильственно задержали присланныхъ къ нимъ „для переговоровъ“ представителей общественнаго комитета и болѣе или менѣе успокоились только послѣ того, какъ въ тюрьмѣ остался въ качествѣ „заложника“ представитель общественно-революціонныхъ организацій. Впослѣдствіи въ тюрьму былъ назначенъ особый комиссаръ, уполномоченный совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и санкціонированный общественнымъ комитетомъ. Делегаты революціонной демократіи, по общимъ отзывамъ, обычно держали себя въ тюрьмѣ нѣсколько заискивающимъ образомъ, величали уголовныхъ арестантовъ „товарищи“, проявляли не мало истеричности и демагогичности. Революція своими полу-мѣрами и ослабленіемъ карательнаго воздѣйствія — привела къ усиленію бандитизма, принявшаго кровавыя и жестокія формы. Когда спохватились, было уже поздно.

Иностранецъ никакъ не можетъ понять русскаго фатализма и непротивленчества, этого пассивнаго отношенія къ явнымъ разрушителямъ общества. Въ Россіи покорно склоняли голову передъ волной забастовочнаго движенія, руководимаго большевиками, тогда какъ во Франціи и Англіи само общество сумѣло организовать противодѣйствіе государственно-вредной волнѣ забастовокъ въ предпріятіяхъ, обслуживающихъ общественныя нужды. Русскій интеллигентъ находится часто подъ гипнотическимъ вліяніемъ власти словъ,

боясь запачкать свои программныя бѣлоснѣжныя ризы, опасаясь прослыть штрейхбрехеромъ, недостаточно демократичнымъ или недостаточно лѣвымъ и т. д. Эта власть словъ заставляетъ часто жертвовать жизненными интересами и коренными нуждами ради соблюденія чистоты словесной формулы.

Сопротивляемость русскаго человѣка всякаго рода враждебнымъ силамъ, препятствіямъ и т. д. всегда бываетъ очень слаба. Начальникъ французскаго штаба въ Одессѣ полковникъ Фрейденберъ разсказывалъ, какъ къ нему явилась депутація жителей г. Балты, Подольской губ. съ просьбой о защитѣ отъ погромщиковъ. Полковникъ Фрейденберъ, освѣдомившись о количествѣ проживающихъ въ Балтѣ благонадежныхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, обѣщалъ снабдить ихъ оружіемъ, необходимымъ для защиты жизни и достоянія жителей. Депутація, выслушавъ это предложеніе, формулировала просьбу о присылкѣ въ Балту французскаго отряда, чѣмъ вызвала не малое удивленіе со стороны полк. Фрейденбера, долго не понимавшаго, какъ это россійскіе граждане не склонны къ активной самозащитѣ своихъ интересовъ и правъ.

Оглядываясь назадъ, вспоминается также отсутствіе сопротивляемости со стороны редакцій одесскихъ газетъ, которыя еще въ 1918 г., когда большевики терпѣли независимую печать, дали, что называется, сѣсть себѣ на голову, подчиняясь самымъ нелѣпымъ большевистскимъ требованіямъ. Только одинъ соціалъ-демократическій „Южный Рабочій“ болѣе стойко держалъ знамя свободнаго печатнаго слова.

Русскій интеллигентъ до самаго послѣдняго времени какъ-то стыдился проявить свое стремленіе къ власти, заглушалъ въ себѣ инстинктъ властолюбія, боясь обвиненій въ честолюбіи или преслѣдованіи личныхъ видовъ. Власть представлялась чѣмъ-то не вполнѣ чистымъ, обладаніе которымъ было даже въ нѣкоторой степени зазорнымъ. И до сихъ поръ русскій интеллигентъ упорно не усваиваетъ вполнѣ той истины, что политическій идеалъ можетъ быть съ наибольшей легкостью и полнотою осуществленъ только въ томъ случаѣ, если власть будетъ въ надлежащихъ рукахъ. Ни цѣломудренно-стыдливое отношеніе къ власти, ни культивированіе въ себѣ вкуса и любви оппозиціи къ власти — отнюдь не укрѣпляютъ подлинно-демократической и гражданской власти. Естественной задачей политическаго дѣятеля является не столько борьба съ властью, сколько стремленіе добиться власти и, овладѣвъ ею, проводить свою программу.

Въ теченіе всей революціи вкусомъ къ власти обладали очень немногіе, умѣніе ее удержать и ею пользоваться въ

общественныхъ цѣляхъ почти никѣмъ не проявлялось. Цѣлый рядъ аттрибутовъ власти административной не могъ заполяться изъ-за брезгливо-стыдливаго къ нимъ отношенія со стороны демократической интеллигенціи. Административные посты различныхъ ступеней до самаго возстанія большевиковъ находились подъ нѣкоторымъ бойкотомъ интеллигентовъ, изъ коихъ очень немногіе соглашались „пачкаться" дѣятельностью административнаго характера. Большинство же изъ тѣхъ, кто соглашался взять на себя обязанности государственно-административнаго характера, не только не проявлялъ опыта и спеціальныхъ навыковъ, которыхъ въ началѣ и ожидать было невозможно, но выказывалъ кокетливое, доведенное до крайности, отвращеніе къ „бюрократизму" и формализму. Духъ времени требовалъ чистки въ рядахъ подчиненныхъ, среди которыхъ было не мало элементовъ, дѣйствительно, неподходящихъ, развращенныхъ старорежимной атмосферой, но практическія соображенія властно требовали постепенности въ этой чисткѣ, а не немедленной коренной ломки, не дававшей возможности замѣнить надлежащими кадрами образовавшейся пустоты въ служебномъ и чиновничьемъ механизмѣ. Въ частности, неосмотрительно быстро было произведено коллективное раскассированіе всей старой полиціи, чины которой были отправленны на фронтъ, гдѣ многіе, спасая свою шкуру, занялись демагогической агитаціей. Не будь спѣшки и огульности въ проведеніи расформированія полицейскихъ учрежденій, можно было бы произвести надлежащій отборъ среди чиновъ полиціи, оставивъ на службѣ наиболѣе подходящіе элементы и не разстраивая тѣмъ самымъ всего аппарата.

Если въ центрѣ была еще возможность быстро и болѣе или менѣе сносно заполнить основные административные посты, то на мѣстахъ и эта возможность обычно отсутствовала. Было въ Петроградѣ рѣшено, что посты губернаторовъ и градоначальниковъ займутъ временно, до индивидуальныхъ назначеній и общей административной реформы, предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ и городскіе головы (послѣдніе — въ градоначальствахъ), Мин-во внутрен. дѣлъ разослало о томъ циркулярно телеграмму, предписывающую прежнимъ губернаторамъ и градоначальникамъ немедленно сдать должность устанавливаемымъ въ телеграммѣ замѣстителямъ. При составленіи этой телеграммы новая революціонная власть проявила старую повадку къ централизму, старое незнаніе въ столицѣ того, что дѣлается на мѣстахъ, въ провинціи. Теоретически и схематически получалась, глядя изъ центра, стройная картина: старорежимные администраторы удаляются и на мѣсто ихъ ставятся избранники населенія, главари

мѣстнаго самоуправленія. На дѣлѣ же было упущено изъ вниманія, что во многихъ центрахъ во главѣ мѣстнаго управленія стоятъ лица по назначенію, либо элементы антиобщественнаго склада и ярко черносотеннаго направленія. Конечно, трудно было сразу произвести индивидуальныя назначенія на высшіе посты по мѣстной администраціи, но, при отправкѣ циркулярной телеграммы, нельзя было, вѣдь, не учесть и общеизвѣстныхъ мѣстныхъ особенностей. Иначе, могли легко получиться явленія нежелательныя, опасныя и явно противорѣчащія духу революціи. Такъ, едва не случилось, напримѣръ, въ Одессѣ.

Одесскій городской голова, пользующійся болѣе или менѣе широкой извѣстностью крайне-правый дѣятель, Б. А. Пеликанъ, получивъ циркулярную телеграмму о вступленіи въ должность градоначальника, имѣлъ, вѣдь, формальное право требовать сдачи ему должности высшаго въ городѣ администратора. Получилась бы картина конфузная и пикантная въ то же время: революціонная власть поставила градоправителемъ яраго и активнаго ретрограда. Вступленіе г. Пеликана въ должность градоначальника, въ виду его громкой репутаціи и слишкомъ уже опредѣленной политической физіономіи, безспорно вызвала бы въ городѣ панику, небезосновательное опасеніе погрома, тревогу за нарушеніе спокойствія и порядка, до сихъ поръ ничѣмъ не омрачавшихся. Во избѣжаніе подобнаго скандала, двумъ изъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей удалось снестись по прямому проводу съ Петроградомъ и убѣдить министерство внутреннихъ дѣлъ въ необходимости отмѣнить назначеніе г. Пеликана, передавъ исполненіе функцій градоначальника помощнику его, полковнику В. Е. Есаулову, человѣку лойяльному и не вызывавшему общественнаго раздраженія (полковникъ Есауловъ до большевистскаго переворота оставался безсмѣнно градоначальникомъ Одессы, проявляя даже излишнюю эластичность и желаніе идти въ ногу съ крайними группами). Едва ли не первымъ шагомъ полк. Есаулова, послѣ назначенія его Вр. Правительствомъ, было руководительство арестомъ г. Пеликана и ряда его сподвижниковъ, преимущественно городскихъ дѣятелей и городскихъ служащихъ. Основаніемъ для этихъ арестовъ послужило поступившее въ штабъ военнаго округа донесеніе одного офицера о томъ, что г. Пеликанъ и его единомышленники по союзу Михаила Архангела и др. монархическимъ организаціямъ намѣреваются, арестовавъ начальника военнаго округа, начальника его штаба, градоначальника, видныхъ прогрессивныхъ общественныхъ дѣятелей, произвести въ городѣ погромъ, захватить власть въ свои руки и, не останавливаясь ни пе-

редъ чѣмъ, воспрепятствовать силой водворенію въ Одессѣ власти Времен. Правительства. Неизвѣстно, имѣли ли одесскіе „союзники“ подобнаго рода намѣренія или нѣтъ, но неправдоподобнаго въ нихъ ничего не было, если принять во вниманіе боевой характеръ одесскихъ крайне-правыхъ организацій. Возможно, что поступившія въ штабъ округа свѣдѣнія были нѣсколько преувеличены и излишне конкретизированы, но, въ то же время, не исключается и возможность того, что своевременно принятыя мѣры и фактъ недопущенія вступленія г. Пеликана въ должность градоначальника помѣшали осуществленію витавшаго въ воздухѣ плана контръ-переворота. Документально ничего установить не удалось, но при рѣшеніи штаба округа произвести аресты дѣло представлялось серьезнымъ. Начальникъ штаба округа ген. Марксъ, давая приказъ командирамъ отдѣльныхъ небольшихъ воинскихъ отрядовъ на содѣйствіе при производствѣ арестовъ по опредѣленному списку чинами полиціи, въ торжественной формѣ, при обнаженной шпагѣ, требовалъ обѣщанія выполнить свой долгъ до конца. Рисовалась, при этомъ, возможность сопротивленія, чудилась Вандея и организованный отпоръ контъ-революціонеровъ. Никакого сопротивленія оказано не было, всѣ аресты были произведены согласно предписанію, никакихъ собраній контръ-революціонеровъ и складовъ оружія обнаружено при этомъ не было. Арестованные были препровождены не въ обычныя мѣста заключенія, а въ комфортабельное помѣщеніе реквизированной бездѣйствовавшей водолѣчебницы, гдѣ имъ разрѣшалось получать изъ дому обѣдъ, газеты и т. д. Постепенно арестованныхъ начали выпускать, но г. Пеликанъ пробылъ подъ арестомъ — съ переводомъ въ тюрьму — довольно долго, если память не обманываетъ — нѣсколько мѣсяцевъ, но уже по ордеру сенатора Трегубова, производившаго сенаторскую ревизію стараго одесскаго городского управленія, такъ и не доведенную до конца. Въ тюрьмѣ г. Пеликану пришлось пережить не мало тяжелыхъ минутъ въ виду постоянныхъ угрозъ по его адресу со стороны революціонной толпы, но въ первоначальномъ мѣстѣ заключенія ни г. Пеликану, ни его со-заключеннымъ ничто и никто не угрожалъ. По просьбѣ заключенныхъ, общественный комитетъ, командировалъ къ нимъ 3 своихъ представителей для выслушанія заявленій и жалобъ. Удалось подобрать такой составъ общественной делегаціи, при которомъ исключалась возможность какой либо грубости или безтактности по адресу арестованныхъ. Большинство заключенныхъ, помимо просьбъ семейно-обывательскаго свойства, просило о предоставленіи возможности присягнуть Вр. Правительству, одинъ только г.

Пеликанъ, держась съ большимъ достоинствомъ, никакихъ просьбъ не предъявлялъ. Делегаты общественнаго комитета, видимо, даже нѣсколько стѣснялись своей роли и меньше всего хотѣли походить на тюремщиковъ. Слухи противоположнаго характера, распространявшіеся впослѣдствіи, — явно вздорны.

До революціи казалось, что среди русскихъ интеллигентовъ имѣется много сильныхъ и цѣльныхъ личностей, то смѣлыми террористическими актами доказывающихъ, что слово у нихъ не расходится съ дѣломъ, то упорной борьбой за конституціонныя начала дѣйственно подготовлявшихъ новую эру. Но опытъ показалъ, что школа разрушенія не является всегда и школой созиданія, что творчески-положительная работа требуетъ чего-то иного.

На аренѣ революціи копошились сотни и тысячи людей разнаго калибра и склада, но, все же, имѣется основаніе говорить о безлюдіи революціонной эпохи, не создавшей ни своихъ героевъ, ни своихъ общепризнанныхъ вождей и руководителей. Упадочная неврастенія отмѣтила своимъ прикосновеніемъ иныхъ митинговыхъ ораторовъ, обладавшихъ даромъ мгновенно зажигаетъ сердца и увлекать трепетно-напряженныя души, но длительнаго водительства и глубокаго практическаго результата эти вспышки, въ общемъ, не давали.

Нервозность, которая всегда была присуща русской интеллигенціи, сильно еще развилась за время войны и революціи. Эта нервозность, выливающаяся въ истеричность и неврастеничность, многое объясняетъ въ ходѣ революціи, надъ которой часто рѣетъ призракъ нервной упадочности. Русскій интеллигентъ всегда недостаточно обращалъ вниманіе на свое физическое развитіе, а тутъ еще жизнь задавала безпрерывную трепку нервамъ: война 1904 г., революція 1905 г., погромы и карательныя экспедиціи 1906—1907 гг., реакція, война 1914—1917 гг., вторая революція, большевизмъ, терроръ, бѣженство и т. д. — сколько во всемъ этомъ источниковъ нервнаго разстройства; въ какихъ условіяхъ за всѣ эти годы зарождались, росли и развивались дѣти, подростки, юноши! Передъ войной, когда все въ Россіи ходило словно надъ пропастью, къ тому же усилилась въ буржуазно-интеллигентскихъ кругахъ страсть къ нездоровымъ наслажденіямъ, развратъ, кутежи. Стали чаще прибѣгать къ кокаину, морфію, опіуму. Большевизмъ усилилъ и укрѣпилъ эти больныя страсти. Ими только и можно объяснить жестокость чекистовъ. Фактически установлено, что казни въ че-ка производятся обыкновенно въ состояніи опьяненія, одновременно— алкоголемъ и кокаиномъ. Въ подвалахъ одесской чрезвычай-

ки, къ моменту прихода добровольцевъ, нашли большіе запасы коньяку, а въ помѣщеніяхъ для палачей—баночки изъподъ кокаина. Разсказы вырвавшихся изъ чрезвычаекъ единодушно сходятся на выясненіи роли возбуждающихъ наркозовъ во всей организаціи террора большевиковъ. Однимъ изъ наиболѣе жестокихъ палачей была въ Одессѣ молодая артистка, дочь полковника, явная садистка, испытывавшая наслажденіе въ собственноручныхъ разстрѣлахъ, сопровождавшихся издѣвательствами надъ разстрѣливаемыми молодыми офицерами. Въ изувѣрствѣ интеллигентныхъ большевистскихъ главарей болѣзненная нервозность образованнаго и полу-образованнаго класса нашла свое крайнее воплощеніе. Среди русскихъ невропатологовъ, безспорно, найдется свой докторъ Кабанесъ, который изложитъ исторію русской революціи и гражданской войны и зарисуетъ галлерею вождей эпохи съ точки зрѣнія нерво-психо-патологіи.

Все это не можетъ не пугать всѣхъ задумывающихся надъ будущимъ и надъ судьбами родины, для которой раньше всего нужна будетъ упорная, трезвая, практическая работа по возстановленію разрушенныхъ основъ жизни, созиданіе ея матеріальныхъ прогалинъ, творчество культурное. Этотъ духъ строительства и созиданія охватилъ западно-европейскую интеллигенцію, въ значительной степени проникнутую сознаніемъ необходимости мощнаго подъема всеобщей производительности послѣ 4 лѣтъ военнаго разрушенія. Сумѣетъ ли русская интеллигенція выдвинуть изъ своей среды технически приспособленныхъ и духовно стойкихъ апостоловъ новой религіи, которую Эдуардъ Эрріо опредѣляетъ кратко, но выразительно: „créer".

Россія и до войны была бѣдна въ области внѣшней матеріальной культуры, а теперь ея бѣдность въ этомъ отношеніи такова, что исключаетъ даже возможность мало мальски сноснаго существованія. Никакая духовная работа невозможна въ голой пустынѣ, отрѣзанной отъ окружающагося міра, съ населеніемъ, мрущимъ отъ голода, холода и болѣзней. Во имя идеаловъ нужно возсоздать нормальное питаніе, пути сообщенія, санитарно-гигіеническое положеніе, безопасность. Только послѣ этого возможна будетъ забота и не о «хлѣбѣ насущномъ», о пищѣ духовной, которой такъ жаждетъ опустошенная большевизмомъ русская душа. Это отнюдь не является проповѣдью матеріализма, грубаго практицизма и теоріи малыхъ дѣлъ, это лишь — учетъ реальнаго соотношенія силъ, отказъ отъ туманнаго донкихотства. Погоня въ нищей, голодной и вшивой Россіи за вѣтрянными мельницами можетъ принести новыя неисчислимыя бѣдствія. Ихъ можетъ предотвратить только лишь — временное, конечно, — выдвиганіе

на первый планъ удовлетворенія практическихъ нуждъ, освѣщаемое вѣчными идеалами русской интеллигенціи.

Русская интеллигенція всегда и во всемъ старалась подчинить свою линію поведенія интересамъ народа. Интересы эти иногда и не вполнѣ правильно толковались, но намѣренія всегда были добрыя и искреннія. Россія, страна контрастовъ, знала одновременное сосуществованіе высшей культуры съ высшимъ невѣжествомъ, но лучшіе представители культурныхъ слоевъ неизмѣнно чувствовали свой долгъ передъ народомъ, свою обязанность поднять его до себя, улучшить его положеніе. Черезъ теорію опрощенія, черезъ хожденіе въ народъ передовая интеллигенція выявляла свое отношеніе къ народу, преисполненное любви и горячаго желанія помочь. Съ этимъ какъ-то уживалось фактическое незнаніе народа, на истинный ликъ котораго глаза пріоткрыла только революція. Весьма въ этомъ отношеніи характерна распространенная до послѣдняго времени вѣра широкихъ круговъ интеллигенціи не только въ возможность осуществленія соціалистической программы въ русской деревнѣ, но и вѣра въ стремленіе крестьянства къ осуществленію соціализма. Только немногимъ было дано предвидѣніе всей иллюзорности этого взгляда, имѣвшаго, между прочимъ, столько тяжелыхъ и вредныхъ послѣдствій. Свѣтлой памяти А. И. Шингаревъ, знавшій подлинныя настроенія крестьянства, писалъ въ своемъ дневникѣ: «Крестьянство разочаруетъ всѣ ожиданія соціалистовъ, какъ только кончится захватъ и самый хищническій раздѣлъ частновладѣльческой земли. Никакая соціализація не сможетъ быть осуществлена. Дѣло кончится и у насъ полной противоположностью тому, къ чему стремятся соціалисты». Между тѣмъ, зачатки аграрнаго соціализма имѣлись даже и въ не-соціалистическихъ группировкахъ, напримѣръ, въ программѣ партіи к.-д. въ ея послѣдней — революціоннаго періода — редакціи, касающейся земельнаго вопроса.

Народничество переживаетъ сейчасъ глубокій и серьезный кризисъ, оно изъ теоретически-абстрактнаго должно превратиться въ трезво-реальное, лишенное романтики и фантастики. Основа народническаго направленія, т. е. устремленіе въ сторону народа, можетъ и должна остаться прежней, жизнь измѣнитъ его методы и поле зрѣнія. Россія — типичная крестьянская демократія, — истинный хозяинъ земли русской. Придется считаться и съ некультурностью массы русскаго крестьянства, и съ его тягой къ институту частной собственности. Изъ стремленія къ частной собственности надо будетъ извлечь всю его положительную сторону (склонность къ порядку, труду, экономіи), корректируя стороны отрицательныя постепеннымъ и осторожнымъ законодательнымъ ограничені-

емъ возможности новой мобилизаціи земельной собственности, новаго злоупотребленія арендным правомъ и т. д. Теперь въ кругахъ интеллигенціи уже «примирились» съ органической склоностью крестьянства владѣть землей на правахъ частной собственности, но еще такъ недавно въ интеллигентскихъ кругахъ сильно было отвращеніе къ частно-собственническимъ инстинктамъ. Помнится та одинокая позиція, которую занималъ въ этомъ отношеніи Ф. И. Родичевъ, который много лѣтъ до отрезвленія 1921—22 гг. отстаивалъ и горячо защищалъ идею мелкой крестьянской частной собственности.

На ближайшія десятилѣтія Россіи, безспорно, предстоитъ всѣ свои внутреннія силы посвятить земельному устройству, интенсификаціи сельскаго хозяйства, приспособленію всѣхъ вѣтвей жизни и законодательства къ нуждамъ крестьянъ-землепашцевъ. Отсюда же вытекаетъ и задача интеллигенціи посильно служить крестьянской демократіи, насаждать въ ея средѣ начала культуры и права. Тяжелая и, порою, неблагодарная это будетъ задача, но исторически-необходимая и истинно-государственная. Придется отъ многаго отказаться, со многимъ примириться, со многимъ сжиться. Безспорно, темпъ культурной жизни временно понизится, культурное развитіе будетъ идти не столько вверхъ, сколько вширь, и тутъ экстенсивность будетъ замѣняться интенсивностью. Интеллигентское бытіе отъ этого, быть можетъ, станетъ сѣрѣе, оно будетъ лишено яркихъ вспышекъ и солнечныхъ пятенъ, но оно, зато, станетъ почвеннымъ. Русская культура перестанетъ быть экзотическимъ цвѣткомъ, произрастающимъ среди всеобщей грубости и невѣжества, она получитъ базу и, главное, возможность развитія.

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій, знавшій деревню и трезво оцѣнивавшій удѣльный вѣсъ крестьянства, подчеркивая рутинерство крестьянской массы, не отрицалъ все же возможности убѣдить крестьянина въ истинѣ: «но это надо доказать ему не одними только словами, а и дѣломъ, многолѣтнимъ опытомъ». Этого рода служеніе крестьянству сулитъ, наряду съ горькими минутами, и высокія творческія радости. На первыхъ порахъ, надо полагать, матеріальныя условія работы интеллигенціи и будутъ понижены, но постепенно довѣріе къ интеллигенціи будетъ завоевываться, трудъ ея выше цѣниться, культурный слой среди молодого поколѣнія крестьянства — расти. А, разъ все это-такъ, нѣтъ и почвы для пессимизма, можно примириться на время и съ ослабленіемъ яркихъ взлетовъ рафинированной культурной работы, нѣкоторымъ опрощеніемъ интеллигентской жизни, извѣстнымъ приближеніемъ ея къ общему уровню. Истинный демократъ со всѣмъ

этимъ безъ особаго труда примирится, понимая неизбѣжность взаимодѣйствія островковъ филигранной городской культуры и моря мужицкаго темнаго царства. По мѣрѣ того, какъ крестьянская Россія будетъ богатѣть, будетъ укрѣпляться и роль интеллигенціи, улучшаться ея положеніе, пусть — служебное, но незамѣнимое и органически-нужное. Самое широкое развитіе агрономической помощи деревнѣ; снабженіе ея удобреніями, сельскохозяйственными орудіями и машинами; созданіе желѣзнодорожной сѣти, пріуроченной къ нуждамъ хлѣбной торговли; портостроительство, связанное съ раціональной хлѣбо-экспортной политикой; заключеніе торговыхъ договоровъ на основѣ крестьянскихъ интересовъ; регулированіе тарифныхъ и фрахтовыхъ ставокъ въ связи съ нуждами сельскаго хозяйства — таковы главнѣйшія вѣхи будущей законодательной работы въ свободной демократической Россіи. Производя эту работу, передовая интеллигенція наша не только отдастъ новую дань своей сыновней любви Россіи и ея крестьянскому большинству населенія, но она этимъ путемъ настолько экономически укрѣпитъ крестьянскую демократію, что явится предвѣстникомъ углубленія культурной заслойки и болѣе высокой оцѣнки интеллигентскаго труда. Какъ бы ни былъ по природѣ расчетливъ русскій мужикъ, но, богатѣя и пріучаясь пользоваться культурными благами, онъ начнетъ понимать и значеніе интеллигентнаго труда, его не только культурную, но и чисто-экономическую цѣнность. Жизнь воочію докажетъ крестьянамъ цѣлесообразность затратъ на культурныя нужды, экономическое значеніе образованія и спеціальныхъ знаній, простую выгодность пользованія услугами интеллигенціи. Когда же усилится притокъ интеллигентныхъ силъ изъ среды самого крестьянства, ровъ между интеллигенціей и народомъ начнетъ засыпаться, ибо взаимоотношенія ихъ начнутъ принимать болѣе нормальную форму, обѣ стороны будутъ болѣе трезво глядѣть другъ на друга, правильнѣе оцѣнивать другъ друга, придя къ заключенію, что спасеніе только въ ихъ взаимномъ сотрудничествѣ.

Чтобы дойти до трезваго осознанія своей роли въ мужицкой Россіи, интеллигенціи нашей придется отказаться отъ многихъ иллюзій, пойти на не малыя жертвы, смириться въ своей чисто-интеллигентской гордынѣ. Жизнь въ крупныхъ городахъ станетъ болѣе тусклой, но въ деревняхъ — болѣе яркой. Это будетъ менѣе эффектно, но болѣе справедливо и демократично. Образованный классъ перестанетъ получать образованіе на народныя средства, не давая народу нужнаго ему въ его быту. Крестьянство, эта опора русскаго бюджета, начнетъ получать сторицею на капиталъ, затраченный имъ

на содержаніе университетовъ, спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и научныхъ учрежденій.

Земледѣльческая Россія своей организаціей крестьянскихъ массъ должна дать соки тому эмбріону зеленаго интернаціонала, который имѣется уже въ Болгаріи и, отчасти, — Соединенныхъ Штатахъ, Франціи, Венгріи и т. д. И въ этомъ отношеніи интеллигенціи предстоитъ громадная роль, ибо зеленый интернаціоналъ не только долженъ улучшить положеніе всѣхъ работающихъ на землѣ, но долженъ явиться и факторомъ обще-мірового прогресса.

Ясное дѣло, что русская крестьянская демократія не дастъ осуществиться мечтѣ нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ въ Западной Европѣ фактически замѣнить чернымъ флагомъ политической реакціи зеленый флагъ землепашца, но русской интеллигенціи предстоитъ еще сдѣлать должное, чтобы не допустить рокового по своимъ послѣдствіямъ шага въ сторону реакціи. Реакція стремится опереться на крестьянство, чтобы, поборовъ крайности рабочаго движенія, раздавить все демократическое. Русскому крестьянству необходимо достаточно вразумительно разъяснить и эту опасность, висящую надъ его головой, сорвавъ маски съ волковъ въ овечьей шкурѣ — съ ловкихъ демагоговъ, фактически преслѣдующихъ свои, помѣщичьи, вожделѣнія. Близкіе къ деревнѣ интеллигенты должны разъяснить рядовому крестьянству, что его спасеніе — въ союзѣ только съ прогрессивно-демократическими группами, что зеленый интернаціоналъ можетъ быть силенъ только, если онъ будетъ строго прогрессивенъ въ своей программѣ и тактикѣ.

Весь этотъ многосложный и многогранный процессъ работы для крестьянства, съ крестьянствомъ и во имя крестьянства, интеллигенція, естественно, можетъ продѣлать только подъ русскимъ національнымъ флагомъ. Большевизмъ въ качествѣ антитезы своему интернаціонализму положилъ начало углубленію русскаго національнаго чувства въ широкихъ народныхъ массахъ. Неудачныя дѣйствія едва ли не всѣхъ иностранцевъ, въ той или иной формѣ проявлявшихъ интервенцію въ русскія дѣла въ періодъ большевизма, создали даже чувство ксенофобіи, ненависти ко всему чужеземному. Ненависть эту не въ малой степени питаютъ своей дѣятельностью и тѣ «интернаціональные коммунистическіе отряды», при посредствѣ которыхъ большевики подавляютъ возстанія, реквизируютъ хлѣбъ, собираютъ продналогъ, приводятъ въ исполненіе смертные приговоры и массовые разстрѣлы. Остро-непріязненное чувство къ иностранцамъ вселяли, съ одной стороны, нѣмцы, румыны и поляки своими дѣйствіями въ южной Россіи, а японцы — въ Сибири; съ другой же стороны, китай-

скіе, венгерскіе, германскіе наемники большевиковъ на всемъ пространствѣ Россіи своей жестокостью вызвали всеобщій ропотъ и гнѣвъ. Когда Россія избавится отъ большевистскаго засилія, интеллигенціи придется бороться съ обобщеніемъ фактовъ въ этой области, парализовать культивированіе гоненій на все иностранное и иноземное. Подобнаго рода ксенофобія не только легко можетъ выродиться въ самый грубый шовинизмъ и зоологическій націонализмъ, но она же можетъ имѣть свои вредныя послѣдствія и при обрисовкѣ международнаго положенія Россіи, и при ея экономическомъ возрожденіи, невозможномъ безъ широкаго содѣйствія иностраннаго капитала. Чуткая совѣсть русской интеллигенціи подскажетъ ей всѣ аргументы, нужные для того, чтобы обрисовать границы и заглушить въ зародышѣ чувство злобной и слѣпой мести, а также стремленіе къ китайской стѣнѣ обособленности.

Съ этой оговоркой, нужно пожелать развитія и укрѣпленія національнаго самосознанія русской интеллигенціи, проявляемаго, какъ во внѣ — при дѣятельности въ крестьянской средѣ, такъ и внутри, въ чисто интеллигентскомъ быту. И среди интеллигенціи придется преодолѣть ксенофобскія склонности, въ частности, все растущую ненависть ко всему англійскому и польскому. Само же національное чувство нельзя всѣми мѣрами не лелѣять и холить. Интернаціонализмъ ленинскаго типа въ рядахъ интеллигенціи — изжитъ, повидимому, окончательно. Въ униженіяхъ и несчастіяхъ зародилось и пустило глубокіе ростки національное и патріотическое чувство. Россія перестала быть голой словесной формулой, въ любви къ Россіи не стѣсняются больше громко признаваться. О величіи Россіи, о счастіи народовъ Россіи съ тоскою мечтаютъ и подъ пятою большевистскаго сапога, и кушая въ бѣженствѣ горькій хлѣбъ изгнанія. Національное чувство закалилось подъ вліяніемъ національныхъ униженій, наносимыхъ близорукой политикой Людендорфовъ, Ллойдъ-Джорджей, Пилсудскихъ, представителей нѣкоторыхъ окраинныхъ новообразованій. Создается углубленное патріотическое и національное чувство, кѣмъ-то названное «патріотизмомъ униженныхъ и оскорбленныхъ». Родина стала для русскаго интеллигента реальностью, ее научились любить горькою любовью.

Великія метаморфозы, произведенныя годами революціонной бури въ духовномъ обликѣ россійскаго интеллигента, не ограничиваются зарожденіемъ патріотизма и національнаго самосознанія, а также проникновеніемъ въ глубины идеи государственности. Рухнулъ и другой фетишъ: матеріализмъ.

Доведенный большевиками до абсурда, матеріализмъ не могъ не оттолкнуть отъ себя всѣхъ, въ комъ еще не оконча-

тельно опустошена душа, въ комъ живо еще стремленіе къ какому бы то ни было идеалу. Однако, повидимому, отнюдь не зарождается неоромантизмъ или безпочвенный идеализмъ, а чисто реалистическое міровоззрѣніе съ идеалистическими импульсами. Среди интеллигенціи въ тоже время растутъ религіозныя теченія и настроенія, усиливается и тяга къ мистикѣ. Крахъ марксистской идеологіи и, въ частности, теоріи историческаго матеріализма, вызываетъ въ жизни мощныя ростки чуждаго туманной метафизики реалистическаго идеализма или, если угодно, идеалистическаго практицизма. Демократическій идеалъ освѣщаетъ своимъ яркимъ свѣтомъ эти исканія новой истины, одной изъ основъ которой является творческій трудъ, одной изъ базъ которой служитъ лаборократія, господство трудового начала и трудовой морали. Въ качествѣ реакціи на апогей грубаго матеріализма, сказавшійся въ большевизмѣ, замѣтенъ сейчасъ и нѣкоторый ростъ чисто-мистическихъ настроеній, склонность къ полному отреченію отъ позитивнаго и углубленіе въ область трансцедентнаго. Растетъ и вліяніе христіанской морали, философски противопоставляемой марксистскому матеріализму. Усиливается также и тяга къ офиціальной, догматической церковности, въ которой послѣ войны и революціи многія души находятъ утѣшеніе и точку опоры. Равнодѣйствующая всѣхъ этихъ теченій и настроеній проходитъ, думается, по оси углубленной надземности и исканія идеала, сочетающаго небо и землю. Теченія эти еще не оформлены, они не лишены индивидуалистической пестроты. Врядъ ли, однако, они и въ будущемъ примутъ универсальную форму, ибо нюансы и тонкости духовныхъ исканій не допустятъ полной унификаціи. Можно даже предположить, что эта неустойчивость исканій многихъ толкнетъ найти успокоеніе въ церковности: къ этому ведетъ и намѣчающаяся роль православнаго духовенства въ національномъ русскомъ движеніи, и ростъ церковной общественности, и предпочтеніе многими церковно-соборнаго начала безконечно тяжелымъ и труднымъ индивидуальнымъ поискамъ истины. Все это пробужденіе религіознаго сознанія является въ извѣстной степени доказательствомъ того, что русская мысль, послѣ крушенія многихъ фетишей и идей, подошла теперь вплотную къ идеѣ религіозной. Обанкротилась идея классовая, жизнь изрядно потрепала идею партійности, поблекли краски соціалистическаго идеала, но не померкла, а выросла идеологія духовно-религіознаго характера. Въ анти-большевистскомъ движеніи были дѣлаемы (въ Сибири и на Югѣ) попытки использованія религіознаго подъема, какъ стимула для усиленія борьбы съ бѣсами большевиками, но организація всякаго рода «священныхъ дружинъ» уклоня-

лась отъ идеаловъ крестоносцевъ, приближаясь по духу скорѣе къ формированіямъ «священнаго союза» съ его реакціонно-затхлыми устоями.

Нужно отмѣтить, что нарожденіе въ самой Россіи группъ священства новой формаціи, съ новой психологіей и новымъ подходомъ къ событіямъ не сопровождалось такимъ же явленіемъ среди духовенства областей, временно освобождаемыхъ отъ большевиковъ, а также среди духовенства бѣженской Руси. Севастопольскій епископъ Веньяминъ и его органъ «Святая Русь» слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствовали въ Врангелевскій періодъ о курсѣ въ сторону самой черной реакціи значительной группы православнаго духовенства. О томъ же свидѣтельствуетъ и роль, сыгранная частью одесскаго духовенства въ формированіи «христіанскаго блока», этой открыто реакціонной организаціи, созданной передъ выборами въ одесскую город. думу.

Въ бѣженствѣ, сравнительно выгодно отличалась фигура архіепископа кишиневскаго Анастасія, стремящагося идти въ уровень съ духомъ времени и указывающаго въ своихъ проповѣдяхъ и на отрицательныя явленія среди представителей «бѣлаго» движенія (помнится, сколько разговоровъ вызвала проповѣдь высокопреосвященнаго Анастасія произнесенная въ началѣ 1920 г. въ Константинополѣ съ горячимъ осужденіемъ тѣхъ изъ офицеровъ и представителей тѣхъ бѣженскихъ «верховъ», которые кутежами и грубымъ безсердечіемъ такъ тягостно оттѣняли въ глазахъ иностранцевъ отрицательныя стороны русскаго быта). Митрополитъ херсоно-одесскій Платонъ, тяготѣющій къ правымъ группировкамъ, оказалъ русскому дѣлу въ Америкѣ извѣстную услугу своей энергичной пропагандой противъ большевиковъ. Представитель высшаго церковнаго управленія Юга Россіи въ Зап. Европѣ архимандритъ Сергій своими темпераментными монархическими проповѣдями и лекціями, своимъ лубочнымъ смакованіемъ легенды о «жидо-массонскомъ» заговорѣ не вплелъ лавровъ въ терновый вѣнокъ русскаго духовенства. Наконецъ, владыка Евлогій своими выступленіями въ Берлинѣ и Парижѣ перенесъ на церковный амвонъ задоръ политическаго борца опредѣленнаго уклона, не имѣющаго силы противостоять искушенію превратить панихиду по жертвамъ краснаго террора (въ сентябрѣ 1921 г.) въ панихиду «по благочестивомъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ». Въ переполненной молящимися русской церкви въ Парижѣ это контрабандное поминовеніе одной изъ жертвъ краснаго террора вмѣсто назначеннаго поминовенія 61 жертвы «таганцевскаго» заговора произвело на многихъ сильное и опредѣленное впечатлѣніе.

Настойчивое выявленіе въ бѣженствѣ воинствующаго политиканства части православнаго духовенства нашло яркое воплощеніе въ постановленіи церковнаго собора, состоявшагося въ ноябрѣ 1921 г. въ Юго-Славянскомъ городѣ Карловицахъ. Соборъ этотъ большинствомъ голосовъ мірянъ и сравнительно незначительной группы священнослужителей обнародовалъ «посланіе», въ которомъ заключался и такой чисто политическій призывъ-молитва: «да вернетъ на Всероссійскій Престолъ Помазанника, сильнаго любовію народа, законнаго Православнаго Царя изъ Дома Романовыхъ.»

Марковы II, Ширинскіе-Шихматовы и прочіе Рейхенгальцы, склонивъ на свою сторону часть духовенства, въ этомъ посланіи церковнаго собора сумѣли контрабандой провести нужный имъ политическій грузъ.

Переоцѣнка цѣнностей въ кругахъ интеллигенціи отнюдь не является явленіемъ, характеризующимъ всю интеллигенцію, безъ исключенія. Лишь въ верхахъ опытъ, накопленный во время гражданской войны и революціи, вызываетъ сдвиги и исканія истины, но одновременно сказываются въ иныхъ интеллигентскихъ кругахъ и старыя настроенія, пагубно сказавшіяся и въ предреволюціонный періодъ. Много еще имѣется интеллигентовъ, для которыхъ партійное и кружковое заслоняютъ собою общее и государственное. Духъ жертвенности, умѣніе и желаніе кое-чѣмъ поступиться, отказаться отъ чего либо дорогого и привычнаго — точно также отнюдь не является универсальнымъ явленіемъ въ кругахъ нашей передовой интеллигенціи. Напротивъ того, часто — и, даже, слишкомъ часто — сказывается узкій фанатизмъ, упорное желаніе не сойти съ занятой разъ «принципіальной позиціи», неумѣніе гибко и подвижно учесть измѣненіе жизненныхъ условій.

Любопытно отмѣтить, что разочарованія, принесенныя совокупностью событій, сказались наиболѣе ярко не столько у интеллигентовъ мужского пола, сколько у женщинъ, и не столько у интеллигентовъ вполнѣ уже зрѣлаго возраста, сколько у молодежи, въ частности — учащейся. Женщины-интеллигентки въ оцѣнку и переживанія фактовъ вносятъ обычно больше эмоціональности и это обстоятельство сказывается въ колебаніяхъ политическаго маятника среди интеллигентныхъ русскихъ женщинъ. Большевизмъ всѣмъ достаточно истрепалъ нервы, но у интеллигентокъ порожденная ужасами гражданской войны обнаженность нервовъ выливается, какъ общее правило, особенно сильно. Политическія сужденія многихъ интеллигентныхъ женщинъ проникнуты исключительно отраженіями пережитого, чувство заслоняетъ разумъ, отсутствіе точной освѣдомленности замѣняется слухами и леген-

дами, обывательскія «ненависти» и «обожанія» даютъ себя сильно чувствовать. Въ началѣ революціи сколько истерическихъ поклонницъ было у Керенскаго, а сколько изъ этихъ же поклонницъ, презрительно взиравшихъ въ 1917 г. на болѣе умѣренныя группы, въ 1919 г. на городскихъ выборахъ юга Россіи поддерживали крайне-правые списки кандидатовъ въ гласные, участвовали въ церковно-приходскихъ сестричествахъ, такъ недальновидно сочетавшихъ мистическо-религіозныя настроенія съ самой подлинной реакціонностью и тоскою по самодержавію!

Что касается молодежи, то не обобщая слишкомъ фактовъ, нельзя не признать, что въ ея средѣ явственно проявляется, какъ послѣдствіе переутомленія революціонной бурей, а также — той же эмоціональности и нервозности, отходъ одновременно отъ идеалистическихъ и отъ прогрессивно-политическихъ позицій. Со свойственной молодежи пылкостью, нынче въ модѣ высмѣивать въ ея средѣ идеалы «отцовъ», которые «дѣти» склонны замѣнить меркантилизмомъ и карьеризмомъ. Національное самосознаніе часто замѣняется во многихъ университетскихъ кружкахъ націонализмомъ и нетерпимостью шовинистическаго свойства. Въ кругахъ учащихся высшей школы идетъ проповѣдь аполитизма, но не въ смыслѣ одного только занятія наукой и прекращенія игры въ политику, но и въ смыслѣ выработки въ себѣ пренебрежительно-безразлично-презрительнаго отношенія къ вопросамъ «обанкротившейся» политики. Сравнительно еще недавно едва ли не общимъ правиломъ былъ высокій уровень идеализма учащейся молодежи. Студенты и курсистки почти сплошь были заражены духомъ идеализма и, притомъ, революціоннаго. Этотъ апогей идеализма и революціонности завершался часто въ университетскихъ аудиторіяхъ, внѣ которыхъ, по окончаніи высшаго учебнаго заведенія, захлестывала тина жизни и начинался, по чьему-то мѣткому выраженію, періодъ размагничиванія. «Размагниченный интеллигентъ» началъ брать взятки, собирать усиленно презрѣнный металлъ со своихъ паціентовъ и кліентовъ, пить, играть въ карты и т. д. Университетскій идеализмъ начиналъ уходить въ прошлое и покрываться дымкой. Французы, впрочемъ, утверждаютъ, что нужно быть горячимъ соціалистомъ въ юности, чтобы стать добрымъ радикаломъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. У насъ же — сперва насаждалась педо-кратія, молодежь была чуть ли не сплошь активно-революціонна, а, по окончаніи высшей школы, начинала размагничиваться, а теперь — молодежь начинаетъ отворачиваться отъ идеаловъ и лѣвой политики, контрастируя въ нѣкоторой степени въ этомъ отношеніи со старшими поколѣніями.

Нужно откровенно и опредѣленно сознаться, что всему религіозно-идеалистическому теченію въ Россіи предстоитъ преодолѣть на своемъ пути много серьезныхъ препятствій. Изъ числа ихъ нельзя не выдвинуть на первый планъ того моральнаго разврата, который внесъ въ русскую жизнь большевизмъ. Большевистское владычество, осквернивъ души русскихъ людей, понизило нравственную сопротивляемость и чистоту. Элементарной честности нанесенъ серьезный ударъ, ложь стала неизбѣжнымъ спутникомъ жизни въ Совдепіи. Ненависть къ коммунистическому начальству, страхъ передъ всесильной гидрой чрезвычайки — все это подорвало начала порядочности, правдивости, добросовѣстности. Временное и наносное — оно врядъ ли пройдетъ совершенно безслѣдно, останется, если не привычка, то трещинка въ моральномъ кодексѣ. Саботажъ, служба въ ненавистной красной арміи, изворачиваніе въ дѣлѣ полученія для семьи пайка — всѣ эти явленія разнаго порядка въ итогѣ приводятъ къ одному результату — моральному надлому, къ«примѣненію къ подлости». Обманъ вводится въ систему, на немъ строятся въ извѣстной степени взаимоотношенія. Ради спасенія жизни близкихъ завязываются связи, которыя накладываютъ свой отпечатокъ: вчера знакомый большевикъ оказываетъ обывателю услугу, спасая его изъ лапъ большевистскаго палача, а завтра, послѣ изгнанія большевиковъ, избѣжавшій разстрѣла прячетъ у себя большевика отъ поисковъ администраціи или суда. Фантастическая дороговизна жизни толкаетъ многихъ ради прокормленія семьи на всевозможныя «комбинаціи», а также на спекуляцію, взяточничество, хищенія.

Русская интеллигенція, за рѣдкими исключеніями, не запятнала себя соглашательствомъ съ большевиками. Служба въ совѣтскихъ учрежденіяхъ изъ-за куска хлѣба и изъ-подъ палки отнюдь не есть еще соглашательство. Не садясь за одинъ столъ съ «филистимлянами», русская интеллигенція въ ея цѣломъ не продала своего первородства за чечевичную похлебку. Она сохранила свое достоинство, не склонила головы въ смыслѣ продажи своихъ убѣжденій, но, подавляя проклятія, по неволѣ пошла на работу техническаго характера: сколько и при этомъ было борьбы, колебаній, сомнѣній, угрызеній совѣсти, бунтовъ души... Сколько нанесено при этомъ ранъ и вынесено душевныхъ страданій... Сколь безконечны моральныя и физическія муки, вынесенныя интеллигентами, подвергнутыми большевистскимъ «пыткамъ страхомъ», террору, не столько и не только палачей чрезвычайки, но и террору продовольственному, лишеніямъ пайка, уменьшеніямъ продовольственнаго раціона для себя и семьи. Иные интеллигенты изъ анти-большевистскаго лагеря, которые не

за страхъ, а за совѣсть пошли служить большевикамъ — сдѣлали это если не по недомыслію, то зачастую сбитые съ толку лживой информаціей большевиковъ о міровой, якобы, коммунистической революціи, о всеобщемъ и за рубежомъ подчиненіи интеллигенціи III интернаціоналу и т. д. Нашлись — хотя и въ небольшомъ количествѣ — прозелиты большевизма изъ соображеній карьеризма, корыстолюбія и честолюбія; эти уже вѣдали, что творятъ, они сознательно продавали душу свою.

Такъ или иначе, но большевизмъ въ разной степени оказалъ свое тлетворное вліяніе на нравственный укладъ населенія, въ частности — интеллигенціи. Плоды большевистскаго развращенія будутъ еще долго сказываться.

Нужно, при этомъ, различать переживанія интеллигентовъ внутри Совѣтской Россіи и внѣ ея — въ изгнаніи. Подобно тому, какъ въ самой Совдепіи многіе, толкаемые нуждой, шли на компромиссы съ совѣстью и отступали отъ общепринятыхъ моральныхъ нормъ, такъ и въ бѣженской средѣ нужда вызываетъ порою уродливыя и темныя явленія. Въ поискахъ заработка, иные бѣженцы доходятъ до поступковъ циничныхъ по своей аморальности, особенно почему-то ярко это сказывалось въ 1920—21 гг. въ Константинополѣ, гдѣ такъ процвѣтали русскіе притоны и русскіе сводники, гдѣ такъ скандальна была уголовная хроника міра бѣженцевъ. Оторванные отъ родины, лишенные живительнаго прикосновенія къ родной почвѣ и родной дѣйствительности, въ бѣженствѣ, какъ это имѣло мѣсто и въ старой, до-революціонной эмиграціи, стала развиваться — вліяніе бездѣлья — сплетня, клевета, взаимная ненависть, злоба, эгоцентризмъ, мелочная грызня, игра самолюбій, вліяніе больной печени и нервовъ. Этой затхлой и душной атмосферой деморализаціи въ значительной степени зараженъ бѣженскій русскій Парижъ, отъ проявленій жизни интеллигентныхъ круговъ котораго порою отдаетъ запахомъ тлѣнія, разложенія и распада. Иные бѣженскіе круги всю свою энергію отдаютъ на взаимное подсиживаніе, брань, крикливую и неприличную полемику. Все это тоже, въ извѣстной степени, не свидѣтельствуетъ ли о нравственномъ упадкѣ, о моральномъ развалѣ, о нѣкоторой утратѣ чутья дозволеннаго и допустимаго?

Что касается соглашательскихъ теченій, то они и въ бѣженской средѣ не сильны и мало вліятельны. Для растлѣнія душъ большевикамъ пришлось импортировать въ заграничные центры «спецовъ» по сей части, но и ихъ «работа» особаго успѣха не имѣла.

Нѣтъ нужды особливо подчеркивать все то значеніе, которое представляетъ собою для будущаго русской интеллиген-

ціи излеченіе ея отъ той гангренозной язвы, насажденной большевиками. Для той грандіозной строительной работы, которая предстоитъ интеллигенціи въ Россіи, нужны люди морально-сильные и здоровые. Придется считаться съ послѣдствіями физическаго надрыва и нервнаго истощенія, въ области нравственной необходимъ мощный очистительный порывъ. Эта задача моральнаго оздоровленія интеллигенціи, усиленіе въ ея средѣ строгости само-требованій — является одной изъ основныхъ предпосылокъ удовлетворенности въ сферѣ религіозныхъ исканій. Укрѣпленіе принципіальности, усиленіе духовнаго начала невозможны безъ предварительной работы по нравственному самоочищенію и оздоровленію. До изгнанія большевистскихъ «бѣсовъ» нечего и помышлять объ исканіи Бога живаго, о высокомъ духовномъ творчествѣ и стройкѣ принципіально-стойкаго и жизненнаго идеала.

IX

Политическое мышленіе и творчество.

До революціи политическое мышленіе было въ Россіи, поневолѣ, теоретично и книжно, а политическаго творчества въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ почти не существовало. Всесильная петербургская бюрократія, идя по разъ проторенной дорожкѣ, дѣлала въ тиши канцелярій свое дѣло, не посвящая въ него и не допуская къ нему представителей болѣе широкихъ круговъ населенія. Дѣятельность Госуд. Думы сводилась больше къ оппозиціи и критикѣ, чѣмъ къ положительному творчеству — хотъ сколько-нибудь большого размаха. Послѣдствіями этого порядка вещей и явилась зачаточность политическаго мышленія у широкихъ массъ и теоретичность интеллигентской политической мысли.

Только революція открыла возможность для широкаго развитія политическаго творчества въ Россіи. Было бы неправильно и даже тенденціозно произносить рѣшительныя и окончательныя сужденія объ уровнѣ политическаго творчества русскаго народа по тѣмъ результатамъ, къ которымъ привела пока революція. Безъ всякой предварительной подготовки, въ невиданныхъ еще міромъ обстоятельствахъ, жадно принялся русскій народъ за созиданіе новыхъ формъ политической жизни. Результаты этой дѣятельности получились сугубо-печальными, но на нихъ нельзя не смотрѣть иначе, какъ на ученичество, какъ на ремесленный стажъ. Злорадство по поводу «плодовъ» народнаго творчества — не умѣстно и, просто, не умно, ибо народъ самъ палъ жертвой

собственныхъ ошибокъ, преднамѣренности въ его поступкахъ не было никакой. Урокъ предметнаго обученія получился жестокій, но безъ послѣдствій онъ врядъ ли пройдетъ, многое неясное въ 1917 г. теперь стало азбучно-яснымъ.

Революція сняла вѣковыя цѣпи и раскрѣпостила свободное слово. Полился безконечный потокъ рѣчей, ораторское краснорѣчіе переливалось всѣми цвѣтами радуги, порою сбиваясь на простую болтливость. Началось массовое увлеченіе словомъ, сказалась чрезмѣрная вѣра въ его силу. Слово, яркое, манящее и дерзновенное слово, гипнотизировало народное сознаніе. Большевики учли это, они власть и гипнозъ словъ превратили въ великій дурманъ словъ. Демагогическіе лозунги манили призраками мира, земли и хлѣба. Щедро, цѣлыми пригоршнями бросались въ массу обольстительныя обѣщанія. Разрушительные призывы были разсчитаны на грубую и примитивную психологію. Обходя практическія трудности, минуя всю сложность жизненныхъ явленій, не считаясь съ промежуточными положеніями, прелюбодѣи слова цинично и часто сознательно сбивали съ толку довѣрчиво внимавшій имъ народъ. Душа народная скоро оказалась отравленной дурманомъ словесныхъ формулъ. Русскій человѣкъ по природѣ — довѣрчивъ и сугубо эмоціоналенъ, не приходится, поэтому, и удивляться тому, что онъ съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ обращеннымъ къ нему призывамъ. Призывы эти были разсчитаны на народную психологію, они были приноровлены къ исконымъ народнымъ вожделѣніямъ. Ядъ примѣшивался къ нимъ постепенно, осторожно и незамѣтно. Воспринимая ядовитыя испаренія малыми дозами, народное сознаніе не скоро стало оказывать противодѣйствіе. Можно ли винить темнаго мужика за то, что онъ подпалъ подъ гипнотическое и дурманящее воздѣйствіе блестящихъ словесныхъ формулъ, когда и русскій интеллигентъ, умственно и культурно неизмѣримо болѣе развитой, точно также подверженъ магическимъ чарамъ слова, формулы, системы? Видимо, власть словъ — нѣчто органически-національное и присущее русскому человѣку, почти безъ различія степени культурнаго развитія.

Въ Россіи политика, вообще, является приложеніемъ опредѣленной доктрины, причемъ обычно воплощается она въ нѣкоей политической системѣ и руководится сѣтью отвлеченныхъ положеній. Діаметрально противоположнымъ является политическое мышленіе въ Англіи, гдѣ политика является искусствомъ, воплощаясь въ политической личности и находясь подъ постояннымъ устремленіемъ къ конкретно-достижимымъ цѣлямъ, соотвѣтствующимъ конкретному положенію Англіи въ данный переживаемый моментъ. Вмѣсто гибкаго

приспособленія къ реальнымъ потребностямъ страны и столь же гибкаго подхода къ назрѣвшимъ задачамъ, русскій народъ въ своемъ политическомъ творчествѣ отдается преимущественно прямолинейному и радикальному осуществленію опредѣленной догмы. Подобная схема политическаго мышленія, нѣсколько грузная и неподвижная, можетъ быть, и соотвѣтствуетъ складу русскаго ума, но она же требуетъ нѣмецкой методичности и систематичности, такъ намъ всегда нехватающихъ. При русской хаотичности, эмоціональности и безпорядочности трудно и ожидать особенно благотворныхъ послѣдствій отъ политическаго мышленія, построеннаго на доктринѣ, догмѣ и системѣ. Надо полагать, что сама жизнь внесетъ въ укладъ рускаго политическаго творчества необходимые коррективы, сочетавъ элементы науки съ элементами искусства, амальгамируя вѣрность опредѣленнымъ принципіальнымъ положеніямъ съ умѣніемъ гибко и чутко учитывать движеніе реальныхъ силъ и конкретныхъ обстоятельствъ. Окопавшись въ завоеваніяхъ революціи, русскій народъ, быть можетъ, теперь научится сложному искусству планомѣрной и разумной эволюціи.

Русское политическое мышленіе выявило себя за время революціи не только не гибкимъ, недостачно подвижнымъ, но даже — склоннымъ къ трафаретамъ. Русскій человѣкъ вбивъ себѣ въ голову какую-либо политическую мысль, не легко и не скоро съ нею разстается. Точно также, тяжелы и сдвиги въ области политической психологіи; привычка къ опредѣленымъ настроенімъ, долго оставаясь неизмѣной, даетъ о себѣ знать на продолжительный срокъ. Консерватизмъ русской политической мысли — явленіе quasi бытовое, причемъ консерватизмъ формы не только не соотвѣтствуетъ консерватизму содержанія, но, наоборотъ, особенно силенъ консерватизмъ радикальной и революціонной мысли. Помимо негибкости сказывается и русская принципіальность, или если угодно, принципіозность, вѣрность разъ воспринятому принципу или идеѣ. Въ интеллигентской, въ частности, средѣ сказывается и приверженность къ опредѣленнымъ традиціямъ. Однако, традиціи эти — обычно группового или кружкового типа, въ лучшемъ случаѣ — обще-интеллигентскія; обще-національныхъ же традицій у насъ пока почти еще не сложилось и не существуетъ. Для Россіи — еще впереди созданіе своихъ національныхъ устоевъ, опираясь на которые легче дать волю свободному творчеству, приспособленному къ духу времени и потребностямъ момента. Особожеденіе изъ коммунистической темницы дастъ русской политической мысли возможность свободнаго взлета и разбѣга. Тогда только сможетъ начаться подлинное политическое творчество, основан-

ное на сочетаніи точныхъ знаній съ чуткимъ улавливаніемъ конкретныхъ условій времени и обстоятельствъ. Для этого, впрочемъ, понадобится еще излеченіе отъ склонности къ дилетантизму въ политикѣ, а также установленіе въ средѣ политическихъ дѣятелей строгой спеціализаціи.

Параллельно съ выявленіемъ едва ли не всеобщей склонности легко подпадать подъ власть словъ и словесныхъ формулъ, революція подчеркнула и другую черту интеллигентской психики: безудержную вѣру въ силу идеи. Въ этой послѣдней чертѣ есть даже что-то красивое, но для массоваго практическаго примѣненія въ государственной жизни абсолютно непригодное. Массы населенія Москвы или Петрограда, холодныя и равнодушныя, если и удается зажечь, то не чистой идеей, а, въ лучшемъ случаѣ, совпаденіемъ идеи съ интересомъ, а не то —голымъ интересомъ. Въ лозунгѣ «земля и воля», нечего грѣха таить, деревенскую массу больше увлекала первая часть формулы, а интеллигенція не безъ наивности долго вѣрила въ наличіе гармонически-сочетаемой склонности массъ къ обоимъ членамъ народническаго символа вѣра. Когда на городкихъ выборахъ гордо выбрасывали тотъ же лозунгъ «земля и воля», то предпріимчивые и болѣе практичные, чѣмъ лидеры, партійные агитаторы подъ шумокъ обѣщали и увеличеніе хлѣбнаго пайка, и снабженіе дровами, и подвозъ обуви, калошъ и т. д. Не взирая на это, вѣра въ силу идеи, для широкихъ массъ всегда отвлеченной и не реальной, побудила и въ періодъ острой борьбы съ большевиками выдвигать лозунги великіе, красивые и важные, но неспособные увлечь массы. Большевики щедрой рукой надѣляли землей, фабриками, домами, а ихъ противники, героически борясь съ ними, говорили о необходимости возсозданія Великой единой и недѣлимой Россіи. Въ этомъ было нѣчто рыцарски-красивое, но и наивно-непрактичное. Борьба со старымъ самодержавіемъ, наряду со своей идейной стороной, наряду со своимъ свободолюбіемъ, заключала въ себѣ и нѣчто практически-привлекательное, суля крестьянину — землю, рабочимъ и заводчикамъ — раскрѣпощеніе промышленности, либеральнымъ профессіямъ — снятіе путъ, сковывавшихъ ихъ дѣятельность (только помѣстному дворянству революція ничего не сулила и поэтому, оно съ нею такъ упорно боролось и борется). Въ борьбѣ съ комиссародержавіемъ точно также легко, наряду съ освободительной идеей, выдвинуть и нѣчто практически интересующее массу населенія — вопросъ о землѣ. Вмѣсто этого, долгое время, выдвигали охотнѣе лозунги обще-государственнаго ренессанса, чѣмъ закрѣпленія завоеваній земельной революціи. Кличъ «единая и недѣлимая Россія»

увлекалъ верхи, слабо отражаясь въ низахъ. Не кроется ли въ этомъ одно изъ разъясненій неудачи «бѣлаго» анти-большевистскаго движенія?

Но и этотъ урокъ, повидимому, не подѣйствовалъ въ достаточной степени отрезвляюще. Развѣ и послѣ событій 1918—1921 г. г. въ кругахъ интеллигентной эмиграціи не продолжались споры изъ-за словъ, теорій, идей? Чѣмъ-то византійскимъ вѣетъ ото всей этой словесности, оторванной отъ подлинной жизни и часто чуждой ей. Современные «программные» споры кажутся чѣмъ-то архаическимъ и книжнымъ, ибо не до теоретическихъ программъ странѣ, гдѣ смерть коситъ неисчислимыя жертвы, гдѣ царитъ гладъ и моръ, гдѣ удовлетвореніе нуждъ остро-трагическаго «сегодня» нужнѣе выясненія идейныхъ позицій туманнаго «завтра». Надлежало бы думать о живыхъ людяхъ, о страдающихъ братьяхъ, о гибнущихъ поколѣніяхъ, о подготовительныхъ мѣрахъ къ облегченію ихъ участи и т. д., а у насъ умудряются, вмѣсто этого, ничтоже сумняшеся, парить въ высотахъ отвлеченныхъ споровъ.

Въ этомъ уклонѣ русскаго человѣка «уноситься въ высь», нельзя не усмотрѣть отмѣченный какъ-то И. А. Бунинымъ нелюбви къ жизненной правдѣ, а также отраженнаго вліянія склонности къ утопіямъ, которая точно также характерно обрисовываетъ развитіе русской мысли. Оторванная отъ текущихъ государственныхъ проблемъ, интеллигенція отдавалась безформеннымъ мечтамъ о государствѣ будущаго. Этотъ Zukunftsstaat создавался воображеніемъ, воспитаннымъ на книгахъ Томаса Моора, Беллами, Уэльса. Наслоеніе этихъ утопическихъ фантазій часто окрашивались въ цвѣтъ мессіанизма, вѣры въ то, что именно Россія создастъ образецъ идеальнаго во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго и соціальнаго строя. Большевизмъ, въ сущности, и явился такой попыткой насажденія штыкомъ и пулеметомъ безумной утопіи. Ленинъ явился «теоретикомъ» утопической рабоче-крестьянской государственности и утопической «диктатуры пролетаріата», по его рецептамъ ихъ стали проводить въ жизнь. Въ этомъ сказалось изрядное отсутствіе критическаго чутья и чувства реальности, ибо сразу не могло не быть яснымъ все экономическое и соціологическое банкротство большевистской утопіи. Изъ нея правда, постепенно стали исчезать элементы вѣрности утопической программѣ и все свелось къ цѣпляпію за власть, но первоначально дурманъ большевизма опирался въ немалой степени именно на утопичность русскаго политическаго мышленія и недостаточную реалистичность русскаго политическаго творчества. Какъ будто бы произведенный большевиками скачекъ въ кровавую пропасть—отрезвилъ даже вче-

рашнихъ утопистовъ, которые начинаютъ предпочитать эволюціонное измѣненіе формъ жизни утопическому насажденію немедленно царства Божьяго на землѣ. Дорого пришлось Россіи заплатить за опытъ безумной утопической революціонности, немудрено, что на смѣну ей идетъ болѣе размѣренная и реалистическая вѣра въ эволюцію и постепенный прогрессъ.

Эволюція взглядовъ въ области политики и тактики — явленіе естественное, политика — не математика, въ ней все — текуче, измѣнчиво, колеблемо. Гибкость тактики и должна заключаться въ чуткомъ учетѣ измѣненій въ области политическихъ явленій, фактовъ и отношеній, тактика не можетъ быть незыблемой и неподвижной, она должна измѣняться сообразно политическимъ заданіямъ момента. Въ области программной точно также не можетъ быть мѣста закаменѣлости, измѣненіе политическихъ обстоятельствъ легко можетъ потребовать измѣненія или развитія и иныхъ программныхъ пунктовъ. К.-д. партію часто и съ разныхъ сторонъ обвиняютъ за измѣненіе ею редакціи § 13 программы, трактующаго вопросъ о формѣ правленія, но вдумчивые русскіе конституціоналисты обычно не дѣлаютъ фетиша изъ формы государственнаго устройства, придерживаясь точки зрѣнія относительности въ вопросѣ о формѣ правленія, они считаютъ что вопросъ о конституціонной монархіи или республикѣ — отнюдь не пунктъ разногласія религіозно-догматическаго свойства, а лишь — вопросъ цѣлесообразности. Нельзя упускать изъ виду того, что для многихъ русскихъ политическихъ дѣятелей отрицательное отношеніе къ возстановленію монархіи обуславливается не столько критическимъ взглядомъ на монархическій образъ правленія, сколько трезвой оцѣнкой личнаго состава русскихъ монархическихъ группъ и партій.

Острѣе ставится вопросъ о дѣйствительно коренной и рѣзкой ломкѣ взглядовъ: можетъ ли и долженъ ли политическій дѣятель, пережившій рѣзкую ломку своего политическаго міросозерцанія, продолжать активно выступать и выявлять свои взгляды. Одно, — когда мѣняетъ взгляды политиканствующая учащаяся молодежь, у которой еще взгляды не устоялись и не могли еще сложиться; другое—когда зрѣлый политическій дѣятель начинаетъ проповѣдывать нѣчто діаметрально противоположное проповѣдывавшемуся вчера. Громадность событій можетъ, повторяемъ, вызвать и коренную ломку убѣжденій, но, не слѣдуетъ ли, хотя бы временно, пережившимъ такую ломку нѣсколько отойти въ сторону, не вмѣшиваться активно и открыто въ политическую борьбу? Иначе вѣдь, получается полный соблазновъ политическій маскарадъ, могущій показаться толпѣ комедіей престижитаторства. Въ числѣ членовъ І-ой Госуд. Думы былъ нынѣ покой-

ный профессоръ исторіи Е. Н. Щепкинъ (родной братъ Н. Н. Щепкина), состоявшій членомъ к.-д. фракціи. До 1904 г. Е. Н. Щепкинъ былъ умѣренно-правымъ, затѣмъ сталъ к.-д. Вернувшись въ пославшую его въ Думу Одессу, Е. Н. Щепкинъ изъ соображеній мелочно-провинціальнаго свойства сталъ въ оппозицію къ к.-д., сталъ печатно полемизировать въ самой рѣзкой формѣ со своими вчерашними единомышленниками, всячески тормозя и мѣшая успѣху кандидатовъ на выборахъ въ Госуд. Думу, выдвигавшихся мѣстной группой к.-д.. Въ началѣ революціи Е. Н. Щепкинъ сталъ правымъ с-р., сталъ отстаивать соціализацію земли, отрицавшуюся имъ въ періодъ кадетства, затѣмъ онъ сталъ лѣвымъ эсэромъ, из числа которых перешелъ къ коммунистамъ, будучи даже одно время въ Одессѣ комиссаромъ народнаго просвѣщенія. Немолодой уже профессоръ Е. Н. Щепкинъ въ періодъ своего большевиствованія наряжался въ солдатскую форму, носилъ винтовку, щеголялъ съ красными галстуками, якшался на военныхъ корабляхъ съ матросской вольницей, изрыгалъ проклятія по адресу буржуазіи. Вся эта демагогія и хамелеонство объяснялось, можетъ быть, въ большой степени явленіями патологическаго свойства, но внѣ даннаго конкретнаго случая, — обрисованнаго именно благодаря его яркой колоритности, — бывали вѣдь казусы эволюціонированія хамелеонскаго типа внѣ вліянія какихъ бы то ни было явленій патологическаго характера. Это и заставляетъ желать сдержанности въ публичныхъ выявленіяхъ перемѣны своихъ воззрѣній. Ничто не можетъ помѣшать довѣрить рѣзкій переломъ своихъ политическихъ симпатій избирательной урнѣ при наличіи тайнаго голосованія, но уваженіе къ вѣскости и убѣжденности высказываемыхъ сужденій должно было бы, казалось, удерживать профанированіе той же трибуны ораторомъ или писателемъ, поющимъ совершенно новыя пѣсни. Чѣмъ болѣе данный кризисъ міровоззрѣнія глубокъ и искрененъ, тѣмъ болѣе онъ обязываетъ къ сдержанности и нѣкоторому стушеванію, хотя бы и на короткій срокъ. Замѣчаніе это относится и къ перемѣнамъ во взглядахъ на отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей, оцѣнкамъ ихъ удѣльнаго вѣса и значенія. (Этого рода перемѣны неизбѣжны при поворотахъ тактики.) Когда П. Н. Милюковъ, послѣ крушенія крымскаго фронта, сталъ формулировать основы своей «новой тактики», это дѣлалось съ искренностью, прямотой и политической честностью. Талантливѣйшій изъ современныхъ русскихъ историковъ сталъ открыто анализировать ошибки поддерживавшейся имъ же до того тактики, не стѣсняясь признаваться въ ея ошибочности. Противъ подобнаго рода эволюціи тактическихъ настроеній, не взирая на размѣръ угла отклоненія ихъ

отъ недавно только проповѣдуемаго, ничего возразить нельзя, но они также требуютъ сдержанности формулировки и отношеній ко вчерашнимъ единомышленникамъ. Новая тактика привела П. Н. Милюкова къ единомыслію въ тактическихъ вопросахъ съ И. И. Фундаминскимъ и В. В. Рудневымъ и къ разномыслію съ А. В. Кривошеинымъ, В. В. Шульгинымъ, Н. В. Савичемъ и В. І. Гурко. Между тѣмъ, еще сравнительно недавно, въ эпоху ясскаго совѣщанія 1918 г., тотъ же П. Н. Милюковъ рѣзко расходился съ тѣми же гг. Фундаминскимъ и Рудневымъ, идя болѣе или менѣе въ ногу съ тѣми же гг. Кривошеинымъ, Шульгинымъ, Гурко и Савичемъ. Такъ къ чему же выносить теперь наружу случившуюся перемѣну въ отношеніяхъ, допуская рѣзкую персональную полемику?

Первоначальный размахъ русской революціи былъ громадный, цѣли ставились широчайшія, часто выходя даже изъ національныхъ границъ, принимая міровой, вселенскій, универсальный характеръ. Въ пору весенняго опьяненія свободой и революціоннымъ духомъ многимъ казалось, что русской революціи подъ статъ разрѣшеніе политическихъ, соціальныхъ и моральныхъ проблемъ, выходящихъ за рамки россійской дѣйствительности и могущихъ, во всякомъ случаѣ, оказать вліяніе и на другія страны. Большевики, съ ихъ склонностью все утрировать и доводить до предѣла, впослѣдствіи дѣлали прямыя попытки «зажечь пожаръ міровой революціи». Послѣ всего пережитаго, послѣ всѣхъ разочарованій, произошло крушеніе иллюзій и въ этой области цѣли ставятся теперь гораздо болѣе скромныя. Теперь считается не зазорнымъ пить, — пусть изъ малаго, но изъ своего бокала, заботиться, — пусть и о не большихъ, но реальныхъ и осуществимыхъ интересахъ національнаго масштаба и захвата.

Русскій человѣкъ въ области политики долго искалъ, — словно это сфера религіозная, — абсолюта, полноты воплощенія своего идеала, возвышенной правды и справедливости. Половинчатость, неполнота — никого не удовлетворяла, всѣ требовали абсолютной справедливости, полновѣснаго осуществленія идеальныхъ устремленій, мало кто освоилъ медлительность процесса эволюціи, немногіе заранѣе учитывали неизбѣжныя отклоненія отъ идеала, вызываемыя практическими трудностями. Преобладало долгое время стремленіе къ немедленному, въ революціонномъ порядкѣ насаждаемому «небу въ алмазахъ». Установился трафаретно-фаталистическій тезисъ, что достаточно низвергнуть старый строй — и все пойдетъ гладко, словно по маслу. На активную оппозицію съ обоихъ крайнихъ фланговъ мало обращали вниманіе, о неизбѣжности постепеннаго перевоспитанія массы недостаточно думали. Государство, соціально-экономическія отношенія,

международное общеніе — мыслились въ исключительно розовыхъ и идеалистическихъ тонахъ. Какъ и въ ложноклассической трагедіи, въ русскомъ политическомъ мышленіи не хватало многообразія красокъ, оттѣнковъ, переходовъ и полу-тоновъ: преобладали двѣ краски — черная и бѣлая, темная и свѣтлая. Только въ самое послѣднее время началось нѣкоторое отрезвленіе въ этомъ отношеніи. Въ аппаратѣ государственной власти перестаютъ уже искать абсолюнаго воплощенія идеальнаго устройства, понимая всю трагическую неизбѣжность полиціи, сыскного аппарата, тюремъ, карательной системы и т. д. Въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ начинаютъ примиряться и съ отрицательными сторонами капитализма, научившись на большевистскомъ «опытѣ» цѣнить и положительныя стороны капиталистческаго строя. Въ международной политикѣ стали усваивать текучесть отношеній, невозможность вѣчно базироваться на дружбѣ съ однимъ опредѣленнымъ государствомъ или группой державъ, недостижимость сразу достичь вѣчнаго мира, полнаго разоруженія и мірового братства.

У русскихъ политиковъ — и въ этомъ заключается замѣтный шагъ впередъ — нѣтъ уже прежней вѣры въ легкость и быстроту достиженія столь высокой цѣли. Абсолютъ продолжаетъ освѣщать путь, но практическая программа-минимумъ уже сообразуется съ житейскими препятствіями, тормозами и препонами. Политическая мысль окрашивается въ реалистическіе цвѣта, она не отлетаетъ отъ грѣшной земли, витая только въ облакахъ и въ поднебесіи. Жизнь научила мириться съ уклоненіями и отступленіями отъ поставленной идеальной цѣли, считаясь съ реальными обстоятельствами и существующими возможностями. Подходъ къ явленіямъ общественно-политической жизни становится инымъ, «не до жиру — быть бы живу» — дѣлается правиломъ поведенія. Не приходится опасаться, что это приведетъ къ крайностямъ оппортунизма, практицизма и компромисса. Еще достаточно остается въ русскомъ сознаніи идеализма, чтобы не допустить внесенія духа опошленія во всѣ сферы государственной жизни; компромиссъ, если нынѣ и пріемлется, то въ формѣ разумной и не чрезмѣрной, не преходящей извѣстныхъ границъ.

«Бѣлое» движеніе не всегда и не во всемъ было проникнуто только цѣлокупнымъ духомъ идеализма. Существовала и «бѣлая» чрезвычайка, а произволъ и насиліе, жестокость и кровожадность, стяжательность и спекуляція не были, увы, характерными чертами однихъ только «красныхъ», но, все же, въ своей іезуитской безпринципности, въ своей безудержной циничности, въ своемъ нагломъ провозглашеніи оправ-

данія цѣли средствами — большевики остались не превзойденными. Когда Троцкому нужно пустить воинскій поѣздъ, перевозящій эшелонъ или снаряженіе, онъ — не стѣсняется добыть нужное количество топлива путемъ захвата дверей, оконъ и мебели въ прилегающихъ къ желѣзно-дорожному полотну жилыхъ домахъ, убивая сопротивляющихся обитателей ихъ. Такъ далеко «бѣлые» никогда не шли, они знали хоть нѣкоторыя правовыя и экономическія сдержки. Большевикамъ — все ни по чемъ, они для достиженія своей цѣли принципіально ни передъ чѣмъ не останавливаются. Убить, сжечь, разграбить, обмануть, — все считается ими допустимымъ ради сохраненія власти. Какъ бы «бѣлые» порою не поддавались на отпарированіе аналогичными «средствами», они никогда въ этомъ не превзошли своихъ «учителей». И, какъ бы то ни было, нельзя этого не поставить въ активъ «бѣлымъ», упрекать ихъ за это не приходится, ибо нельзя строить нормальной государственности даже на временномъ отрицаніи всѣхъ ея основъ и моральныхъ началъ, на одномъ только разрушеніи, злобѣ и мстительности. Компромиссъ — неизбѣженъ, въ особенности — въ многосложную годину разбушевавшейся стихіи, но не можетъ и не быть границы для отступленій отъ признаваемаго принципіально желательнымъ. Если и не приходилось «миндальничать», когда кругомъ свирѣпствуютъ палачи чрезвычаекъ, но глупо и преступно было третировать все населеніе, какъ «бандитовъ», съ которыми, де, нечего «миндальничать». Конечно, въ эпоху полнаго упадка чувства законности и сознанія необходимости подчиняться власти — нельзя не сохранять самымъ строгимъ образомъ порядка и общественной свободы, но нелѣпы и абсурдны проявленія скороспѣлой юстиціи, система безсудныхъ казней, установленіе круговой поруки въ отвѣтственности цѣлой деревни за преступленіе односельчанина, цѣлой профессіональной организаціи — за проступокъ одного изъ ея сочленовъ. Война естественно, не является школой гуманизма, а война гражданская сугубо выявляетъ жестокость. Но, все же, и въ проявленіяхъ жестокости не можетъ не быть предѣла, границы, нормы. Раньше всего недопустима жестокость ненужная, такая, безъ которой легко можно обойтись, которая прямо не диктуется обстоятельствами дѣла. Жестокая мстительность, огульныя обвиненія, массовыя возмездія, наказанія «пачками», профессіональное или національное обобщеніе неминуемо усиливаютъ анархію, создавая кадры жаждущихъ отомщенія родныхъ безсудно казненныхъ, становящихся непримиримыми и фанатичными врагами власти, прибѣгающей къ подобнаго рода пріемамъ. Достаточно зла пріемы эти уже причинили Россіи за время пере-

живаемаго лихолѣтія, нужно приложить всѣ усилія къ тому, чтобы никоимъ образомъ не допустить повторенія ихъ и послѣ окончательнаго сверженія большевизма, борясь самыми крайними и строгими способами противъ всѣхъ не въ мѣру темпераментныхъ, мстительныхъ и склонныхъ къ самосудамъ и жестокимъ насиліямъ.

Однимъ изъ проявленій и послѣдствій склонности российской къ максимализму духа и идеи, а также къ монолитности своей политической системы, является невозможность для русскихъ политическихъ дѣятелей заключить между собою хотя бы временное соглашеніе. Единство дѣйствій, координація усилій, установленіе сообща опредѣленнаго плана ближайшей практической работы, все это тормозится склонностью къ преждевременному заглядыванію въ болѣе отдаленное будущее, нежеланіемъ позабыть програму-максимумъ, неумѣніемъ уступить въ мелочахъ ради соглашенія въ существенномъ. Въ русскихъ политическихъ кругахъ предпочитаютъ начать взаимную борьбу, порою превращающуюся въ взаимную грызню, чѣмъ пойти на взаимныя уступки и компромиссы. Къ компромиссу, даже тактическаго и, слѣдовательно, временнаго характера, у насъ принято относиться не безъ брезгливости. За всѣ годы борьбы съ большевиками не удалось создать единаго и общаго антибольшевистскаго фронта хоть сколько нибудь широкаго размаха. Все время въ антибольшевистскомъ лагерѣ отдѣльныя партіи и группы ведутъ борьбу между собою, не соглашаясь ничѣмъ поступиться. Въ послѣднее время сталъ даже замѣчаться процессъ нѣкотораго разложенія даже внутри опредѣленныхъ политическихъ группировокъ, дотолѣ славившихся своей спаянностью и дисциплиной. Съ исчезновеніемъ со сцены единой Россіи стали исчезать и единыя по духу организаціи обще-россійскаго характера, на каковой фактъ, впрочемъ, не малое вліяніе оказываетъ раздробленіе интеллигентныхъ силъ между Россіей и эмиграціей, съ ихъ разными психологіями и освѣдомленностью. Люди, вчера понимавшіе другъ-друга съ полу-слова, сегодня чувствуютъ себя чужими, не понимая настроенія «съ того берега».

Если у насъ и создавались междупартійныя объединенія, то не было момента, когда существовало бы только одно между-партійное объединеніе, всегда ихъ было 2-3, причемъ и они умудрялись вести между собою борьбу и конкуренцію. Вспомнимъ длительные, въ теченіе ряда мѣсяцевъ, переговоры, имѣвшіе мѣсто въ Одессѣ въ 1918 г. между такъ называемыми 4 бюро — представителями союза возрожденія Россіи, національнаго центра, совѣта государственнаго объединенія и совѣта южно-русскихъ земско-городскихъ съѣздовъ.

Такъ представители этихъ «объединеній» и не договорились до объединенія между собою, ибо ни у кого не было желанія уступить другому, все, въ лучшемъ случаѣ сводилось къ внѣшне-механическимъ компромиссамъ при отсутствіи внутренняго желанія понять мотивы сосѣда и найти способъ органическаго сліянія мнѣній. Уходъ многихъ партійныхъ дѣятелей въ междупартійныя «объединенія» имѣлъ даже послѣдствіемъ нѣкоторое ослабленіе дисциплины и активности въ иныхъ партійныхъ организаціяхъ. Въ итогѣ получилось не достиженіе сплоченія и единства, а демонстрированіе разброда и безсилія. Въ Россіи зачатки священнаго единенія показались только въ началѣ войны, затѣмъ же — почти все время имѣло мѣсто священное разъединеніе. Даже оставляя въ сторонѣ оба крайнихъ крыла и отмѣтая, какъ крайнихъ лѣвыхъ, такъ и крайнихъ правыхъ, русскимъ политическимъ дѣятелямъ не удается достигнуть между собою соглашенія. Въ русскихъ условіяхъ является утопіей созданіе дѣйствительно единаго національнаго фронта, ибо слишкомъ на разныхъ языкахъ говорятъ и обладаютъ слишкомъ разной психикой иные правые и иные лѣвые. Взывать къ единенію въ столь широкихъ предѣлахъ — означаетъ быть внѣ реальности, ибо, какъ это ни печально, но подобное объединеніе при создавшихся условіяхъ неосуществимо. Но приходится съ грустью констатировать и фактъ неумѣнія создать истинную и дѣйственную коалицію и въ болѣе узкихъ предѣлахъ. Случилось, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, такъ, что коалиція между буржуазно-демократическими и умѣренно-соціалистическими группами принимали только характеръ внѣшняго единенія, безъ подлиннаго внутренняго желанія договаривающихся сторонъ идти другъ другу на уступки, — или же соглашеніе заключалось фактически между партійными вождями, за которыми, съ обѣихъ сторонъ, ихъ единомышленники въ данномъ случаѣ не слѣдовали или же оказывали имъ только внѣшне формальную поддержку. Таковымъ, въ значительной степени является, напримѣръ, отношеніе къ парижскому частному совѣщанію членовъ Учр. Собранія и его исполнительной комиссіи — со стороны политическихъ группъ, главари которыхъ возглавляютъ это учрежденіе. Вообще же, совѣщаніе членовъ Учр. Собранія врядъ ли призвано сыграть особую роль въ ходѣ событій, хотя въ основѣ его лежитъ правильная мысль о необходимости объединенія въ чисто демократическомъ и абсолютно чуждомъ реставраціонности стилѣ. Другія, парижскія же, попытки объединенія вызываютъ опасенія благодаря подбору и группировкѣ очень ужъ часто тоскующихъ по старинкѣ элементовъ. Повидимому, за-границей не удается создать дѣйственнаго

объединенія, реализацію котораго на чисто дѣловой почвѣ придется отложить до освобожденія Россіи, гдѣ радость соприкосновенія съ родной землей, можетъ быть, заглушитъ стремленія къ мелочному разъединенію.

Въ анти-большевистскомъ лагерѣ, скоро послѣ начала активной борьбы съ большевиками, стало вырисовываться теченіе, не выдвигавшее своей положительной программы, но характеризовавшее само себя отрицательными признаками: враждебнымъ отношеніямъ одновременно къ большевикамъ и къ ихъ противникамъ, ведущимъ вооруженную съ ними борьбу. Постепенно выбрасываются формулы: «Ни Ленинъ, ни Колчакъ», «ни Ленинъ, ни Деникинъ», «ни Ленинъ, ни Врангель». Къ сожалѣнію, очень немногіе сторонники «нинизма» удерживались на почвѣ фактическаго нейтралитета къ Колчаку, Деникину и Врангелю, многіе «нинисты» опредѣленно проявляли свое враждебное къ нимъ отношеніе и, тѣмъ самымъ, лили воду на мельницу Ленина. Въ Сибири, на Кубани и въ друг. мѣстахъ иные с.-р. анти-большевистскаго толка сознательно или безсознательно, вольно или невольно, но работали ad majorem gloriam Ленина, содѣйствуя разрушенію военной мощи колчаковской или деникинской арміи. Послѣ крушенія фронта ген. Врангеля къ формулѣ «ни Ленинъ, ни Врангель» стали примыкать и нѣкоторые ярые противники въ недавнемъ прошломъ основъ «нинизма». Правда, при наличіи крымскаго фронта, эта группа дѣятелей не выявляла своего оппозиціоннаго отношенія къ политикѣ и личности ген. Врангеля, перейдя въ открытую оппозицію лишь послѣ крушенія крымскаго фронта, когда не можетъ даже подниматься вопросъ о косвенной помощи большевикамъ. Съ исчезновеніемъ послѣдняго клочка государственной территоріи, не подвластной большевистской власти, исчезла свыше трехъ лѣтъ существовавшая опасность косвеннаго содѣйствія своему же врагу. Соціалистическія группы до конца остались вѣрны себѣ и до конца подкапывались подъ «генераловъ». Группа парижскихъ к.-д., хотя бы сумѣла не выдвигать во внѣ своего отношенія къ ген. Врангелю, считая даже возможнымъ оказывать посильное содѣйствіе крымскому правительству, противъ главы котораго начата была кампанія лишь тогда, когда армія ген. Врангеля оказалась на Лемносѣ и въ Галлиполи.

Во всемъ этомъ ясно сказалось, между прочимъ, и отсутствіе чувства мѣры, столь присущее русскому человѣку. Все у насъ сводится къ крайностямъ, отъ радости къ отчаянію у насъ почти всегда одинъ только шагъ, отъ энтузіазма до маразма — дистанція отнюдь не громаднаго размѣра. Безмѣр-

ная полярность настроеній сказывалась при частыхъ на Югѣ смѣнахъ власти: при большевикахъ кляли большевиковъ и ждали добровольцевъ, скоро послѣ прихода добровольцевъ начинали ругать послѣднихъ и наивно вѣрить въ «эволюцію» большевиковъ. Въ этихъ шатаніяхъ выдержка и устойчивость, что называется, и не ночевали. Обобщеніе отдѣльныхъ фактовъ, постоянное прислушиваніе къ слухамъ и сплетнямъ, вѣра въ возможность чудесно-быстрыхъ перемѣнъ — давали о себѣ постоянно знать.

Естественная и понятная отмѣна всѣхъ основныхъ большевистскихъ декретовъ при очередныхъ изгнаніяхъ изъ южныхъ губерній большевиковъ сопровождалась аннулированіемъ и того безконечно-малаго, что сдѣлали положительнаго большевики. Новый стиль, введенный еще Вр. Правительствомъ, былъ сохраненъ и совѣтской властью, этого оказывалось достаточнымъ чтобы добровольцы сейчасъ же по своемъ приходѣ вводили стиль старый. Населеніе успѣвало уже привыкнуть къ новому стилю, возвращеніе къ старому влекло за собой рядъ неудобствъ практическаго характера, но все это не останавливало рвенія «реставраторовъ», формально ссылавшихся на отсутствіе рѣшенія церкви по вопросу о перемѣнѣ стиля. Не соблюдалось на Югѣ чувство мѣры и при разслѣдованіяхъ «аттестаціонной кампаніей» обстоятельствъ службы опредѣленныхъ лицъ въ красной арміи или же гражданскихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ въ моменты занятія данной губерніи большевиками. Отъ новой, антибольшевистской власти зря отталкивались элементы, которые могли бы быть ей полезными, въ среду ихъ вносилось ненужное озлобленіе, ибо не принималось упорно во вниманіе то обстоятельство, что весьма многіе служатъ въ большевистскихъ учрежденіяхъ по неволѣ, за страхъ, а не за совѣсть.

Русскій человѣкъ привыкъ болѣе къ прямолинейнымъ выявленіямъ своихъ взглядовъ, не научившись еще болѣе эластичной и ловкой борьбѣ за интересы своей страны. Иностранцевъ поражаетъ « не дипломатическій», никогда не вуалируемый тонъ русской публицистики и иныхъ политическихъ дѣятелей. Въ области международной борьбы за Россію эта «дубоватость» и недостаточное умѣніе тактически обставлять свои выступленія приносила и еще будетъ приносить не мало вреда. Стойкій въ догмѣ соихъ пожеланій, россійскій политикъ не только бываетъ недостаточно гибокъ въ тактическихъ ходахъ, требуемыхъ для защиты или осуществленія его программы по данному вопросу, но зачастую не проявляетъ и должнаго такта, чутья, зоркости. Яркимъ примѣромъ подобной «дубоватой» и чрезмѣрно прямолинейной политики является трагическій эпизодъ съ разселеніемъ эва-

куированной изъ Крыма арміи. Желаніе сохранить эту армію, по-крайней мѣрѣ—ея основные кадры—вполнѣ понятно и законно. Организованные кадры національно-настроенной арміи еще могутъ сослужить не малую службу въ борьбѣ съ большевиками, да и чувство безпредѣльной благодарности защитникамъ русской чести диктовало необходимость всяческой имъ помощи и содѣйствія. Однако, международная политическая обстановка требовала извѣстной вуалировки этихъ цѣлей. Не говоря уже о флиртѣ Англіи съ большевиками, финансовое положеніе Франціи не допускало сосредоточенія всей эвакуированной арміи въ одномъ пунктѣ съ содержаніемъ ея только на французскій счетъ, помощь гуманитарныхъ учрежденій Соед. Штатовъ была легче достижима при оффиціальномъ роспускѣ арміи и превращенія ея участниковъ въ обычныхъ бѣженцевъ. Трезвый учетъ всѣхъ этихъ факторовъ ясно диктовали одно: примиреніе со внѣшнимъ расформированіемъ арміи, но забота о такомъ ея разселеніи, при которомъ не произошло бы распыленіе и разсѣяніе отдѣльныхъ частей. Вмѣсто же этого — шумливо пошли — ген. Врангель и его совѣтчики изъ русскаго совѣта — на проломъ, оттолкнувъ тѣмъ самымъ отъ себя многихъ друзей, обостривъ отношеніе съ французскимъ правительствомъ и, наконецъ, ухудшивъ матеріальное и моральное положеніе самихъ чиновъ арміи. Съ другой стороны, нѣкоторые политическіе дѣятели, преслѣдуя цѣль безболѣзненнаго разселенія арміи, увлекались своей борьбой съ ген. Врангелемъ и въ пылу этой борьбы стали, если не наносить удары и по арміи, то не всегда оказывать ей то моральное сочувствіе, которое она заслуживала.

Все это — послѣдствія недостаточно эластичной и не гибкой политики. Да и гдѣ было выработаться дающейся только практикой тонкости политическаго дѣйства? Ни канцелярія, ни кабинетъ ученаго теоретика, ни подполье не являлись подходящей для того школой. Русская жизнь выработала скорѣе типъ ловкихъ конспираторовъ, чѣмъ опытныхъ политиковъ. Но пріемы конспираціи оказались явно не пригодными для широкой политической работы.

Выйдя на большую дорогу, ставъ на путь подлинной демократіи, русская политическая мысль только постепенно начинаетъ пріобрѣтать новые навыки. Большевизмъ оборвалъ, заглушилъ и исказилъ широкую политическую работу при свѣтѣ дня, снова загнавъ все живое и творческое въ оппозицію, въ подполье и, даже, въ конспирацію. Но психологически старые политическіе методы уже — позади, ихъ полное возвращеніе немыслимо, рецидива политическаго бюрократизма, политическаго докринализма и политическаго конспиратизма

особенно опасаться уже не приходится. Жизненность смѣняетъ схоластичность, какъ кружковая тайна замѣняется гласностью и публичностью. Вступивъ на путь, общій съ западными демократіями, русская демократія неминуемо прійдетъ и къ болѣе утонченнымъ пріемамъ политическаго мышленія.

На пути этомъ русскимъ политикамъ предстоитъ еще научиться одному свойству политической борьбы, до сихъ поръ имъ обычно не хватавшему: хладнокровію. Русскихъ политическихъ дѣятелей не безъ основанія обвиняютъ въ недостаточной темпераментности, особенно, по сравненію съ большевиками. Но словесная форма очень многихъ русскихъ политическихъ выступленій отличается даже излишней страстностью тона и темпераментностью. Англійскій премьеръ Ллойдъ Джорджъ подписалъ торговое соглашеніе съ Красинымъ, а подпись польскаго премьеръ-министра Витоса красуется подъ клочкомъ бумаги, именуемымъ рижскимъ миромъ, — и гремятъ перуны газетные, раздается грозное «Англія — нашъ врагъ», никогда Россія не проститъ Англіи политики Ллойдъ Джорджа, никогда не забудется политика Польши въ отношеніи Россіи въ 1920-1921 гг. «Польша—врагъ Россіи» и т. п. Единственнымъ оправданіемъ этого отсутствія хладнокровія и сдержанности является едва ли не всеобщая повышенная нервность, дающая, въ результатѣ, неврастеническую темпераментность формы при неврастеническомъ же безсиліи многихъ выступленій политическаго характера. Эфектъ отъ этого рода шумливой «темпераментности» зачастую получается діаметрально противоположный ожидавшемуся, особенно въ случаяхъ, когда политическое обращеніе дѣлается не только къ русскому, но и западно-европейскому общественному мнѣнію.

За время революціи многократно проявлялась чрезмѣрная уступчивость власти и общественнаго мнѣнія къ группамъ, взявшимъ на себя монополію представительства отъ имени «революціонной демократіи». Предполагалось уступками предотвратить захватъ власти болѣе крайними элементами, но, на дѣлѣ, постепенно сдали большевикамъ всѣ позиціи, ничего не предотвративъ. Вмѣсто мудраго сочетанія твердости власти съ широкимъ и дѣйственнымъ соціальнымъ реформизмомъ, большинство же нашихъ политиковъ пошло по пути безпрерывныхъ уступокъ, заигрываній, безцѣльныхъ и неврастеническихъ забѣганій впередъ. Этого рода уступчивость какъ-то сочетается у русскихъ политическихъ дѣятелей съ упрямымъ фанатизмомъ въ вопросахъ скорѣе теоретическаго свойства. Труднѣе убѣдить русскаго интеллигента въ необходимости проявить твердость въ важномъ вопросѣ

практическаго свойства, чѣмъ заставить его сойдти съ занятой позиціи въ спорѣ теоретическаго свойства. Такъ, не сумѣли проявить твердую власть и предотвратить разложеніе арміи, ибо считалось теоретически неоспоримымъ право солдата пользоваться всей полнотой гражданскихъ правъ, выявляя свободное, ничѣмъ не стѣсняемое волеизъявленіе...

Среди русскихъ политиковъ можно различить двѣ неравныя категоріи: одни предаются политическому импрессіонизму, другіе танцуютъ отъ печки теоретическихъ положеній. Промежуточная ступень — явленіе рѣдкое и очень мало встрѣчающееся. Часть русскихъ политиковъ полагается исключительно на свое «нутро» и чутье, отдаваясь импровизаціи политическихъ цѣнностей, другая часть — рабски слѣдуетъ велѣніямъ доктрины, исторической и иной науки. Крайности эти, естественно, благихъ результатовъ дать и не могли, ибо только гибкое сочетаніе элементовъ политическаго искусства съ данными политической науки и можетъ привести къ положительнымъ результатамъ. Перегибаніями палки являются всегда параллели съ историческими событіями у другихъ народовъ, а также желаніе воспроизвести вновь что-либо изъ прошлаго, хотя бы и своей же страны. Громадной ошибкой — ею особенно у насъ отличались соціалъ-демократы — было игнорированіе національной исторіи и желаніе рабски копировать чужеземные образцы. Политика всегда національна, но, при нынѣшнемъ темпѣ международнаго общенія, защита національныхъ интересовъ немыслима безъ точнаго знанія всѣхъ деталей международной обстановки. Политикъ долженъ быть въ курсѣ не только событій міровой жизни, но и развитія научно-политической мысли. Исторія, государственное право, экономика, соціологія должны быть родной стихіей для практическаго политика. Въ Россіи до сихъ поръ къ политической дѣятельности не готовились, высшая школа нужныхъ для того познаній не давала, спеціальныхъ учебныхъ заведеній не было и въ зачаткѣ. Оно и понятно, почему: политикой занимались сперва профессіональные чиновники, а затѣмъ — профессіональные революціонеры. Нельзя сказать, чтобы тѣ и другіе всегда достигали хорошихъ результатовъ. Не пора ли подумать о формированіи кадровъ хорошо теоретически подготовленныхъ и жизненно гибкихъ русскихъ политиковъ? Русская жизнь до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не имѣла вольной школы политическхъ наукъ, по примѣру хотя бы парижской Ecole libre des sciences politiques.

Русская политическая мысль и практическое политическое творчество медленно, постепенно, пластами начинаетъ освобождаться отъ многаго, характеризовавшаго ихъ въ не-

давнемъ еще прошломъ. Изжиты многіе предразсудки, переоцѣнены многія цѣнности, пересмотрѣны многіе взгляды, принципы и традиціи. Результатомъ этого является медленное и постепенное созиданіе новаго уклада политическаго мышленія и міровоззрѣнія. Это н о в о е, основанное на жизненномъ опытѣ и глубокихъ переживаніяхъ, шагъ за шагомъ завоевываетъ себѣ признаніе и распространеніе. Жизнь властно требуетъ всеобщаго внѣдренія основъ подлиннаго народовластія — не учительства, а учета воли народной, искусно направляемой по пути истиннаго демократизма. Недавно интеллигенція навязывала народу и приписывала ему опредѣленныя, свои воззрѣнія; теперь — прислушиваясь къ голосу жизни, канализируетъ ихъ проявленія, направляютъ ихъ любовно въ опредѣленное русло. При этомъ, исчезаетъ піететъ передъ революціей и революціонной стихіей, какъ таковой. Русскій интеллигентъ со школьной скамьи привыкъ говорить о революціи не иначе, какъ вознося очи горѣ. Ходячія исторіи революцій идеализировали прежнія революціонныя движенія, рисовали ихъ только свѣтлыя стороны. И пришествіе революціи было принято ожидать съ радостнымъ нетерпѣніемъ, какъ то не задумываясь даже о томъ темномъ, что несетъ съ собою революціонный смерчъ. Очень немногіе отвѣтственные политики глядѣли на революцію какъ на ultima ratio rerum, стараясь избѣжать ея, добиться мирнымъ путемъ эволюціи формъ соціальной и политической жизни. И въ 1917 г. и до 1917 г. обычнымъ явленіемъ было вызываніе духа революціи, игра съ революціоннымъ огнемъ. Теперь всѣ въ Россіи в о о ч і ю убѣдились что въ революціи, наряду со свѣтлыми, имѣются и мрачно-темныя стороны. Революціонная романтика начинаетъ казаться насмѣшкой, опоэтизированіе революціи — злобнымъ вымысломъ. Сейчасъ даже начинаетъ проявляться противоположная крайность, огульное охаиваніе революціи, ненависть ко всѣмъ ея шагамъ и къ самому революціонному духу. Обывательская масса выказываетъ даже склонность вычеркнуть цѣликомъ революціонныя страницы русской исторіи, но въ этомъ проглядываетъ больше запальчивости и раздраженія, личной озлобленности — вполнѣ, впрочемъ, понятной, — чѣмъ глубокаго политическаго смысла. Реакція на обоготвореніе революціи не должна вылиться въ форму политическаго и соціальнаго ретроградства, иначе — будетъ готовиться почва для новой революціи. Избѣжать повторенія революціонныхъ вспышекъ можно только путемъ укрѣпленія основныхъ идеаловъ революціи.

Не лишенъ характерности для россійскихъ политическихъ настроеній, между прочимъ, и тотъ фактъ, что крайніе правые съ большимъ трудомъ «прощаютъ» умѣренную часть ре-

волюціонныхъ дѣятелей, чѣмъ крайне лѣвыхъ, ихъ ненависть къ кадетамъ глубже и острѣе чѣмъ къ соціалистамъ, они скорѣе склонны считать «зачинщиками» и «поджигателями» Милюкова, Родичева, Винавера, и даже, Родзянко или Гучкова, чѣмъ Авксентьева, Церетелли или Спиридонову.

Наиболѣе, быть можетъ, характерно отношеніе правыхъ круговъ къ М. В. Родзянко, который, не взирая на всегдашнюю умѣренность своихъ политическихъ взглядовъ и приверженность къ монархическимъ идеямъ, все же является едва ли не наиболѣе излюбленнымъ объектомъ травли со стороны правыхъ круговъ. По сообщенію «Нов. Вр.», въ виду настойчивыхъ требованій членовъ русской колоніи, въ Турскомъ Бечеѣ, бывшій предсѣдатель Госуд. Думы М. В. Родзянко сдѣлалъ оффиціальное заявленіе правленію колоніи, что онъ обязуется болѣе не принимать никакого участія въ общественной жизни колоніи и не посѣщать общихъ собраній членовъ колоніи. Что касается А. И. Гучкова, то онъ былъ два раза уже объектомъ грубаго физическаго насилія (въ Севастополѣ и Берлинѣ) послѣ чего г. Гучковъ, стремясь заслужить благоволеніе нѣкоторыхъ круговъ, сталъ... рѣзко выявлять и—не безъ демагогіи — внѣшне подчеркивать свое разномысліе съ кн. Львовымъ, Милюковымъ и др. Не взирая, однако, на все это, въ «рейхенгальскихъ» кругахъ А. И. Гучковъ не только не прощенъ, но все еще считается опаснымъ человѣкомъ. Во всемъ этомъ, конечно, больше злобной пристрастности, кастовой нетерпимости, неумѣнія понять мотивы чужихъ поступковъ и сознанія реальности угрозы, чѣмъ правильнаго историческаго пониманія.

Совершенно понятно, что революція, особенно на первыхъ порахъ и при первыхъ своихъ шагахъ стремится всегда всячески отмежеваться отъ всего до-революціоннаго, старорежимнаго. И русская революція первоначально усиленно старалась ни въ чемъ не подражать до-февральскимъ порядкамъ. Стали разрушаться навыки, пріемы и явленія, нуждающіеся въ перестройкахъ, достройкахъ или перемѣнахъ, но не въ сломѣ. Бюрократизмъ, канцелярщина, формализмъ, единоличное усмотрѣніе — вещи нестерпимыя, когда они чрезмѣрны, но полное отрицаніе бюрократическаго дѣло-производства, канцелярскаго порядка и соблюденія установленной формы, а также возведеніе въ систему длительнаго коллегіальнаго разсмотрѣнія даже мелкихъ текущихъ административныхъ вопросовъ —тоже, вѣдь, къ добру не приводитъ. Сперва у насъ стали отрицать весь внѣшній укладъ стараго чиновничьяго строя, но скоро спохватились и завели революціонную канцелярщину, не меньшую, чѣмъ при царскомъ ре-

жимѣ, но, надо сознаться, порядка и стройности въ ней было меньше.

Съ теченіемъ времени стали проникаться мыслью о томъ, что во внѣшнемъ порядкѣ стараго режима имѣлись свои положительныя стороны, которыя отнюдь не зазорно воспроизводить. Но это отнюдь не означало того, что духъ учрежденій долженъ оставаться старый. У насъ же легко стали мѣнять названіе учрежденій или должностей, сохраняя въ нихъ въ качествѣ руководителей людей, безнадежно зараженныхъ старорежимной психологіей и навыками («дома новы, но предразсудки стары»). Какъ бы ни было трудно у насъ находить людей для замѣщенія ряда отвѣтственныхъ постовъ, нельзя поручать ихъ людямъ, которымъ органически чуждъ духъ революціоннаго времени. Между тѣмъ — примѣръ одинъ изъ тысячи — генералъ А. С. Лукомскій, человѣкъ правый и типичный «старорежимникъ», умудрился перебывать начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго при ген. Корниловѣ, предсѣдателемъ особаго совѣщанія при ген. Деникинѣ, представителемъ ген. Врангеля въ Константинополѣ съ подчиненіемъ ему начальниковъ вѣдомствъ на Балканахъ. Результатъ отъ подобнаго выдвиганія на отвѣтственные политическіе посты людей явно для того, по духу времени, не пригодныхъ, оказался чреватымъ многими немаловажными послѣдствіями. У насъ сперва однимъ росчеркомъ пера отмахнулись отъ чуть ли не всего стараго чиновничества, потомъ только додумались до необходимости строго индивидуальныхъ оцѣнокъ, но и тутъ не было проявлено достаточно критическаго чутья и на сцену стали выводиться вновь фигуры, если не одіозныя, то раздражающія, если не карьерно приспособившіяся, то внѣшне только маскирующія свой старый обликъ. И въ этой области обѣ крайности непримѣнимы: нельзя огуломъ отрицать все, служившее старой власти, какъ царской, такъ и большевистской, какъ нельзя опираться только на неопытныхъ новичковъ или же признавать только старыхъ служакъ.

Безспорно, лица стоявшія во главѣ вооруженныхъ силъ, боровшихся съ большевиками, не проявляли достаточно твердости и чутья при назначеніяхъ на высшіе административные посты, но нельзя винить за это всецѣло только этихъ военныхъ диктаторовъ. Правый станъ обычно выдвигалъ изъ своихъ рядовъ кадры лицъ, обладающихъ извѣстнымъ служебнымъ опытомъ и готовыхъ служить, чаще — возобновить административную карьеру. Лѣвый лагерь, въ которомъ и безъ того мало лицъ съ административнымъ стажемъ, былъ необычайно бѣдно представленъ въ южныхъ центрахъ борьбы съ большевиками. Да и то — одни при этомъ предпочи-

тали воздержаться отъ принятія административнаго поста — изъ опасенія ли подвести близкихъ, оставшихся въ Совдепіи, изъ желанія ли продолжать службу въ частномъ предпріятіи, изъ за намѣренія ли ограничиться только благожелательнымъ и пассивнымъ нейтралитетомъ въ отношеніи къ не вполнѣ удовлетворяющей власти. Изъ лѣвыхъ круговъ часто попадали въ начальники вѣдомствъ лица ни по прошлому своему, ни по силѣ характера для того не вполнѣ подходящія. Не надо забывать, что выборъ дѣлался не при обиліи кандидатовъ, а изъ наличныхъ въ данной области лицъ. Выдвигались тѣ или иныя лица не потому, что именно они вполнѣ подходящи для занятія отвѣтственныхъ постовъ, а потому, что они случайно — или не случайно — оказались на Дону или на Кубани. Разруха путей сообщенія препятствовала спеціальнымъ вызовамъ и пріѣздамъ для замѣщенія вакантныхъ постовъ. Извѣстное значеніе при назначеніяхъ имѣли нѣкоторыя политическія объединенія, выдвигавшія и рекомендовавшія своихъ кандидатовъ. Къ сожалѣнію, умѣренно -лѣвые круги, группировавшіеся вокругъ «Національнаго центра», проявляли при этомъ недостаточно выдержки и твердости, но, зато, зачастую оказывались подвергнутыми вліянію провинціальной кружковщины, этой язвы небольшихъ городовъ, случайно становившихся военно-политическими центрами. «Совѣтъ государственнаго объединенія» предпочиталъ оказывать доступное ему вліяніе и давленіе при назначеніи на посты не столько руководителей, сколько фактическихъ исполнителей: не одинъ десятокъ вице-губернаторовъ, начальниковъ уѣздовъ, комендантовъ и т. д. былъ назначенъ по спискамъ «совѣта госуд. объединенія». Случалось такъ, что у лѣваго начальника вѣдомства оказывался такой подборъ сотрудниковъ и подчиненныхъ, при которомъ всплывалъ вопросъ о саботажѣ. Все это, внѣ всякаго сомнѣнія, является обстоятельствами, въ значительной степени смягчающими вину иныхъ вождей, преисполненныхъ добрыми намѣреніями, но окруженныхъ черными подчиненными. Будь, однако, диктаторы по имени—диктаторами по существу, они сумѣли бы побудить вести тотъ курсъ политики, который считали цѣлесообразнымъ или которому сочувствовали: можно было видвигать и людей болѣе скромнаго облика, но имѣющихъ демократическіе взгляды и умѣющихъ проводить преподанную имъ общую программу. Надо было только, чтобы «диктаторъ» самъ твердо установилъ курсъ политики и властно приказалъ не отступать отъ нея ни на шагъ.

Несоблюденіе правилъ осторожности при назначеніяхъ на различные административные посты всегда используется большевиками въ интересахъ ихъ специфической про-

паганды. Сколько шуму надѣлали въ большевистской печати нѣкоторыя назначенія, произведенныя, напр., ген. Врангелемъ! Покойный А. В. Кривошеинъ — умный, безспорно, человѣкъ и, казалось, не лишенный тонкости политикъ, но онъ счелъ возможнымъ принять постъ главы правительства, привлекая къ работѣ въ немъ цѣлую плеяду видныхъ бюрократовъ царскаго періода — гг. Климовича, Глинку, Лукомскаго и др., а также вызывая изъ-за границы для участія въ севастопольскомъ экономическомъ совѣщаніи, среди прочихъ, и рядъ представителей правой петроградской бюрократіи. Большевистская печать захлебывалась отъ восторга, перечисляя весь этотъ «букетъ» именъ. Анти-большевистскими кругами было принято, какъ вызовъ, назначеніе въ качествѣ завѣдующаго департаментомъ полиціи г. Климовича, преисполненнаго духомъ старой «охранки». Не легко, конечно, найти «святого человѣка» для завѣдыванія политическимъ розыскомъ, нельзя, конечно, разслѣдованіе и наблюденіе большевистской «работы» въ тылу поручать неопытнымъ идеалистамъ, но все это еще не свидѣтельствуетъ о необходимости выдвигать на первый планъ одіозную для общественности фигуру съ очень ужъ «громкимъ» именемъ. Развѣ нельзя было использовать спеціальные техническіе навыки г. Климовича при занятіи имъ и второстепеннаго поста, поручивъ постъ директора департамента полиціи какому-либо товарищу прокурора, который, имѣя имя общественно-пріемлемое, наблюдалъ бы за законностью дѣйствій своихъ подчиненныхъ? Нашелъ же П. Л. Баркъ нужнымъ открыто заявить, что онъ не считаетъ цѣлесообразнымъ вхожденіе въ составъ правительства ген. Врангеля людей, имя и прошлое которыхъ можетъ подать поводъ къ злостной агитаціи, почему и онъ лично не считаетъ возможнымъ принять предложеніе о занятіи министерскаго поста въ южно-русскомъ правительствѣ. Пусть подобный учетъ общественно-политическихъ настроеній и считается нѣкоторыми за ненужное потаканіе предразсудкамъ, но дозволительно ли при безмѣрно трудныхъ условіяхъ борьбы рисковать — изъ-за пустяковъ, въ сущности — уменьшеніемъ шансовъ на успѣхъ??

X

Освѣдомленіе.

Однимъ изъ характерныхъ проявленій жизни послѣ-военной эпохи не только въ Россіи, но, отчасти, и въ странахъ Зап. Европы — является недостаточная и не всегда точная освѣдомленность о текущихъ событіяхъ.

Раньше, до войны, была доступнѣе возможность получить болѣе или менѣе точную информацію, не имѣло въ столь большихъ размѣрахъ мѣсто стремленіе исказить истину. Уже во время войны, подъ вліяніемъ цензуры, газеты вынуждены были часто скрывать правду о ходѣ военныхъ операцій, замалчивать данныя о забастовкахъ на заводахъ, о броженіяхъ и т. д. Объяснялось это необходимостью «поддержать настроеніе», создать ту «мобилизацію духа», которая считалась одной изъ предпосылокъ побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ.

Русская революція съ самаго своего начала происходила подъ знакомъ слуховъ и неточнаго освѣдомленія. Постепенное замираніе желѣзно-дорожнаго, пароходнаго, почтоваго и телеграфнаго движенія является тому одной изъ основныхъ причинъ. Ходомъ событій, отдѣльные города оказывались отрѣзанными другъ отъ друга, отдѣльные политическіе центры — мало и несвоевременно освѣдомлены о взаимной работѣ. Подобное же явленіе имѣло мѣсто не только въ Россіи, но отчасти и за-границей: когда во французской палатѣ депутатовъ въ 1918—1919 г.г. соціалисты запрашивали министра иностранныхъ дѣлъ о дѣятельности въ Одессѣ французкаго консула Энно, министръ Пишонъ отвѣчалъ: что его министерство въ Одессу г. Энно не назначало и о дѣятельности его не освѣдомлено и за нее не отвѣтственно. Впослѣдствіи выяснилось, что г. Энно былъ командированъ въ Одессу французскимъ посломъ въ Румыніи Сэнтъ Олэромъ, соотвѣтствующее донесеніе котораго объ этой командировкѣ затерялось въ пути или дошло до Парижа съ большимъ запозданіемъ.

И въ Россіи имѣли мѣсто многочисленные случаи такой же затруднительности или невозможности быстро снестись другъ съ другомъ представителямъ власти, вслѣдствіи чего являлась разноголосица дѣйствій и объясненій, различіе въ освѣдомленіи о фактахъ и событіяхъ и т. д. Газеты, даже при всемъ добромъ желаніи имѣть нормальный освѣдомительный аппаратъ, вынуждены были питаться слухами, преподносимыми, къ тому же, часто и безъ достаточной критической провѣрки.

Повышенность нервнаго настроенія населенія сводила почти на нѣтъ достовѣрность свидѣтельскихъ показаній «очевидцевъ», въ разсказахъ бѣженцевъ изъ мѣстъ какого-либо остраго военно-политическаго событія или происшествія было всегда много преувеличеній, фантастики и свѣдѣній изъ вторыхъ рукъ. Въ итогѣ, газеты стали давать извѣстія часто невѣрныя, преувеличенныя, а иногда и просто вздорныя. Никто ничего не зналъ точнаго, всѣ питались слухами болѣе или менѣе сомнительной достовѣрности. «По прямому прово-

ду», въ частныхъ разговорахъ, въ публичныхъ заявленіяхъ, въ печати — всюду передавались извѣстія, которыя, по провѣркѣ, оказывались впослѣдствіи не соотвѣтствующими дѣйствительности, полу-правдой, а иногда — и просто ложью.

Массовый русскій обыватель перешелъ на сторону революціи не безъ вліянія упорныхъ слуховъ о сношеніяхъ царицы съ германскимъ штабомъ. До сихъ поръ фактъ этотъ документально не доказанъ, не исключается даже возможность того, что слухи объ измѣнѣ царицы были пущены въ обращеніе нѣмецкими агентами, стремившимися вызвать разложеніе Россіи и ловко спекулировавшими на неподлежащемъ уже никакому сомнѣнію фактѣ тлетворнаго вліянія Александры Феодоровны на внутреннюю политику, что создавало вокругъ имени царицы такую тѣнь при наличіи которой легко вѣрили и слухамъ объ измѣнѣ. Сколько преувеличеній и лжи циркулировало по Россіи при первыхъ фазахъ выступленія ген. Корнилова, котораго не постѣснялись третировать въ качествѣ измѣнника.

Вскорѣ затѣмъ, сообщалось о занятіи ген. Калединымъ ряда крупныхъ центровъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, казаки ген. Каледина просто продвигались, послѣ крушенія фронта, къ родному Дону. Во время германской оккупаціи Юга Россіи населеніе лишено было возможности узнавать правду о положеніи на франко-германскомъ фронтѣ. Германскіе радіо, нѣмецкія газеты, Гинденбургскія коммюникэ тенденціозно рисовали положеніе вещей, французскіе же газеты, радіо, коммюникэ — не пропускались нѣмцами. Населеніе Юга Россіи, подъ вліяніемъ подобнаго односторонне-тенденціознаго освѣдомленія, было искренно увѣрено въ непобѣдимости Германіи, въ ея безпрерывныхъ успѣхахъ; вѣсть о перемиріи явилась поэтому неожиданностью. Въ атмосферѣ твердой вѣры въ побѣду Германіи и родилась такъ называемая «германская оріентація» — группы русскихъ политиковъ антантофиловъ во главѣ съ П. Н. Милюковымъ. Конечно, о германской оріентаціи П. Н. Милюковъ и поддерживавшіе его кіево-одесскіе к-д. не помышляли, рѣчь можетъ идти лишь объ оріентаціи русской, о направленіи общественнаго вниманія въ сторону защиты интересовъ Россіи въ связи съ казавшимися несомнѣнными военными успѣхами Германіи. Крушеніе германскаго фронта и германская революція разсѣяли этотъ миражъ и строившуюся на немъ линію политическаго поведенія группы лишенныхъ точной информаціи политиковъ.

Характерно, что когда германская оккупація одесскаго района смѣнилась французской, то французы не сумѣли поставить на должную высоту правильное освѣдомленіе русска-

го общества о событіяхъ. Французскія военныя суда стояли на рейдѣ Черноморскихъ портовъ, а, въ то же время, южно-русскія газеты, по неволѣ, продолжали пользоваться тенденціозными и однобокими науеновскими нѣмецкими радіо. Прошло много недѣлъ, пока стали обще-доступны и радіо съ Эйфелевой башни и Ліонскія. Но пріемка французскихъ радіо производилась почему-то съ дефектами, не удавалось все время приспособить достаточно мощной пріемной станціи. Впослѣдствіи, въ 1919 г. французы такъ и не сумѣли приспособить сильную радіо-станцію г. Николаева для нуждъ освѣдомленія общества и радіо-станція эта все время почти бездѣйствовала. Ни Ростовское, ни Севастопольское правительства не смогли добиться правильныхъ сношеній по радіо съ Западомъ и полученія информацій съ Запада. Строились радіо-станціи, создавались проекты радіо-сношеній, но все это дѣлалось бюрократически-бездарно и фактически никакихъ результатовъ не давало. Въ итогѣ, ни анти-большевистскій Югъ не имѣлъ своевременно точныхъ свѣдѣній о происходящемъ въ Западной Европѣ, ни въ центрахъ Западной Европы не знали о томъ, что дѣлается въ Южной Россіи.

Когда германцы занимали Югъ, газеты получали, пусть тенденціозную, но полную радіо-сводку событій въ Европѣ, централизуемую и цензуруемую австро-германскими прессъ-бюро. Когда же въ Одессѣ въ 1918—1919 г. были французскія войска, радіо доставлялись газетамъ . . . радіотелеграфистами, получавшими за это отъ редакцій поштучную плату. Прельщенные заработкомъ и зная невозможность или трудность провѣрки подлинности полученія даннаго радіо, нѣкоторые служащіе одесской радіо-станціи стали, попросту, фабриковать мнимыя радіо «сенсаціоннаго» характера. Читателямъ одесскихъ газетъ въ свое время преподносились «извѣстія» о провозглашеніи въ Бельгіи республики, о бѣгствѣ турецкаго султана и т. д.

Эвакуація Одессы въ апрѣлѣ 1919 г., такая вообще таинственная и неясная по своей обстановкѣ, была начата — случай или логическое совпаденіе? — въ день полученія радіо о томъ, что министерство Клемансо, якобы, пало, что палата депутатовъ, якобы, отказала въ кредитахъ на содержаніе французскихъ войскъ на Югѣ Россіи, что и вызвало паденіе министерства Клемансо, замѣненнаго соціалистическимъ кабинетомъ съ Лонгэ и Кашэномъ во главѣ, распорядившимся немедленно эвакуировать Одессу. Вѣсть о паденіи Клемансо облетѣла весь городъ, ее повторяли и французскіе офицеры, ссылаясь на полученное радіо. Самый фактъ его полученія и его источникъ такъ и остались невыясненными и неразслѣдованными, т. к. слишкомъ поспѣшно стала производиться са-

мая эвакуація. Возможно — это лишь простая гипотеза — что лживое радіо было послано большевистскими агентами, легко имѣвшими возможность использовать какую-либо изъ радіо-станцій, за которыми былъ явно недостаточный надзоръ, цѣлью же отправки лживаго радіо о воцареніи въ Парижѣ соціалистовъ могло быть желаніе усилить панику и ускорить нависшую эвакуацію.

Московская радіо-станція прославилась своимъ пропагандистскимъ «вральманствомъ», ея радіо, окрещенныя «врадіо», тѣмъ не менѣе усиленно помѣщаются большевизантствующими газетами Запада, оказывая тѣмъ самымъ изрядное воздѣйствіе на общественное мнѣніе. Съ другой стороны, анти-большевики бездарно ставили дѣло информаціи странъ Зап. Европы и Америки, давая въ теченіе всего 1919 и 1920 гг. свѣдѣнія, либо запоздалыя — шедшія почтой или курьерами, либо — тенденціозныя, скрывавшія истину. Вотъ почему, такъ неожиданны были для западно-европейскаго общественнаго мнѣнія извѣстія о крушеніи сперва деникинскаго, а потомъ — врангелевскаго фронта. Между тѣмъ, кто его знаетъ, что было бы, если бы своевременно и точно знали въ Лондонѣ и Парижѣ то, что знали въ главномъ штабѣ Тихорѣцкой и Севастополя. Подвижность и воспріимчивость западнаго общественнаго мнѣнія могли бы, при надлежащемъ освѣдомленіи, побудить усилить отправку снаряженія и снабженія изнемогавшимъ въ борьбѣ добровольцамъ. Но южно-русскіе штабы не учитывали всей важности своевременнаго и точнаго освѣдомленія Запада о ходѣ операцій, что было въ извѣстномъ отношеніи не менѣе существенно, чѣмъ запасы артиллерійскаго снабженія, ибо это снабженіе находилось въ нѣкоторой зависимости отъ освѣдомленія западно-европейскаго общественнаго мнѣнія. То, что дѣлалось для подобнаго освѣдомленія было не только недостаточно, но и не всегда дѣловито. Подборъ передававшихся въ Запад. Европу изъ антибольшевистскихъ центровъ извѣстій свидѣтеьстввалъ слишкомъ часто о глубокомъ непониманіи того, чѣмъ интересуются и что можетъ оказать воздѣйствіе на Западѣ.

Въ томъ же, приблизительно, безтолковомъ стилѣ шло и освѣдомленіе населенія Юга Россіи о событіяхъ на Западѣ. Ни телеграфной, ни радіо-телеграфной прямой связи установлено не было. Довольствовавшись полученіемъ «пакетовъ» черезъ посредство посольскихъ курьеровъ, причемъ иные г.г. курьеры то теряли пакеты, безпечно сдавая ихъ въ багажъ, то застревали подолгу въ промежуточныхъ центрахъ. Свѣдѣнія, въ итогѣ, приходили съ сильнымъ запозданіемъ.

Ничего положительнаго сказать нельзя и о функціонировавшемъ на Югѣ учрежденіи, именовавшемся «Руссагеномъ».

«Руссагенъ» пользовался правительственной поддержкой, получая право вывоза за-границу сырья, на вырученную отъ продажи котораго валюту «Руссагенъ» долженъ былъ создать сѣть телеграфныхъ корреспондентовъ за-границей. На дѣлѣ же, пароходы съ табакомъ и другими видами сырья доходили до Константинополя, «Руссагенъ» имѣлъ, такимъ образомъ, въ своемъ распоряженіи достаточное количество иностранной валюты для оплаты телеграфнаго тарифа, но — газеты снабжались «Руссагеномъ» подъ видомъ телеграфныхъ извѣстій лишь выдержками изъ полученныхъ по почтѣ иностранныхъ газетъ. Эти «почто-телеграммы» не только давали свѣдѣнія сильно запоздалыя, что порою въ значительной мѣрѣ искажало перспективу событій, но и самыя компиляціи изъ газетъ не всегда производились съ достаточнымъ знаніемъ дѣла. Напр., извѣстіе о результатѣ парламентскихъ выборовъ 1919 г. во Франціи было передано «Руссагеномъ» такъ, что получалось впечатлѣніе о побѣдѣ консерваторовъ, что и дало поводъ къ радостнымъ заключеніямъ и выводамъ правой ростовской печати; невѣжественно суммируя голоса полученные монархической группой Action Francaise съ голосами умѣренныхъ прогрессистовъ изъ Action Liberale, «Руссагенъ» вольно или невольно окрылялъ надеждами и ростовскимъ монархистовъ. Послѣ крушенія деникинскаго фронта, нѣкоторые «руссагеновцы» направили свои стопы въ Болгарію, гдѣ, пообѣщавъ широко поставить русскую пропаганду, добились чрезвычайно льготнаго размѣна «колокольчиковъ» — деникинскихъ кредитныхъ билетовъ, — но, заполучивъ болгарскую валюту, поспѣшно оставили предѣлы Болгаріи, направляясь въ Парижъ, не начавши даже въ Софіи, приличія ради, обѣщанной информаціонно-пропагандной дѣятельности. Этотъ конфузный эпизодъ не очень то способствовалъ русскому престижу и русской пропагандѣ въ Болгаріи.

Не рискуя впасть въ преувеличеніе, можно сказать, что со времени войны и въ теченіе революціи пониженъ уровень освѣдомителей и расшатался весь аппаратъ освѣдомленія общественнаго мнѣнія о главнѣйшихъ политическихъ событіяхъ. Кризисъ бумаги сократилъ сильно форматы газетъ, это сдѣлало информацію болѣе скудной. Представители едва ли не всѣхъ «новыхъ» или «расширенныхъ» государствъ затратили не малыя средства ради оказанія соотвѣтствующаго давленія на издателей вліятельныхъ органовъ печати. Россія не знала почти подобнаго вліянія на печать, хотя до революціи начались уже попытки захвата нѣкоторыхъ крупныхъ газетъ иными финансовыми дѣятелями. Германцы все время стараются держать въ своихъ рукахъ общественное мнѣніе своей и чужихъ странъ. Политическія послѣдствія отъ этого — неисчи-

слимы, многія позиціи завоеваны Германіей у американскаго, англійскаго, итальянскаго, швейцарскаго и т. д. общественнаго мнѣнія благодаря интенсивной и упорной работѣ пропагандяаго свойства. Столь же, если не болѣе еще ловко, ведутъ свою пропаганду за-границей и россійскіе большевики. Зная, что капля долбитъ камень, большевистскіе и германскіе агитаторы, ловко умѣютъ воздѣйствовать на общественное мнѣніе, преподнося ему въ газетахъ нужныя и соотвѣтственно подобранныя свѣдѣнія. При этомъ, часто допускаются преувеличенія, тенденціозныя умалчиванія и, даже, простая подтасовка фактовъ. Но, надо отдать справедливость большевикамъ, они и лгутъ болѣе или менѣе умѣючи и со знаніемъ психологіи своей аудиторіи.

Большевики возвели пропаганду въ систему, монополизируя въ своихъ рукахъ весь газетный аппаратъ, они имѣютъ мощный способъ воздѣйствія на общественное мнѣніе. Не довольствуясь этимъ, большевики обратили самое серьезное вниманіе и на устную агитацію, особенно—по деревнямъ. Ими созданы спеціальные кадры агитаторовъ, которые, до введенія какой либо «реформы», подготовляли для нея почву, а, послѣ обнародованія соотвѣтствующаго декрета, всячески защищали его сущность, парировали удары его критиковъ. Въ совѣтскихъ газетахъ сплошь и рядомъ печатаются статьи, носящія подзаголовокъ «тезисы для агитаторовъ». Эти тезисы, конечно, соотвѣтственно препарированные, воспроизводятся изъ газеты и развиваются на всевозможныхъ собраніяхъ, засѣданіяхъ и т. д. При существованіи власти Добровольческой Арміи точно также создавались особые курсы для агитаторовъ, циркулировали спеціальные агито-поѣзда, разъѣзжали по провинціальнымъ центрамъ лекторы, разсылаемые отдѣломъ пропаганды. Но въ данномъ случаѣ казенный характеръ всей этой пропаганды давалъ сильно о себѣ знать, особенно въ области подбора пропагандистовъ и агитаторовъ. Часто — слишкомъ часто — случалось, что за дѣло брались лица, явно не подготовленныя, не авторитетныя, съ узко-чиновничьимъ кругозоромъ. Гоняясь за внѣшними эффектами, сосредотачивали пропаганду въ центральныхъ частяхъ большихъ городовъ, не доходя почти до окраинъ и предмѣстій, не говоря уже о сельской полосѣ. Плакаты, афиши, воззванія составлялись обычно мало удачно, то больно лубочно, то очень уже дубово-казеннымъ языкомъ. Попытка художественныхъ иллюстрацій, выставленіе картинъ и рисунковъ опредѣленнаго содержанія — били мимо цѣли и часто отталкивали, ибо отличались нарочитой грубостью тона и бьющей въ глаза тенденціозностью.

Обыватель свыкся съ мыслью, что совѣтская печать либо умалчиваетъ о событiяхъ на Западѣ, ей нежелательныхъ и невыгодныхъ, либо искажаетъ ихъ смыслъ, либо просто сочиняетъ мнимые факты зарубежной политической хроники. Въ силу этого, рядовой обыватель, лишенный издающихся внѣ большевизiи газетъ, поразительно неосвѣдомленъ о происходящемъ на Западѣ. На этой почвѣ, естественно, особенно легко возникаютъ всякаго рода слухи. Достаточно было кому-то сказать, что польскiе или германскiе отряды подходятъ къ городу — какъ это дѣлалось всеобщимъ достоянiемъ. Въ приморскихъ городахъ долгое время все ожидали прихода союзнаго флота, который, де, освободитъ отъ большевиковъ. Слухи этого рода зачастую находились даже въ прямомъ противорѣчiи съ подлинной политической коньюнктурой. Въ перiодъ Кронштадскаго возстанiя въ февралѣ 1921 г. Англiя была уже буквально наканунѣ подписанiя торговаго договора съ Красинымъ, но, тѣмъ не менѣе, въ Петроградѣ многiе считали, что раздающаяся издали канонада — ничто иное, какъ артиллерiйская стрѣльба по большевистскимъ позицiямъ, производимая... англiйскимъ флотомъ. Большевики спекулируютъ на этой неосвѣдомленности общества, строятъ на немъ часто свои планы и козни. Большевистскiя газеты, повторяя изо дня въ день о революцiяхъ во всѣхъ странахъ Европы, Азiи и обѣихъ Америкъ, въ концѣ концовъ создаютъ впечатлѣнiе, что «мiровая революцiя»—фактъ совершившiйся. Самый мелкiй эпизодъ политической жизни Парижа или Рима—раздувается въ крупное событiе, которое неизмѣнно окрашивается въ революцiонно-коммунистическiй цвѣтъ. Ежедневно преподносимый «букетъ» подобнаго рода «новостей», фактическая невозможность ихъ провѣрить и критически оцѣнить — даютъ въ результатѣ извѣстные сдвиги общественно-политическихъ настроенiй даже въ кругахъ, отнюдь къ коммунизму не склонныхъ. Этого рода неосвѣдомленность въ истинномъ положенiи вещей въ Западной Европѣ и о настроенiяхъ ея руководящихъ интеллигентскихъ круговъ, безспорно, должна была сыграть извѣстную роль въ «эволюцiи» нѣкоторыхъ вѣрныхъ русскихъ интеллигентовъ, которые повѣрили большевистской баснѣ о коммунистической революцiи на Западѣ, воспринятой якобы, и главарями западно-европейской интеллигенцiи. Интеллигенты, вырвавшiеся изъ совдепiи за-границу, поражаютъ своимъ незнанiемъ происходившаго въ послѣднее время на Западѣ. Коммунистическiе Иловайскiе, сосредоточивая свое вниманiе на мнимыхъ массовыхъ революцiонныхъ движенiяхъ въ совѣтскомъ стилѣ, не считаютъ нужнымъ освѣдомлять объ «неинтересныхъ» — съ ихъ, конечно, точки зрѣнiя—фактахъ.

Во время Кронштадтскаго возстанія, большевистская печать, пугая спекторомъ реставраціи, внѣдряла въ сознаніе населенія, что русская эмиграція уже «рѣшила» возвести на престолъ великаго князя Дмитрія Павловича, что «царскій» посолъ Маклаковъ сдѣлалъ такой-то шагъ и т. д. Большевикамъ важно произвести «эффектъ», воздѣйствовать на психику, запугать призракомъ «царскихъ пословъ и генераловъ», а о правдивости сообщаемаго заботиться не приходится, ибо правдивость причисляется къ «буржуазнымъ предразсудкамъ». Нужно, впрочемъ, признать, что и въ иныхъ «бѣлыхъ» развѣдывательныхъ органахъ не всегда достаточно щепетильны съ этой самой многострадальной правдивостью, пуская въ обращеніе мнимые «документы», не всегда даже достаточно искусно сфабрикованные. (Напр. перепечатанное лѣтомъ 1921 г. изъ «Нов. Рус. Жизни» парижскими газетами письмо Ленина къ швейцарскому другу.) Случаевъ такихъ было, правда, немного, всего нѣсколько, но кромѣ конфуза и досады подобнаго рода «фабрикація» большевистскихъ «документовъ» ничего не принесла.

Исторія знаетъ случаи фальсификаціи документовъ и попытокъ мистификаціи общественнаго мнѣнія, но никогда, кажется, эти фальсификація и мистификація не достигали такой степени и такой интенсивности, какъ въ наши дни. Въ эпоху послѣ Версальскаго мира въ моменты производства плебисцитовъ въ областяхъ со смѣшаннымъ этнографическимъ составомъ пускаются въ ходъ фальсифицированныя сводки переписей и статистическихъ обслѣдованій. Такъ было въ Шлезвигѣ, Силезіи, Тиролѣ, Вильнѣ, такого рода «точныя свѣдѣнія» циркулировали относительно Смирны, столь же безупречныя данныя заготовлены и захватчиками Бессарабіи.

Трудно добиться истины въ эпоху подтасовокъ статистическихъ и этнографическихъ обслѣдованій и анкетъ. Въ оборотъ пускаются апокрифическіе документы, фальшивыя письма, сфабрикованныя стенограммы, лживые и «трюкованные» протоколы. На этого рода документахъ-апокрифахъ строятся цѣлые политическіе планы и легенды, имѣющіе порой весьма существенныя послѣдствія. Въ этомъ отношеніи подаютъ другъ другу руки черносотенцы и большевики. Большевикамъ понадобилось пустить въ обращеніе по Дальнему Востоку брошюру, заключавшую въ себѣ мнимыя показанія адм. Колчака иркутскому революціонному трибуналу, якобы данныя незадолго до разстрѣла адмирала.

Константинопольскій еженедѣльникъ «Зарницы» помѣстилъ въ № 23 за 1921 г. въ качествѣ «историческаго документа» письмо П. Н. Милюкова отъ 15 ноября 1917 г., каковое

письмо является памфлетическаго характера изложеніемъ «признаній» и «исповѣди» П. Н. Милюкова, съ «покаяніемъ» въ участіи въ февральскомъ переворотѣ и «заявленіемъ», что надо бы вернуться къ монархіи.

Едва ли не образцомъ фальсификаціи документовъ политическаго характера могутъ, однако, послужить нашумѣвшіе «Протоколы Сіонскихъ мудрецовъ». Дѣйствуя на темные умы и разстроенныя воображенія, «протоколы» уже послужили тараномъ для кровавой анти-семитской пропаганды, и прямыхъ призывовъ къ убійствамъ. Скоро послѣ того, какъ лондонскій Times документально установилъ происхожденіе «сіонскихъ портоколовъ», являющихся поспѣшнымъ и небрежнымъ плагіатомъ «женевскихъ діалоговъ» — политическаго французскаго памфлета эпохи Наполеона III, — пражскій органъ с. р. «Воля Россіи» помѣстилъ 23 сент. 1921 г. другіе «протоколы» — конференціи «комитета спасенія родины», состоявшейся—или, якобы, состоявшейся—въ Константинополѣ съ 5 февраля по 8 марта 1921 г. И эти «протоколы»—явно и грубо сфабрикованы и приходится удивляться, что ихъ воспроизводятъ въ качествѣ «документа». Тонъ, содержаніе, отдѣльныя детали конференціи «комитета спасенія родины» — явно отдаютъ поддѣлкой. Конечно, погромныхъ дѣлъ мастера, вахмистры по воспитанію и погромщики по убѣжденію имѣются въ слишкомъ достаточномъ количествѣ среди русскихъ бѣженцевъ, но «протоколы» погромной конференціи даютъ очень ужъ вздорные образцы погромныхъ сужденій. Слишкомъ былъ осторожнымъ человѣкомъ покойный г. Кривошеинъ, чтобы предсѣдательствовать на подобной «конференціи», да, по свѣдѣніямъ «Общаго Дѣла», г. Кривошеинъ находился въ моментъ засѣданій конференціи не въ Константинополѣ, а въ Парижѣ. Другой участникъ конференціи — ген. Слащевъ именуется «протоколами» начальникомъ штаба арміи и помощникомъ Врангеля, тогда какъ, въ дѣйствительности, ген. Слащевъ никогда начальникомъ штаба арміи не былъ, а въ помощники Врангеля его могъ произвести только мало освѣдомленный фальсификаторъ, не знающій о враждѣ между Врангелемъ и Слащевымъ, принявшей особенно острый характеръ въ описываемый періодъ.

Къ сожалѣнію, руководящіе круги русскихъ анти-большевиковъ до сихъ поръ практически не подошли вплотную къ вопросу о раціональной постановкѣ пропаганды. Полицейскій гнетъ парализуетъ усилія пропаганды въ самой Совдепіи, хотя бы въ видѣ объективнаго освѣдомленія о фактахъ и событіяхъ безъ тенденціознаго большевистскаго «освѣщенія». Нужно, однако, сказать, что до сихъ поръ употреблено въ этомъ отношеніи недостаточно энергіи. Что касается

освѣдомленія и пропаганды среди русскихъ, живущихъ внѣ Россіи, то и въ этой области сдѣлано явно недостаточно. Въ Европѣ хотя бы выходятъ антибольшевистскія газеты, но въ Соед. Штатахъ, въ Канадѣ, въ Аргентинѣ и т. д., гдѣ живетъ масса русскихъ, не создали газетъ національнаго и анти-большевистскаго направленія, отдавъ почти безъ боя монополію на политическое руководительство большевиствующимъ и попросту большевикамъ и притомъ, достаточно безграмотнымъ и мало-культурнымъ. Что касается, наконецъ, освѣдомленія иностранцевъ о русскихъ дѣлахъ, то оно поставлено изъ рукъ вонъ плохо, нѣтъ умѣнія дать каждой странѣ то, что ей индивидуально подходитъ и можетъ интересовать ея населеніе. Въ самой незначительной и явно недостаточной степени дается кое-гдѣ черезъ посредство распространенныхъ иностранныхъ газетъ объективный, интересно и популярно изложенный информаціонный матеріалъ, касающійся Россіи. Дѣлались попытки созданія въ различныхъ странахъ спеціальныхъ изданій, посвященныхъ Россіи, но ихъ мало кто читалъ, вліяніемъ и довѣріемъ они не пользовались, ибо отъ нихъ на версту «несло» пропагандой. Въ равной степени оказалось мало цѣлесообразнымъ учрежденіе за-границей русскихъ телеграфныхъ бюро, информаціонныхъ прессъ-бюро и т. д., старавшихся выступать непремѣнно подъ своимъ именемъ, за своей «фирмой» или подписью. Этого рода дѣятельность давала сравнительно слабые результаты. Гораздо раціональнѣе ставить въ тѣнь дѣло информированія въ соотвѣтствующемъ духѣ иностранцевъ, оставляя русскія учрежденія и агентства за кулисами и снабжая иностранныя газеты и информаціонныя бюро матеріалами о Россіи, каковой матеріалъ доходитъ до читателей не за подписью русскаго агентства, а какъ сообщеніе «отъ собственнаго корреспондента» или же общепризнаннаго иностраннаго телеграфнаго агентства. При этой системѣ значительно усиливается эффектъ информаціи, ея вліяніе и удѣльный вѣсъ. Ибо раньше всего важно, чтобы читатель не чувствовалъ, что его пропагандируютъ. С в о е м у агентству, корреспонденту с в о е й газеты больше довѣряютъ, чѣмъ иностранному учрежденію, всегда обвиняемому въ пристрастности къ своей странѣ. Цѣлесообразнѣе затрачивать энергію и средства на проникновеніе въ существующіе и распространенные органы печати. Это прекрасно поняли различнаго толка «самостійники», многіе изъ которыхъ не безъ успѣха вели клеветническую противъ Россіи кампанію въ рядѣ газетъ, составляющихъ всю радугу политическихъ мнѣній. Больно было видѣть безнаказанность, съ которой велъ свою руссофобскую кампанію, напр., гр. Тышкевичъ, представитель украинскихъ самостійниковъ при парижской конференціи ми-

ра. Этотъ польскій графъ, ставшій украинскимъ патріотомъ, гдѣ нужно — игралъ на «склонности» Украины къ церковной уніи съ католической церковью, гдѣ нужно — обѣщалъ снабдить населеніе зерномъ и рудой и т. д. Все это приправлялось злобнымъ наускиваніемъ на «Московію», все это читалось сотнями тысячъ читателей парижскихъ газетъ, безъ всякаго активно-проявлявшагося въ то время противодѣйствія русскихъ круговъ.

Въ вопросѣ детальной разработки воздѣйствія на русское общественное мнѣніе нужно изъ недавняго прошлаго сдѣлать всѣ напрашивающіеся выводы практическаго характера. Необходимо отстранить отъ дѣла пропаганды все бездарное, безтактное и специфически «бутербродное», что къ нему поприлипало за послѣдніе годы. Нужно, раскрѣпостивъ печать, вернуть ей ея характеръ независимости.

Нѣмцы во время оккупаціи Юга Россіи сразу поняли, что русскую печать нельзя взять ни подкупами, ни фельдфебельскими окриками, ни внѣдреніемъ «бутербродныго» тона. Лучшіе результаты дала политика оказанія оккупаціонными властями вліятельнымъ и независимымъ газетамъ услугъ техническаго характера. Этимъ путемъ далеко не всегда создавались прозелиты воинствующаго германизма, но ослаблялась сила, пусть и подцензурной, но глухой оппозиціи. Австро-германцы снабжали — конечно, за плату и, даже, не малую — газеты Кіева и Одессы бумагой, краской, новыми шрифтами и т. д. Этого рода услуги обязывали, связывали въ нѣкоторомъ отношеніи редакціи, создавали почву для систематическаго, настойчиваго и упорнаго испрашиванія оккупантами услугъ и одолженій. «Система» эта давала плоды, безъ сомнѣнія, лучшіе въ смыслѣ степени воздѣйствія на общественное мнѣніе, чѣмъ практиковавшееся добровольческимъ «Освагомъ» открытіе «своихъ» новыхъ газетъ. Съ этими газетами, несмотря на ихъ сравнительную дешевизну, мало считались, онѣ справедливо трактовались, какъ оффиціозы и рептиліи. Но «осважныя» газеты плодились и размножались, какъ грибы, ихъ основывали даже въ центрахъ, гдѣ и до того существовала независимая и вліятельная газета, стоявшая опредѣленно на платформѣ Добровольческой Арміи (напр., въ Одессѣ, гдѣ старая мѣстная газета «Одесскій Листокъ» стойко поддерживала добровольцевъ даже въ періоды гоненія на нихъ со стороны украинцевъ, нѣмцевъ, соціалистовъ и т. д.) Вмѣсто созданія «осважныхъ» газетъ было бы куда раціональнѣе пріобрѣтеніе вліянія на существующія и читаемыя газеты путемъ облегченія снабженія ихъ бумагой. Бумажный голодъ свирѣпствовалъ въ 1919 г. на Югѣ Россіи, выписать бумагу изъ за-границы было непосильно большинству част-

ныхъ изданій. Между тѣмъ, на финляндскомъ бумажномъ рынкѣ въ то время было громадное количество сфабрикованной уже бумаги «русскихъ» форматовъ, курсъ финляндской валюты стоялъ тогда еще низкій, но отдѣлъ пропаганды такъ и не доставилъ на Югъ пароходъ съ бумагой, которую можно было бы по опредѣленному курсу переуступать газетамъ. Количество отпускаемой бумаги, ея цѣна и т. д. могли бы сообразоваться съ отношеніемъ данной газеты къ большевикамъ, добровольцамъ, ея удѣльнымъ вѣсомъ въ мѣстномъ обществѣ и т. д. Этимъ путемъ, легко было облегчить сбытъ близкихъ по духу Добро-арміи газетъ, оказать извѣстное вліяніе на колеблющихся и нейтральныхъ и т. д. Но все это — требовало энергіи, гибкости, профессіональныхъ навыковъ, т. е. всего того, чего никакъ не могли дать чиновники и диллетанты изъ «Освага», среди которыхъ было, къ тому же, столько бездари.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ будущемъ, съ возстановленіемъ Россіи, роль будетъ снова играть лишь частная независимая печать. Роль государственной власти на первыхъ порахъ, при разстройствѣ бумажной промышленности и трудностяхъ, при состояніи транспорта, доставки бумаги изъ Финляндіи или Швеціи, будетъ заключаться въ снабженіи газетъ бумагой, внѣпартійно учитывая при этомъ роль, цѣли, направленіе каждаго отдѣльнаго органа печати, считаясь исключительно со степенью способствованія даннаго органа устроенію государственнаго порядка и возстановленію законности. Если и понадобится на первыхъ порахъ возрожденной независимой русской печати этого рода помощь извнѣ, то въ остальномъ она, конечно, должна будетъ справляться собственными силами. Не легкое, однако, это будетъ дѣло. Газетный аппаратъ въ Россіи основательно разбитъ. Не только въ области типографской техники, но и въ чисто литературной сферѣ русская журналистика представляетъ собою руины. Въ Сов. Россіи существовала только партійно-казенная печать и совершенно отсутствовала пресса независимая и свободная, зарубежныя русскія газеты, объединивъ вокругъ себя часть старой гвардіи, въ общемъ понизили уровень развитія и высоту традицій добольшевистской русской журнилистики. Старые магикане газетнаго труда — частью разстрѣляны, частью одряхлѣли и вышли въ тиражъ, частью — оставили журналистику какъ профессію, частью — «продали шпагу свою» и служатъ мамонѣ большевизма. Новыхъ силъ пока почти не выдвинулось, а то, что выдвинулось, за рѣдкимъ, опять таки, исключеніемъ въ малой степени заслуживаетъ вниманія. Придется создавать новые кадры газетныхъ работниковъ, что вещь не легкая, не скоро достижимая, но возмож-

ная. Застала же революція 1917 г. многія газеты, особенно провинціальныя, съ разношерстнымъ, не дифференцировавшимся составомъ сотрудниковъ. Скоро, однако, создались болѣе или менѣе однородныя по составу редакціи газетъ революціоннаго періода, куда были привлечены свѣжія силы. Въ мартѣ 1917 г. въ составѣ редакціи «Одесскаго Листка», газеты нѣсколько лѣтъ уже ведшей «кадетскую» линію, оказалось очень мало к.-д., но, зато, рядъ соціалистовъ разныхъ оттѣнковъ и одинъ крайне-правый. Редактору этой газеты пришлось разстаться съ инакомыслящими сотрудниками, привлекши къ работѣ нѣсколькихъ представителей профессуры и студенческой молодежи. Первые шаги были нелегкими, но дѣло, все же, удалось наладить. Это не парадоксъ, что въ провинціи гораздо легче было найти профессіонально подготовленнаго писателя-соціалиста, чѣмъ писателя-кадета. И до, и во время революціи распространеніе имѣли больше газеты крайне-лѣваго толка, заигрывавшія съ публикой и потакавшія ей. Читатель любилъ рѣзкое и дерзновенное «ниспроверженіе основъ», цѣнилъ рѣзко-оппозиціонный «перчикъ». Южная провинція знала двѣ особенно вліятельныя и распространенныя газеты «Одесскія Новости» и «Кіевскую Мысль», которыя, пе взирая на различіе своего удѣльнаго вѣса, одинаково потворствовали крайне лѣвымъ теченіямъ. Въ «Кіевской Мысли» постепенно было захвачено вліяніе с.-д. меньшевиками и интернаціоналистами, придавшими этой типично «буржуазной» по облику издателей и части сотрудниковъ газетѣ боевой соціалистическій характеръ. Это имѣло успѣхъ, рынокъ реагировалъ повышеніемъ розницы — и «углубленіе революціи» велось полнымъ ходомъ. «Одесскія Новости» имѣли линію болѣе извилистую и мѣняющуюся, сильно подверженную колебаніямъ политическаго вѣтра: за короткій промежутокъ времени газета эта была германофильской и антантофильской, сіонистической, соціалистической, украинско-самостійнической и т. д. «Эволюціи» эти находились въ прямомъ соотвѣтствіи съ колебаніями въ настроеніяхъ капризной и измѣнчивой въ своихъ вкусахъ мелкой и средней буржуазіи одесскаго района. Рекордъ доходящаго до граціи хамелеонства побитъ былъ, однако, кіевской газетой «Послѣднія Новости» (ничего общаго не имѣетъ съ одноименной газетой, издающейся въ Парижѣ). Этотъ ходкій органъ бульварнаго типа мѣнялъ свои взгляды и «платформы» съ быстротой и ловкостью престижитатора. Власти смѣнялись на Югѣ Россіи часто и порою — неожиданно, но кіевскія «Послѣднія Новости» всегда поспѣвали за всяческими перемѣнами. При томъ же фактическомъ редакторѣ и при томъ же составѣ сотрудниковъ эта кіевская газета горячо и пылко германофиль-

ствовала во время нѣмецкой оккупаціи, поддерживала Антанту (при появленіи французскаго флота въ Черномъ морѣ), поддерживала Добровольцевъ (когда Доброармія укрѣплялась въ кіевскомъ районѣ) и славословила украинскихъ самостійниковъ (при захватѣ Кіева петлюровцами). Эти вольты производились безо всякаго стѣсненія, такъ сказать — при всемъ честномъ народѣ. Вчера только въ рядѣ статей и замѣтокъ кіевскія «Послѣднія Новости» съ пыломъ и жаромъ отстаивали носительницу національно-государственной идеи — Добровольческую Армію, героически стремящуюся возсоздать единую Россію, а завтра — буквально завтра — и на томъ же мѣстѣ появлялись проклятія по адресу добровольцевъ и льстивыя словеса по адресу Петлюры, пришедшаго, наконецъ, освободить родной край отъ поработителей из стана «единой Россіи». Существуетъ опредѣленное объясненіе этихъ явно-развратныхъ и циничныхъ «эволюцій», но врядъ ли удастся документально доказать ихъ мотивы и происхожденіе, въ виду несохранности отчетовъ бюро пропаганды австро-германской, французской, добровольческой, петлюровской и т. д.

Русская печать до большевизма была, въ общемъ, мало развращена, продажность убѣжденій клеймилась и въ ней не прививалась. Отъ самаго общественнаго мнѣнія нашего въ значительной степени зависитъ и сохраненіе въ будущемъ этого характера неподкупности русской печати. Читатель обычно очень консервативенъ въ своей привязанности къ данной газетѣ, съ которой его часто связываетъ больше привычка, чѣмъ общность мнѣній и вкусовъ. Послѣ большевиковъ всѣ русскія газеты будутъ новыми, не будетъ такихъ, къ которымъ привыкли настолько, что ругаютъ, но все же читаютъ ихъ. Отъ интеллигентнаго читателя и будетъ зависить поддерживать честную и независимую газету симпатичнаго ему направленія, игнорируя и даже бойкотируя газету, проповѣдующую взгляды, признаваемые имъ вредными или навѣянными сторонними соображеніями, не слишкомъ идеальнаго свойства. До сихъ поръ русскіе обыватели сдавали свои объявленія, не считаясь съ направленіемъ газеты, въ которой они появлялись. Теперь, убѣдившись на горькомъ опытѣ, къ чему приводитъ систематическая проповѣдь газетами разрушенія основъ государственнаго и экономическаго строя, русское купечество, промышленники, банки, домовладѣльцы и т. д. должны непремѣнно вносить элементъ сознательности и въ выборѣ газеты, въ которую ими сдаются ихъ объявленія. Другимъ вѣрнымъ способомъ поддержки газеты надлежащаго направленія является пріобрѣтеніе ея не въ розничной продажѣ, а—путемъ непосредственной подписки въ конторѣ данной газеты. Этимъ путемъ не только сохраняются за газетой тѣ отчисленія — не

менѣе 25% — которыя дѣлаются перепродавцамъ въ розницу, но и дается возможность газетѣ создать себѣ стабильный и твердый бюджетъ, благодаря регулярному поступленію подписной платы въ опредѣленные календарные сроки.

Революція создала газеты — эфемериды, новыя періодическія изданія росли, какъ грибы, исчезали они часто быстро и неожиданно. Районъ сбыта газетъ въ періодъ гражданской войны все сужался — вслѣдствіе постепеннаго сокращенія территоріи, не подвластной большевикамъ, — доставка газетъ, благодаря разстройству сообщеній, становилась сугубо не регулярной. Все это заставляло отказываться отъ подписки и предпочесть покупку отдѣльныхъ №№. Но до 1917 г. такія газеты, какъ «Русское Слово», «Биржевыя Вѣдомости», «Русскія Вѣд.», «Рѣчь», «Южный Край» и т. д. имѣли значительную часть своей обширной аудиторіи, особенно въ провинціи, изъ постоянныхъ подписчиковъ, годовыхъ или помѣсячныхъ.

IX

Армія.

До войны 1914 г. отношеніе прогрессивныхъ круговъ къ арміи было скорѣе прохладнымъ. Очень ужъ сильна была антипатія къ военно-политической позиціи царскаго режима.

Армія императорскаго періода не только была орудіемъ опредѣленно-агрессивной внѣшней политики, при ея помощи и содѣйствіи осуществлялась и карательная система въ политикѣ внутренней. Армія была превращена въ орудіе реакціи, надъ нею виталъ идеалъ грубаго милитаризма, ей самой порою не чужды были кастовыя традиціи и предразсудки. Армія была связана крѣпкими нитями съ царствовавшей династіей, глава которой былъ верховнымъ вождемъ арміи, а его ближайшіе родственники — занимали главнѣйшіе въ арміи административные посты. Обстоятельство это спаивало армію съ династіей, сближая интересы династіи съ интересами высшаго офицерства.

Все это вмѣстѣ взятое въ значительной степени заслоняло роль арміи, какъ одного изъ устоевъ государственности и великодержавности, какъ защитницы неприкосновенности территоріи, охранительницы границъ, поборницы національной независимости.

Патріотическій подъемъ, охватившій страну съ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Германіи видоизмѣнилъ и отношеніе къ арміи. Въ ней стали видѣть одинъ изъ основныхъ элементовъ защиты страны, стали цѣнить ея сѣрыхъ героевъ, стали работать надъ облегченіемъ ея тяжелой, подчасъ—технически непосильной задачи.

Цѣли у арміи, начиная съ 1914 г., стали болѣе ясными и болѣе близкими прогрессивной общественности; основная задача арміи — отраженіе внѣшняго врага и защита родной территоріи — была всѣмъ понятна. Смущалъ все еще реакціонный характеръ военнаго министерства и большинства высшаго команднаго состава, но, если не умомъ, то сердцемъ русское общество было всецѣло вмѣстѣ съ русской арміей. На поляхъ Галиціи, на высотахъ Карпатъ, въ Восточной Пруссіи и на Кавказѣ, всюду, гдѣ русская армія защищала достоинство и честь Россіи, духовно съ нею была и лучшая часть русскаго общества. Общественныя усилія къ облегченію ратнаго подвига арміи, вся работа по мобилизаціи промышленности и приспособленію ея къ нуждамъ арміи — говорятъ сами за себя. Характерно, что и первымъ лозунгомъ революціи 1917 г. было — облегченіе побѣды, сверженіе стараго режима — ради снятія препонъ, нависшихъ надъ порывами арміи къ побѣдѣ. Страданіе арміи, нехватка въ ея снабженіи и оборудованіи, бюрократически бездарный строй ея управленія, ненадежность части высшаго командованія — все это было стимулами къ ниспроверженію сгнившаго и обанкротившагося строя. Анти-правительственная агитація въ арміи, естественно, питалась бездарностью, тупостью и слѣпотой петербургской бюрократіи. Агитаторамъ не было нужды въ измышленіи фактовъ, характеризовавшихъ старую власть, факты эти были извѣстны всякому въ арміи, которая собственнымъ горбомъ и кровью дошла до осознанія преступно-небрежнаго отношенія самодержавія къ жизненнымъ интересамъ арміи и страны. Въ 1905 г. революція не удалась, т. к. армія стояла въ сторонѣ отъ нея, была ей чужда и, даже, враждебна; въ 1917 г. революція творилась во имя защиты арміи и при ея явномъ сочувствіи, а, порою, и участіи. Значительная часть офицерства, являясь отпрыскомъ интеллигенціи страны, радостно и сочувственно — встрѣтила февральскій переворотъ. Вѣрилось въ возможность добиться мира черезъ побѣду, но искусственное усиленіе большевиками всеобщаго развала и использованіе нѣмецкими агентами состоянія усталости страны — привело къ миру похабному, къ миру во что бы то ни стало, къ ускоренію мира на фронтѣ ради ускоренія захвата земли внутри страны. Въ солдатской массѣ пробудили звѣря, деморализація ея была доведена до логическаго конца, солдатчина подняла руку на офицерство, на интеллигентовъ въ офицерскихъ шинеляхъ, которыхъ большевики огульно выдаваза «буржуевъ» и «старорежимниковъ». Солдатская вольница, своей хулиганщиной и своимъ дикимъ разгуломъ, снова оттолкнула отъ арміи общественныя симпатіи, столь сильно, казалось, спаянныя въ періодъ революціонной весны. Солдат-

ская опричина, безсмысленно-жестоко расправлявшаяся съ офицерствомъ, перенесла на послѣднее едва ли не всю сумму симпатій общества. Во время августовскаго наступленія 1917 г., сотнями офицерскихъ жизней было заплачено за попытку вызвать порывъ въ солдатской массѣ и снова возродить ее, какъ боевую силу. Неудача этой попытки только еще болѣе ярко освѣтила всю красоту подвига офицерскаго состава арміи, столь беззавѣтно храбро проявившаго свой пламенный патріотизмъ.

Этотъ свой ореолъ офицерство принесло и въ дѣло организаціи силъ для вооруженаго отпора большевизму. Руководимое такими славными вождями, какъ М. В. Алексѣевъ, Л.Г. Корниловъ, ген. Калединъ, А. И. Деникинъ, С. Л. Марковъ и нѣкоторые другіе, офицерство внесло много идеализма, патріотизма, гражданской выдержки и въ первыя фазы противобольшевистскаго отпора. Только впослѣдствіи у мудрой головы и здороваго тѣла анти-большевистской арміи появился длинный хвостъ—классово-настроенныхъ людей, который много повредилъ успѣху всего дѣла. Не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію, что именно это «соціальное сопровожденіе» — по выраженію П. Н. Милюкова — бѣлыхъ армій было одной изъ многихъ причинъ ихъ гибели. Первоначально въ героическій періодъ борьбы, въ легендарную пору кубанскихъ походовъ, въ арміи были сильны освободительные и демократическіе идеалы. Съ теченіемъ времени эти традиціи, привитыя рыцарями долга, каковыми были ген. Алексѣевъ, Корниловъ и Деникинъ, стали вывѣтриваться. Комплектованіе арміи сперва по добровольческому принципу, а впослѣдствіи по мобилизаціи, не давали возможности въ какой бы то ни было степени «процѣживать» составъ арміи. Люди добровольно шли — часто на вѣрную смерть, соглашаясь, не взирая на чины и боевой стажъ, идти въ походъ въ качествѣ простыхъ рядовыхъ — можно ли было при подобныхъ условіяхъ даже помышлять о какомъ бы то ни было «фильтрѣ». Когда же принципъ добровольчества былъ замѣненъ призывомъ по мобилизаціи — отпала всякая возможность «подбора» состава арміи. Постепенно качественный составъ освободительной антибольшвепстской арміи сталъ ухудшаться.

Трагическій ходъ русской исторіи, гримасы гражданской войны — привели къ тому, что создалось двѣ русскихъ арміи — красная и бѣлая. Въ составѣ той и другой не мало преданныхъ Россіи патріотовъ, многіе изъ которыхъ всемѣрно старались послужить родинѣ.

Взаимоотношенія красной и бѣлой русской арміи — большой, трагическій вопросъ, споры о которомъ еще далеко не «взвѣшены судьбою». Не подлежитъ сомнѣнію, что въ выс-

шемъ бѣломъ командованіи временъ Деникина — Романовскаго усвоили чрезмѣрно ригористическій и прямолинейный взглядъ на всѣхъ, служившихъ въ красной арміи. Военный судъ надъ взятыми въ плѣнъ офицерами красной арміи, третированіе плѣнныхъ, многіе изъ которыхъ сдавались добровольно и сознательно, частые случаи разстрѣловъ ихъ по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ — все это зря сгущало атмосферу, обостряло отношенія, вызывало излишнее раздраженіе. Исключая горсть честолюбивыхъ карьеристовъ, изъ соображеній личнаго характера, «не признававшихъ» Алексѣева, Корнилова или Деникина, масса краснаго офицерства — и часть солдатъ — сердцемъ и душой были съ добровольцами. Нужно было найти возможность соединить тянущіяся другъ къ другу руки, но полевые суды для этого были способами ненадежными. Въ итогѣ — ожесточенная дуэль офицеровъ бѣлаго и краснаго генеральнаго штаба, закончившаяся отступленіемъ Добровольческой арміи отъ Орла до Новороссійска. Когда впослѣдствіи ген. Врангель измѣнилъ политику въ отношеніи къ служащимъ въ красной арміи, и обстоятельства измѣнились въ худшую сторону для бѣлыхъ, надзоръ большевистскихъ комиссаровъ усилился, подъ ихъ вліяніемъ стала практиковаться массовая сдача въ плѣнъ частей красныхъ для разложенія бѣлыхъ и неожиданнаго нанесенія удара имъ въ тылъ, къ моменту генеральнаго наступленія большевиковъ. Вопросъ объ отношеніи къ красной арміи и, въ особенности, къ ея командному составу, не потерялъ своей остроты и послѣ уничтоженія бѣлыхъ армій, какъ организованной силы. Нужно разъ и навсегда отказаться отъ чувства мстительности въ отношеніи всѣхъ, служащихъ «въ арміи красной звѣзды», по поэтическому выраженію хамелеонствующаго публициста генерала Носкова, — за исключеніемъ, конечно, индивидуальныхъ преступниковъ и злостныхъ предателей. Нужно, чтобы въ красной арміи не боялись ниспроверженія большевиковъ, чтобы его желали не только крестьяне-красноармейцы, мечтающіе о спокойномъ трудѣ на собственной землѣ, но и красноармейскій командный составъ, откинувъ опасенія расправъ, мести, раскассированій и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію массовое наличіе безъ вины виноватыхъ среди «малыхъ сихъ» большевистской военной организаціи; и среди командныго состава, наряду съ фанатиками коммунизма, ренегатами и оборотнями изъ карьерныхъ соображеній, имѣется, вѣдь, не мало службистовъ, подчиняющихся, не разсуждая, а также — сбитыхъ съ толку, служащихъ изъ подъ палки, изъ опасенія «всевидящаго ока» чрезвычайки, разстрѣла взятыхъ заложниками близкихъ или лишенія пайка жены и дѣтей. Открытый переходъ къ бѣлымъ при этихъ

условіяхъ — геройство, не всегда къ тому же вознаграждавшееся, даже — морально. Передъ геройствомъ нельзя не преклоняться, но нельзя требовать геройства всеобщаго, въ особенности въ странѣ, гдѣ пассивность стала національной чертой характера, гдѣ фаталистическое преклоненіе передъ обстоятельствами — едва ли не всеобщее явленіе.

Нужно отмѣтить, что вообще у насъ почему-то принято предъявлять къ арміи нѣсколько повышенныя требованія. Правда, «кому много дано — съ того много и взыщется», но нельзя забывать, что, въ государствахъ со всеобщей воинской повинностью, армія — сколокъ со страны, ея кровь и плоть. Безспорно и несомнѣнно, что грабежи, насилія, мародерство, пьянство, погромныя дѣйствія и настроенія — явленія, съ которыми надлежитъ вести самую энергичную борьбу и всячески ихъ искоренять. Отнюдь не оправдывая ихъ, нельзя, однако, не признать, что странно обвинять въ нихъ однихъ только военно-служащихъ, когда рядомъ, въ гражданскомъ обществѣ, явленія того же порядка расцвѣтаютъ махровымъ цвѣтомъ. Тяжело, конечно, что въ арміи, гдѣ было и есть столько героевъ, гдѣ не умеръ еще духъ рыцарства и жертвеннаго подвига, — сильно порою сказываются явленія рѣзко отрицательнаго характера. Но, разъ современники, не носящіе военной формы, также далеко не свободны въ массѣ отъ темныхъ инстинктовъ, отдавая дань грабежу, крыстолюбію, насилію, спекуляціи, разврату всѣхъ формъ и видовъ и т. д., то приходится нѣсколько иначе подходить къ вопросу.

Было бы неправильно утверждать, что ошибки въ области земельнаго и другихъ основныхъ вопросовъ внутренней политики явились единственной причиной неудачи бѣлаго антибольшевистскаго движенія. Но, съ другой стороны, явно впадаетъ въ иную крайность противоположное мнѣніе, сводящееся къ тому, что только ошибки военнаго характера вызвали побѣду красныхъ надъ бѣлыми и что внутренняя политика — тутъ не причемъ. Эвакуація Крыма въ 1920 г. объясняется спеціалистами въ значительной степени неудачнымъ и недостаточно продуманнымъ планомъ подготовки обороны этого полуострова. Въ теченіе всего періода вооруженной борьбы противъ большевиковъ сказывалось также и неумѣніе высшей военной власти использовать и развить помощь союзниковъ вооруженіемъ и снабженіемъ. Чтобы дать возможность Черчилямъ и Фошамъ усилить матеріальную помощь антибольшевистскимъ арміямъ, нужно было не выбивать у нихъ оружія изъ рукъ, давая козыри тѣмъ, кто велъ агитацію противъ бѣлыхъ армій, обвиняя ихъ въ реставраціонныхъ замыслахъ. Но, оставляя даже въ сторонѣ значеніе иностраннаго общественнаго мнѣнія, какъ фактора, способствующаго

анти-большевистскимъ силамъ, — и внутри Россіи общественное мнѣніе неизбѣжно оказывало значительное вліяніе на ходъ и успѣшность военныхъ операцій. Исходъ мобилизаціи, степень готовности населенія продовольствовать армію, способствованіе военной развѣдкѣ — все это, вѣдь, въ значительной степени зависѣло отъ довѣрія и симпатіи населенія.

Характерно, что сами большевики, обсуждая причины пораженія «бѣлыхъ», выдвигаютъ на первый планъ не столько вопросы чисто военные, сколько — внутреннюю политику своихъ противниковъ. Такъ, въ брошюрѣ, озаглавленной «Разгромъ Врангеля», изданной большевиками въ Харьковѣ, членъ революціоннаго военнаго совѣта южнаго фронта Гусевъ писалъ: (цитирую по большевистской газетѣ «Путь» — Гельсингфорсъ): «У Врангеля — «лучшая въ мірѣ конница», одержавшая рядъ побѣдъ надъ численно болѣе превосходной красной пѣхотой, «самое идеальное войско по силѣ удара, по маневренной гибкости», сильные офицерскіе кадры, высокія боевыя качества артиллеріи. Наконецъ, самъ Врангель — по мнѣнію Гусева — крупный военный талантъ. Что было противъ Врангеля? Многочисленная пѣхота, плохо обученная . . . слабо снабженная, къ тому же, не разъ битая врангельскими войсками . . . Малочисленная кавалерія, не вышедшая еще изъ пеленокъ партизанщины, лишенная броневиковъ и аэроплановъ. И, однако, Врангель былъ разбитъ. Былъ разбитъ потому, что, кромѣ войска, у него не было опоры. Въ моментъ наибольшихъ успѣховъ Врангеля, совѣтская власть сумѣла въ очень короткій срокъ напречь всѣ силы и выставить боеспособную армію. Въ сущности, Врангель былъ разбитъ раньше, чѣмъ пришли съ западнаго фронта освободившіяся послѣ польскаго перемирія красныя части. Повторилась обычная картина революціонной войны. Технически спаянная бѣлая армія чернаго авантюриста разбилась о самопожертвованіе революціонныхъ массъ и объ энергію революціонной власти.»

Какъ бы ни расцѣнивать этотъ «отзывъ», какъ бы ни усматривать въ немъ рьяное желаніе Гусева показать, что, несмотря на все совершенство военной организаціи въ арміи Врангеля, онъ, Гусевъ, все же ее «разбилъ», — нельзя не призадуматься надъ большевистскими указаніями на связь военныхъ успѣховъ съ отношеніемъ къ арміи населенія.

Арміи предстоитъ еще сыграть въ Россіи видную и важную роль по водворенію порядка, борьбѣ съ анархіей, охраненію государственнаго начала и національной независимости отъ покушеній, откуда бы они не исходили. Повидимому, выполненіе этой задачи не выпадетъ на долю одной только бѣлой или красной арміи, но ихъ комбинированными усиліями будетъ пройденъ многотрудный путь возсозданія Россіи. Толь-

ко, когда удастся возродить единую національную русскую армію, не бѣлую, красную или зеленую, а — идущую подъ національнымъ трехцвѣтнымъ бѣло-сине-краснымъ знаменемъ, можно будетъ быть болѣе или менѣе спокойнымъ за дальнѣйшія судьбы россійской государственности.

Армія должна быть внѣ партій и партійности, преступна, поэтому, была партійная пропаганда въ арміи, которая велась умѣренно-соціалистическими партіями еще до большевиковъ, равно какъ недопустимы и рѣчи партійнаго характера, произносившіяся въ началѣ 1921 г. въ лагеряхъ подъ Константинополемъ, въ которыхъ была расквартирована эвакуированная изъ Крыма армія, ген. Врангелемъ, считавшимъ возможнымъ передъ солдатами говорить о своихъ политическихъ противникахъ изъ анти-большевистскаго же стана въ такихъ выраженіяхъ, какъ «дрянь» и т. д.

Можно для будущаго считать незыблемо установленнымъ наличіе въ арміи прочной и разумной дисциплины. Кризисъ, имѣвшій мѣсто въ этой области, изжитъ, повидимому, окончательно. Характерно, что большевики сами отказались отъ своихъ первоначальныхъ взглядовъ на дисциплину въ арміи, доводя ее въ своихъ частяхъ до предѣловъ возможнаго. Печальной памяти приказъ № 1, всѣ эти солдатскіе комитеты въ арміи и совѣты солдатскихъ депутатовъ, съ ихъ претензіями на выборъ начальниковъ, съ ихъ вмѣшательствомъ въ распоряженія, даже — оперативнаго характера, — сослужили свою службу въ томъ смыслѣ, что наглядно показали, чего быть не должно, чего допускать никоимъ образомъ нельзя.

Вопросъ о втягиваніи арміи, какъ таковой въ активную политику, былъ не только остро поставленъ, но и практически разрѣшенъ русской революціей. Успѣхъ революціи въ значительной степени зависѣлъ отъ того, что съ первыхъ же фазъ революціи армія послужила одной изъ основныхъ ея точекъ опоры. Но тутъ активная роль арміи въ революціи не закончилась, армію стали втягивать — и, притомъ, даже безъ достаточныхъ основаній и нужды — и въ послѣдующія фазы революціоннаго движенія. Аполитичности арміи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ и, скатываясь по наклонной плоскости, армія превратилась въ своеобразныхъ преторіанцевъ революціи. Первый толчекъ въ этомъ отношеніи дали даже не большевики, а соціалисты болѣе умѣренныхъ толковъ. Эсеры и эсдеки едва ли ни съ первыхъ фазъ революціи стали вести усиленную пропаганду въ арміи, толкая отдѣльныя войсковыя части на выступленіе, вовлекая отдѣльныхъ военныхъ на различныя дѣйствія чисто политическаго характера. Волна митинговъ залила фронтъ, въ ближайшемъ тылу жизнь въ казармахъ превратилась въ сплошное митингованіе. Умѣренно-

лѣвыя не соціалистическія партіи первоначально сознательно уклонялись отъ пропаганды въ войскахъ, потомъ, считая нужнымъ хоть какъ-нибудь противостоять пропагандѣ крайнелѣвыхъ дѣлали кое-какія робкія попытки выступленій и передъ солдатской аудиторіей, но успѣха, уже конечно, не имѣли.

Помню, какъ лѣтомъ 1917 г. мнѣ привелось выступать на предвыборномъ собраніи въ одесскую городскую думу, спеціально устроенномъ для солдатъ въ громадномъ казарменномъ дворѣ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Едва ли не весь полкъ былъ выстроенъ въ обширномъ казарменномъ дворѣ, ораторы смѣнялись и излагали свои программы. Надъ возвышеніемъ, на которомъ выступали ораторы, развѣвалось красное знамя интернаціонала. Подъ этимъ знаменемъ пришлось говорить и ораторамъ, рѣзко отвергавшимъ интернаціонализмъ. Подобнаго рода рѣчь не пришлась по вкусу аудиторіи, которая сугубо шумѣла, прерывала неугоднаго оратора, едва давъ ему договорить. Въ другой разъ, въ аудиторіи, гдѣ была значительная группа раненыхъ солдатъ, оратору, не соціалисту, стали угрожать костылями собравшіеся вокругъ эстрады «распропагандированные» инвалиды войны. Легко можно себѣ представить ощущеніе оратора, всегда считавшаго себя другомъ солдатской массы, когда ему вдругъ стали угрожать избіеніемъ костылями и кто же? — раненые солдаты родной русской арміи . . .

Изъ воспоминаній выборной компаніи въ Учр. Собраніе сохранился въ памяти митингъ въ г. Николаевѣ, Херсонской губ., на которомъ многочисленные солдаты, не безъ ловкости руководимые нѣкіимъ шустрымъ большевикомъ, всячески пытались сорвать митингъ, не дать говорить кадетскимъ ораторамъ. Неожиданно большевистскія попытки сорвать митингъ вызвали отпоръ со стороны кадетскаго оратора, который, приноравливаясь къ уровню аудиторіи, ироническими репликами по адресу не въ мѣру развязнаго большевистскаго «лидера», сумѣлъ заставить аудиторію себя слушать. Тогда, по серединѣ его рѣчи, раздается возгласъ: «Товарищи, намъ тутъ дѣлать больше нечего, выйдемъ отсюда.» И, словно по командѣ, три четверти присутствовавшихъ солдатъ съ шумомъ оставили залъ собранія. Ничто не сумняшеся, ораторъ продолжалъ рѣчь, у входной двери шелъ громкій споръ, завершившійся тѣмъ, что значительная часть ушедшихъ солдатъ вернулась обратно. Ихъ встрѣтили аплодисментами, а, по окончаніи рѣчи «буржуазнаго» оратора, среди аплодировавшихъ ему было и не мало солдатъ. Значитъ, при извѣстной настойчивости и смѣлости, можно было заставить себя слушать и не соціалистическимъ ораторамъ . . .

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлались попытки на первыхъ порахъ революціи не дать развиться самовольнымъ политическимъ выступленіямъ воинскихъ частей, предпочитая, во имя сохраненія дисциплины, чтобы такого рода выступленія имѣли мѣсто скорѣе по приказу свыше, чѣмъ по самочинному поползновенію снизу. Въ началѣ марта 1917 г. на большомъ собраніи представителей различныхъ общественно-политическихъ организацій г. Одессы было рѣшено устроить «выступленіе» политическаго характера расквартированныхъ въ городѣ запасныхъ полковъ. Рѣшеніе это было принято подавляющимъ большинствомъ голосовъ, противъ него раздалось одно только возраженіе, базировавшееся на необходимости оберегать боеспособность арміи и не разлагать ее внесеніемъ политики. Всѣ ссылки на близость Одессы къ фронту, всѣ указанія на вредъ отъ подрыва дисциплины — остались безъ вниманія и встрѣчались ироническими возгласами со стороны участниковъ собранія. Было рѣшено немедленно же, ночью, командировать по казармамъ опытныхъ агитаторовъ, чтобы подготовить на утро манифестацію по городу съ красными флагами и оркестрами военной музыки. Когда объ этомъ постановленіи узнали въ штабѣ одесскаго военнаго округа (ген. Эбѣловъ и Марксъ), было рѣшено немедленно по телефону предписать всѣмъ командирамъ полковъ, всѣмъ начальникамъ военныхъ училищъ вывести свои части на революціонный парадъ, который будет принимать начальникъ штаба военнаго округа. На утро парадъ состоялся, колыхались по вѣтру красныя знамена и всѣ въ городѣ были увѣрены, что выступленіе воинскихъ частей состоялось въ обычномъ порядкѣ торжественнаго парада. Не смотря на всѣ попытки штаба одесскаго военнаго округа держать въ своихъ рукахъ революціонныя дѣйствія солдатской массы, скоро, однако, стали имѣть мѣсто выступленія самочинныя, отнюдь не въ субординаціонно-дисциплинарномъ порядкѣ проводимыя.

Такъ было въ арміи, почти такъ же обстояло дѣло въ черноморскомъ флотѣ. Первоначально адм. Колчаку и его сотрудникамъ удалось поддержать дисциплину среди черноморцевъ. Матросы повѣрили искреннему присоединенію большинства офицеровъ къ лозунгамъ революціи и это въ не малой степени способствовало сохраненію дисциплины во флотѣ. И въ первые мѣсяцы послѣ революціи черноморскій флотъ несъ береговую охрану и, вообще, выполнялъ всѣ свои, диктуемые войной съ Турціей, обязанности. Насколько популярна была въ публикѣ эта одновременная преданность матросовъ-черноморцевъ воинскому духу и революціи можетъ послужить слѣд. эпизодъ. На какомъ-то митингѣ въ Одессѣ

одинъ изъ ораторовъ неосторожными выраженіями вызвалъ шумное неудовольствіе значительной группы присутствовавшихъ. Всѣ попытки предсѣдателя собранія возстановить порядокъ и дать возможность продолжать пренія не приводили ни къ какому результату. Предсѣдательскій колокольчикъ взывалъ къ спокойствію до тѣхъ поръ, пока не былъ сломанъ. Оставалось только закрыть собраніе, но тутъ предсѣдателю на глаза попались два скромно сидѣвшихъ на галлереѣ матроса-черноморца. Достаточно было на нихъ обратить вниманіе собранія, какъ всѣ встали и устроили шумную овацію матросамъ, подчеркивая тѣмъ самымъ свое уваженіе передъ стойкими воинами, являющимися въ то же время и стойкими революціонерами. Эта овація матросамъ отвлекла вниманіе собравшихся отъ предыдущаго инцидента и митингъ благополучно продолжался, закончившись въ сознаніи необходимости всячески способствовать соблюденію дисциплины и воинскаго долга въ частяхъ арміи и флота.

Скоро, однако, и изъ среды матросовъ черноморскаго флота стали выдѣляться бурливые и крикливые элементы. При этомъ въ матросахъ еще, пожалуй, больше чѣмъ у солдатъ сказывалось ухарство, разухабистость, развинченность и, порою, истеричность. На митингахъ стали выступать матросы съ крайне-лѣвыми рѣчами, имѣли мѣсто случаи убійствъ флотскихъ офицеровъ, а также звѣрскихъ расправъ съ арестованными «буржуями». Совѣты матросскихъ депутатовъ начинаютъ играть все болѣе видную роль, отдѣльные матросы становятся вожаками совѣтской демагогіи и т. д. Многіе матросы, сами особенно жадные при награбленіи чужого имущества, именуемаго то «реквизиціей», то «конфискаціей», то «изъятіемъ излишковъ», — сами особенно щедрые при надѣленіи дамъ своего сердца всевозможными подарками за чужой счетъ, — почему-то проявляютъ особенную прыть при борьбѣ съ буржуазіей, при взысканіяхъ съ нея всяческихъ «обложеній» и т. д. Стоявшія на одесскомъ рейдѣ военное судно «Синопъ» и яхта «Алмазъ» были пугаломъ, средствомъ и мѣстомъ террора, истинной притчей во языцѣхъ. Туда свозили арестованныхъ, тамъ производили надъ ними расправы, оттуда раздавались угрозы обстрѣла города въ случаѣ неисполненія малѣйшаго «распоряженія» совдепа или ревкома, оттуда и происходилъ артиллерійскій обстрѣлъ города. Нужно попутно отмѣтить героическую и безконечно тяжелую роль офицеровъ на этихъ судахъ, фактически находившихся въ рукахъ разнузданной матросской черни. На «Синопѣ» командиромъ былъ ст. лейтенантъ Рыбалтовскій, человѣкъ умѣренныхъ взглядовъ, сохранявшій власть только потому, что во всѣ острые моменты, отвѣдавъ бутылку коньяку, храбро объ-

являлъ себя лѣвѣе всѣхъ, анархистомъ и т. д. Это дѣйствовало на матросовъ, признававшихъ на себѣ власть командира, который, де, былъ лѣвѣе даже самыхъ лѣвыхъ соціалистовъ. Матросы «Синопа» вздумали какъ-то снести бомбардировкой аристократическую Маразліевскую ул. подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ живутъ «жирные буржуи». Большихъ трудовъ ст. лейтенанту Рыбалтовскому стоило отговорить матросовъ отъ выполненія ихъ плана и убѣдить ихъ направить наведенныя уже орудія на кладбище и окружающіе его пустыри. Нужно было много выдержки и силы воли, чтобы умудряться охранять городъ и его жителей отъ хулиганскихъ обстрѣловъ, сохраняя въ то же время авторитетъ и среди не знавшихъ удержу и осатанѣвшихъ матросовъ. Впослѣдствіи старшій лейтенантъ Рыбалтовскій былъ въ Москвѣ разстрѣлянъ большевиками, если не ошибаюсь — по дѣлу національнаго центра (Н. Н. Щепкина, К. К. Черносвитова и др.). Старшимъ офицеромъ на «Алмазѣ» былъ лейтенантъ Коростовцевъ, состоявшій въ то же время начальникомъ штаба береговой обороны Одессы. И этотъ офицеръ проявилъ много такта, выдержки и упорства ради смягченія «ндрава» матросовъ, огражденія жителей отъ ихъ насилій, отвлеченія вниманія наиболѣе опасныхъ по своей жестокости матросовъ и т. д. Нужно было имѣть желѣзную волю и сильный характеръ, чтобы удержаться на стражѣ защиты общественныхъ интересовъ среди разыгравшейся вакханаліи страстей, хулиганства и насилій. Несмотря на громадное напряженіе, лейтенантъ Коростовцевъ до конца оставался на своемъ посту, безкорыстно защищая, въ предѣлахъ доступнаго, человѣческую жизнь и чужое имущество. А сколько такихъ безвѣстныхъ Коростовцевыхъ и Рыбалтовскихъ было среди офицеровъ морскихъ и сухопутныхъ! Сколько погибло ихъ въ борьбѣ съ разнузданной и ничѣмъ больше не сдерживаемой массой...

Революція усилила и углубила тотъ процессъ деморализаціи арміи, который началъ намѣчаться болѣе или менѣе явственно уже во второй половинѣ войны. Безпрерывными мобилизаціями призывались подъ ружье буквально милліоны людей, на фронтъ изъ за нехватки снаряженія и вооруженія, отправлялась только незначительная часть мобилизуемыхъ, громадная часть которыхъ буквально изнывала отъ бездѣлія въ тылу. Мобилизаціи привели къ тому, что отъ 10% до 12% всего мужского населенія оказалось оторванными отъ производительнаго труда. Въ тыловыхъ центрахъ скоплялись десятки тысячъ бездѣйствовавшихъ солдатъ. Мартъ 1917 г. засталъ въ атмосферѣ лѣни и ничего не дѣланія многотысячное населеніе казармъ, революція присоединила къ разврату бездѣлія развратъ превратно понятой свободы. Людямъ, отвык-

шимъ отъ трудовой дисциплины, зараженнымъ тыловыми настроеніями, «митингованіе» пришлось особенно по вкусу. Участіе въ комитетахъ, совѣтахъ и т. д. стало способомъ заполненія безконечныхъ досуговъ. Въ тылу, развращенномъ долгими мѣсяцами ожиданія и прозябанія безъ дѣлъ въ опостылѣвшихъ казармахъ, скоро сталъ появляться духъ революціоннаго преторіанства.

Разложеніе русской арміи было началомъ разложенія и распада Россіи, русской государственности и державности. Разложеніе арміи не было важно только какъ гибель одной изъ главнѣйшихъ пружинъ въ государственномъ механизмѣ, оно явилось толчкомъ распада всего этого организма. Обстоятельство это заставляетъ многихъ призадумываться надъ вопросомъ о томъ, что могло бы удержать армію и, слѣдовательно, страну отъ распада. Возможно, что, будь предвидѣна заранѣе непосильность ноши, усталость народа, его нетерпѣніе съ разрѣшеніемъ внутреннихъ задачъ и врачеваніемъ внутреннихъ болячекъ — можно было постепенно подготовить выходъ Россіи изъ круга воюющихъ, безъ нанесенія союзникамъ неожиданнаго удара. П. Н. Милюковъ, одинъ изъ стойкихъ защитниковъ необходимости продолженія войны, произвелъ громадное впечатлѣніе на одномъ изъ к.-д. совѣщаній въ Кіевѣ въ 1918 г., сообщивъ съ присущей ему полной искреностью и откровенностью, что онъ считаетъ теперь ошибкой отсутствіе у Вр. Правительства силы воли громко заявить въ первой половинѣ 1917 г. о невозможности для Россіи дальше продолжать войну. Это заявленіе министра иностранныхъ дѣлъ Вр. Правительства, яраго «жюскабуциста», обвиненнаго недавно только «революціонной демократіей» въ имперіализмѣ и милитаризмѣ, заставляетъ сильно призадуматься. Вѣдь если у руководителей революціонной власти еще въ началѣ 1917 г. являлись сомнѣнія и сверлило мозгъ сознаніе невозможности сохраненія русскаго фронта, то не лучше ли было бы раскрыть глаза странѣ и ея союзникамъ, сдѣлавъ затѣмъ, осторожно и мудро, всѣ соотвѣтствующіе выводы?

XII

Мѣстное самоуправленіе.

Революція застала въ Одессѣ городскую думу крайне праваго направленія, пользовавшуюся весьма дурной славой и въ хозяйственномъ отношеніи. До роспуска старой думы Временнымъ Правительствомъ, на ея мѣсто созванъ былъ общественными организаціями особый общественный комитетъ,

выполнявшій функціи думы. Общественный комитетъ этотъ избралъ новую городскую управу, къ которой перешло фактическое руководство всѣмъ городскимъ хозяйствомъ. Общественный комитетъ былъ учрежденіемъ громоздкимъ, очень многолюднымъ, съ текучимъ составомъ, съ хаотическими засѣданіями. Ни конституціи, ни строго опредѣленнаго устава у него не было, право делегировать представителей принадлежало «общественнымъ организаціямъ и учрежденіямъ», подъ именемъ которыхъ фигурировали почти всѣ общественныя группировки, которыя только этого хотѣли. Бюро общественнаго комитета было завалено заявленіми о допущеніи новыхъ представительствъ, приходилось всячески парировать эти домоганія, сокращать число представителей отдѣльныхъ организацій и т. д.

Бѣда заключалась еще и въ томъ, что допускались къ участію въ общественномъ комитетѣ не данные его представители, а опредѣлялось только число ихъ, замѣщеніе-же отведенныхъ мѣстъ производилось самой данной организаціей, получившей право представительства. Списки представителей каждой организаціи постоянно мѣнялись, происходили замѣщенія кандидатами, отказы и новыя делегированія и т. д. Въ итогѣ получалась пестрота и текучесть состава собранія, и безъ того многолюднаго (до 200 — 300 членовъ) и сумбурнаго. Кого только не было въ этихъ засѣданіяхъ общественнаго комитета: представители политическихъ, національныхъ, профессіональныхъ, сословныхъ, раіонныхъ, классовыхъ, благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и прочихъ организацій. Делегаты приказчиковъ, врачей, инженеровъ, ветеринаровъ, старообрядцевъ, караимовъ, судейскихъ, военныхъ, рабочихъ, предпринимателей, акушерокъ, зубныхъ врачей и т. д. спѣшили принять участіе въ преніяхъ общественнаго комитета. Все это создавало изрядную безтолочь и сумбуръ, продолжавшіеся до избранія новой думы, по закону Вр. Правительства, состоявшагося лѣтомъ 1917 г.

Въ теченіе первыхъ полутора лѣтъ революціи мнѣ привелось быть гласнымъ одесской городской думы. Подавляющее большинство членовъ этой думы было соціалистическое, выборы происходили въ атмосферѣ демагогіи, въ нихъ принимала участіе и случайно оказавшаяся въ городѣ воинская часть, изъ числа разложившихся и деморализованныхъ. Главенствующей въ думѣ фракціей были с.-р., которые съ теченіемъ времени разложились на рядъ группъ болѣе лѣваго (большевиствующаго) и болѣе праваго оттѣнка (трудовая группа). Коалиціоный принципъ проводился думой все почти время ея существованія. Значительную роль въ думской жизни игралъ такъ называемый сеньоренъ-конвентъ, совѣтъ дум-

скихъ старѣйшинъ, подъ именемъ которыхъ разумѣли — молодыхъ, по большей части, — представителей думскихъ фракцій. Въ этомъ «совѣтѣ старѣйшинъ» намѣчалась повѣстка засѣданій, сговаривались по поводу различныхъ выборовъ, намѣчались резолюціи, дѣлались попытки соглашеній.

Еще до открытія думы, господствующая фракція с.-р. предложила к.-д. работать на коалиціонныхъ началахъ, причемъ к.-д. было удѣлено 2 мѣста членовъ управы, званіе товарища предсѣдателя, а впослѣдствіи и предсѣдателя городской думы, а также — постъ главнаго городского контролера. Наличіе контрольнаго органа въ рукахъ оппозиціи представлялось шагомъ принципіально правильнымъ. Фракціи к.-д. удалось провести черезъ думу выработанное ею положеніе о реформированномъ городскомъ контролѣ, причемъ главный городской контролеръ отнынѣ подчинялся не городскому головѣ, предсѣдателю контролируемой управской коллегіи, а — предсѣдателю ревизіонной комиссіи. Контроль и началъ работать совмѣстно съ ревизіонной комиссіей, ставъ учрежденіемъ независимымъ и свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и критикѣ. Новая городская дума, избранная въ 1919 г., по духу оппозиціи думѣ 1917—1918 г., раскассировала учрежденный ею контроль, вновь подчинивъ его городскому головѣ и сведя тѣмъ на нѣтъ одну изъ немногихъ цѣлесообразныхъ реформъ хозяйственнаго характера, проведенныхъ въ жизнь первой думой всеобщаго избирательнаго права.

Дума сравнительно мало занималась вопросами хозяйственнаго характера, едва-ли не все ея вниманіе отвлекали и привлекали событія политическаго свойства. Безконечныя по числу смѣны власти на югѣ, естественно, находили откликъ въ думѣ, которая считала своимъ долгомъ отзываться на всѣ главнѣйшія политическія перемѣны. Одесса переходила многократно изъ рукъ въ руки, каждая новая власть дѣлала надъ городомъ свои эксперименты, критика и оцѣнка которыхъ дѣлались въ городской думѣ. Австрійцы, гетманская власть, большевики, французы, добровольцы и т. д., всѣ находили ту же думу на своемъ посту мѣстнаго парламента.

Опредѣленно анти-большевистское думское большинство, за исключеніемъ малочисленной фракціи к.-д. прохладно относилось къ власти Добровольческой арміи. Не становясь ей въ открытую оппозицію и порою маскируя даже свое къ ней отрицательное отношеніе, думское большинство неизмѣнно придерживалось формулы «ни Деникинъ, ни Ленинъ». Приходъ въ Одессу добровольцевъ лѣтомъ 1919 г. сопровождался печальнымъ эпизодомъ, не мало содѣйствовшимъ охлажденію отношеній думы къ добровольческой власти. Членомъ одес-

ской городской управы по водопроводному отдѣленію былъ молодой инженеръ Ф. С. Бернфельдъ, правый с.-р., человѣкъ мягкой души, большого идеализма и честности. Оставшись и при большевикахъ на стражѣ охраны город. хозяйства и состоя «комиссаромъ городского водопровода», Ф. С. Бернфельдъ не скрывалъ своего рѣзко-отрицательнаго отношенія къ большевикамъ и среди группы своихъ единомышленниковъ былъ однимъ изъ немногихъ, съ нетерпѣніемъ ждавшихъ прихода добровольцевъ. Въ день занятія Одессы небольшимъ добровольческимъ авангардомъ, мимо квартиры Ф. С. Бернфельда проходило два офицера, которые хотѣли реквизировать стоящую у подъѣзда пролетку, служившую для поѣздокъ на водопроводную станцію. Кучеръ возражалъ противъ возможности этой реквизиціи, указывая, что пролетка принадлежитъ комиссару водопровода. Этотъ «титулъ» побудилъ офицеровъ явиться на квартиру Ф. С. Бернфельда и объявить его арестованнымъ. Обращеніе къ Ф. С. Беренфельду на ты, грубое третированіе его, какъ большевика, вызвали со стороны арестованнаго нервныя реплики. Когда въ город. управѣ стало извѣстно объ арестѣ Ф. С. Бернфельда, къ военнымъ властямъ явились заслуживающія ихъ довѣрія лица, чтобы засвидѣтельствовать лойяльность и ярый анти-большевизмъ арестованнаго. Но было уже поздно: Ф. С. Бернфельдъ былъ застрѣленъ и трупъ его, кѣмъ то даже ограбленъ. Назначенное разслѣдованіе такъ и не выяснило деталей этого трагическаго происшествія, но самый фактъ его произвелъ не только на думу, но и на мѣстную интеллигенцію тягостное впечатлѣніе. По городу пошли разговоры, «обобщающаго» характера, подчеркиваніе того, что убитъ именно членъ лѣвой город. управы, соціалистъ, да къ тому же — еврей. Мягкая, милая улыбка всепрощенія скромнаго и застѣнчиваго Ф. С. Бернфельда, этой безвинной жертвы гражданской войны, неизмѣнно вспоминалась его друзьямъ, когда у его могилы началась опредѣленная политическая пропаганда . . .

Но не только вихрь политическихъ событій отвлекалъ думу отъ занятія чисто хозяйственными вопросами. Въ думѣ было много людей случайныхъ, чуждыхъ интересамъ города и не связанныхъ съ ними. Эту категорію гласныхъ хозяйственные вопросы мало интересовали. Посѣщаемость думскихъ засѣданій была не слишкомъ усиленная. Гласныхъ изъ пригородныхъ селеній останавливала часто отъ явки въ думу дальность разстоянія и невозможность послѣ засѣданія добраться домой. Гласные изъ болѣе близкихъ окраинъ города спѣшили пуститься въ обратный путь часто въ самый разгаръ засѣданія, начало которыхъ было хронически неаккуратнымъ изъ за длительныхъ предварительныхъ фракціон-

ныхъ совѣщаній и частныхъ запаздываній. Городъ вечеромъ почти не освѣщался, имѣли мѣсто грабежи, зачастую раздавалась стрѣльба — многимъ, въ томъ числѣ и женщинамъ-гласнымъ — была неохота ходить въ такихъ условіяхъ въ думу. Назначенію-же дневныхъ засѣданій препятствовали профессіональныя или служебныя занятія гласныхъ. Гласные-интеллигенты зачастую лишены были возможности вникать въ опредѣленные сложные вопросы городского хозяйства съ его многомилліоннымъ бюджетомъ, такъ какъ вниманіе все время отвлекалось калейдоскопомъ событій. Помнится, какъ мнѣ такъ и не удалось закончить порученнаго мнѣ обревизованія отчетности мѣстной милиціи: когда я явился въ зданіе милиціи за справками, оно оказалось уже занятымъ большевиками, продѣлавшими очередной переворотъ, а затѣмъ, когда большевиковъ временно не стало, милицію расскассировали, изъявъ изъ вѣдѣнія городского самоуправленія и самую заботу о полиціи безопасности.

Городская дума нѣсколько разъ подвергалась досрочнымъ роспускамъ: распускали ее большевики, украинцы, австрійцы. Большевики загоняли распущенную управу и думу въ подполье, откуда онѣ выходили съ очереднымъ уходомъ большевиковъ. Украинскій комиссаръ Коморный распустилъ думу при торжественной обстановкѣ, назначивъ довольно таки правый составъ управы, который, подъ давленіемъ обстоятельствъ, вынужденъ былъ снова уступить мѣсто прежнимъ думскимъ избранникамъ. Не взирая на роспускъ думы, гласные собрались на засѣданіе и были арестованы. Австрійцы, взбѣшенные постоянной оппозиціей думы, распустили ее, послѣ чего начались хлопоты о возстановленіи думы въ правахъ, причемъ въ числѣ хлопотавшихъ были и не сторонники думскаго большинства, не считавшіе, однако, возможнымъ примириться съ насильственнымъ роспускомъ думы оккупантами. Послѣ длительныхъ переговоровъ удалось сговориться съ австрійскими властями на компромиссѣ: дума возстанавливается въ правахъ, но избираетъ новую управу, не соціалистическаго и чисто дѣлового уклона. Гласные соціалисты воздержались отъ выборовъ новой управы, составъ которой былъ намѣченъ и проведенъ «буржуазными» фракціями, преимущественно к.-д. Городскимъ головой былъ избранъ ген. А. С. Санниковъ, впослѣдствіи начальникъ снабженія Добровольческой арміи и главноначальствующій Одессы и ея раіона.

Любопытно, что гетманское правительство не сочло возможнымъ стать на точку зрѣнія необходимости охраны думы отъ посягательствъ на нее со стороны оккупантовъ. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и посланной въ Кіевъ думской

делегаціи, министерство Ф. А. Лизогуба послало въ Одессу для ознакомленія на мѣстѣ съ обстоятельствами роспуска думы державнаго секретаря И. А. Кистяковскаго. Послѣдній, пріѣхавъ въ Одессу, сталъ отстаивать мысль — подсказанную правыми кругами — что нѣтъ резона возстановлять соціалистическую думу. Въ отвѣтъ на доводы представителей к.-д. фракціи, что роспускъ думы нервируетъ населеніе, не мирящейся съ произволомъ австрійцевъ, И. А. Кистяковскій выдвинулъ въ качествѣ аргумента, что нецѣлесообразно оспаривать состоявшееся рѣшеніе австрійскаго командованія, такъ какъ, де, иначе австрійцы . . . возьмутъ себѣ Одессу, согласившись на уступку Тріеста Италіи. Путемъ этого «довода» предполагалось воздѣйствовать на патріотизмъ к.-д., но представители к.-д., оказавшись не столь уже наивными и слѣпо довѣрчивыми, рѣшили иными путями добиться отмѣны роспуска думы. Путемъ непосредственныхъ переговоровъ съ австрійскимъ генераломъ фонъ-Бельцемъ, удалось выработать компромиссное рѣшеніе о возстановленіи думы при условіи отставки старой управы, причемъ, конечно, вопросъ о Тріестѣ и не подымался.

Гласные полу-интеллигенты, а такихъ было много, — имѣлись среди гласныхъ малограмотные и даже безграмотные — проявляли въ хозяйственныхъ вопросахъ узость, заботу о своей лишь колокольнѣ, полное неумѣнье возвыситься до пониманія задачъ городского хозяйства въ его цѣломъ. Порою проявлялось мелочное стремленіе къ копеечной экономіи, то, вдругъ, сказывалась непомѣрная щедрость за счетъ городского сундука въ пользу близкой или вліятельной группы населенія. Въ началѣ существованія одесской думы, избранной по закону Времен. Правительства, ею былъ рѣшенъ вопросъ о сдачѣ въ аренду городскихъ земель съ полнымъ нарушеніемъ интересовъ городской кассы, но, зато, съ необычайно внимательнымъ учетомъ пожеланій небольшой группы избирателей, которые, къ всеобщему конфузу, стали отъ себя передавать участки городской земли со значительной надбавкой въ арендной платѣ. Не менѣе скандальнымъ оказалось и думское рѣшеніе объ эксплоатаціи огородовъ на поляхъ орошенія, откуда безъосновательно изгнали опытныхъ болгаръ-огородниковъ, чтобы замѣнить ихъ новичками въ огородномъ дѣлѣ, финансово мало надежными, но . . . голосовавшими за 19№ (списокъ с.-р).

При обиліи въ составѣ думы гласныхъ, съ одной стороны, мало-интеллигентныхъ, а съ другой, мало знакомыхъ и съ мѣстными дѣлами, и съ мѣстными дѣятелями, не легко проходили всякаго рода выборы на должности, предусмотрѣнныя городовымъ положеніемъ для замѣщенія ихъ по избра-

нію городской думой. Выборы эти происходили обычно по фракціоннымъ спискамъ и по предварительнымъ междуфракціоннымъ соглашеніямъ. Не всегда, однако, дисциплина соблюдалась, не всегда и удавалось достичь соглашенія. Баллотировочные ящики часто хранили тайну многихъ выборныхъ «сюрпризовъ». Зато, партійно-политическій элементъ вносился также и въ выборы на должности, совершенно чуждыя политикѣ. При замѣщеніи даже должностей чисто хозяйственнаго характера зачастую вспыхивала острая партійная борьба, объясняемая часто тѣмъ, что, если не «лидеры», то «массы» какой-либо вліятельной фракціи просто хотѣли пристроить «родного человѣчка». Громадныхъ трудовъ стоило гласнымъ-интеллигентамъ, привыкшимъ уважать независимость суда, ослабленіе партійныхъ страстей при выборахъ мировыхъ судей. Любопытно, что для проведенія кандидатуръ нѣкоторыхъ умѣренныхъ приходилось въ частныхъ совѣщаніяхъ гласныхъ излагать «эффектный» съ революціонной точки зрѣнія формуляръ даннаго кандидата въ мировые судьи. Одинъ изъ почетныхъ одесскихъ мировыхъ судей былъ избранъ только потому, что за него, не соціалиста, голосовали гласные-сѣрячки, соблазненные изложеніемъ на частномъ совѣщаніи однимъ изъ гласныхъ к.-д. того факта, что будущаго городского судью преслѣдовали при старомъ режимѣ. Только благодаря тому, что въ 1907 г. данное лицо обвинялось въ томъ, что оно повѣсило въ 1905 г. красный флагъ надъ зданіемъ городской думы,—что, впрочемъ, не было даже подтверждено передъ судомъ судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, — въ 1917 г. это же лицо было избрано мировымъ судьей, вполнѣ, впрочемъ, заслуживая этого почетнаго избранія. Когда осенью 1917 г. новая Одесская городская дума приступила къ работѣ, ею былъ избранъ городскимъ головой старый партійный работникъ с.-р. В. Н. Сухомлинъ, человѣкъ не только чуждый городу и его интересамъ, но, по подготовкѣ, возрасту и состоянію здоровья, и не способный къ отправленію многосложныхъ обязанностей городского головы. Г. Сухомлинъ самъ скоро понялъ, что мѣсто городского головы — не по немъ, и подалъ въ отставку.

Значительнымъ препятствіемъ въ планомѣрной работѣ думы была трудность разрѣшенія вопроса о фактическомъ руководительствѣ отдѣльными отраслями городского хозяйства, имѣвшими спеціально торгово-экономическій характеръ. Люди, имѣвшіе въ этой области навыкъ и опытъ, т. е. купцы, если даже и удавалось преодолѣть вопросъ объ ихъ «буржуазности», обычно — за рѣдкими исключеніями — отказывались входить въ составъ городской управы и вѣдать хлопотливымъ продовольственнымъ или торговымъ отдѣленіями, т. к.

жалованье давалось сравнительно малое, а отвѣтственность и работа были большія. Когда-же прибѣгали къ услугамъ интеллигентовъ, представителей какой-либо либеральной профессіи, то они скоро запутывались въ тонкостяхъ чисто торговыхъ операцій, давали себя обходить контрагентамъ или служащимъ, допускали бюрократизмъ, злоупотребленія и т. д. Въ думскихъ комиссіяхъ, обсуждавшихъ вопросы торговаго характера, точно такъ-же постоянно имѣла мѣсто коллизія воззрѣній спеціалистовъ и сужденій профановъ.

Рекрутированье городскихъ служащихъ было подвержено приблизительно тѣмъ-же вліяніемъ, что руководили составленіемъ списка гласныхъ. За время революціи третій элементъ необычайно численно возросъ, но моральный его уровень и общественная закваска — сильно понизились. Чисто синдикалистическія требованія союза городскихъ служащихъ часто и во многомъ парализовали волю думы, навязывая ей опредѣленныя рѣшенія, заставляя увеличивать расходный бюджетъ, но стѣсняя въ смыслѣ сокращенія штатовъ.

Близкое сравнительно наблюденіе за ходомъ городского хозяйства за періодъ революціи показало, какъ осторожно надо подходить къ вопросамъ муниципализаціи городскихъ предпріятій. Естественно, что въ эпоху увлеченія всѣми видами соціализма, усилилась и мода на муниципальный соціализмъ, стало рости число муниципальныхъ предпріятій. Толку отъ этого для населенія было, правда, немного. Общія условія были необычайно тяжелыя, но, все-же, опытъ показалъ, что въ русскихъ условіяхъ муниципализація промышленныхъ и торговыхъ предпріятій проходитъ, въ общемъ, мало успѣшно. Причинъ тому много: тутъ и необходимость наличія болѣе гибкаго и подвижного аппарата управленія, и гнетъ бюрократизма, и трудность подобрать подходящій штатъ работниковъ, и неумѣнье совладѣть съ мѣняющимися условіями рынка и т. д. Повидимому, придется органамъ мѣстнаго самоуправленія перейти къ системѣ смѣшанной, практикуемой въ Америкѣ, гдѣ многія городскія предпріятія ведутся спеціальными акціонерными о-вами, въ которыхъ контрольный пакетъ акцій находится у городского управленія: этимъ путемъ достигается одновременно коммерчески-дѣловое веденіе дѣла, сочетаемое съ общественной защитой интересовъ населенія.

Муниципализація промышленныхъ предпріятій стала сравнительно широко практиковаться еще задолго до революціи, но только со времени революціи осуществился давнишній пунктъ всѣхъ прогрессивныхъ муниципальныхъ программъ— муниципализація полиціи. Переходъ полиціи въ вѣдѣнье городского самоуправленія былъ едва-ли не однимъ изъ первыхъ шаговъ революціи въ области городского хозяйства. По-

лиція стала именоваться милиціей, она перешла изъ вѣдомства мин-ва вн. дѣлъ въ вѣдѣнье городскихъ управленій, но лучше отъ этого охрана общественной безопасности и порядка отнюдь не стала. Напротивъ того, сохранивъ старыя повадки полиціи — взяточничество, грубость, игнорированіе закона, милиція скоро присоединила къ нимъ крайнюю безпорядочность, лѣнь, безтолковость. Не легко, конечно, въ революціонные періоды ставить на высоту полицейскую службу, но, все-же, можно было и въ дни революціи успѣшнѣе бороться съ грабежами, загрязненіемъ улицъ, безнаказанностью преступленій, которые сопровождали во всѣхъ городахъ дѣятельность «милицейскихъ». Среди чиновъ милиціи не было дисциплины, они мало чувствовали надъ собою руководящую руку, въ дѣлопроизводствѣ милиціи царилъ невѣроятный хаосъ; милицейскіе постоянно исчезали со своихъ постовъ. Содержаніе милиціи обходилось дорого городской кассѣ, а толку отъ нея было мало. На югѣ милиція просуществовала, впрочемъ, недолго, ее скоро замѣнила «державная варта» (въ гетманскій періодъ) и «государственная стража» (въ періодъ деникинскій), милиція вновь появлялась на сцену лишь въ короткія «передышки» отъ большевиковъ или въ частые на югѣ дни «междуцарствія». Нужно сказать, что и въ средѣ городкихъ дѣятелей изъятіе полиціи изъ круга компетенціи городского самоуправленія особаго сожалѣнія, въ сущности, не вызывало: очень ужъ содержаніе милиціи было обременительно для городского бюджета, слишкомъ уже хлопотливо было завѣдыванье ею, да и необычно для «штатскихъ» городскихъ дѣятелей руководительство полу-военной организаціей городской полиціи.

Большевистская группа была въ одесской думѣ не велика и мало вліятельна. Борьба съ нею велась не только «буржуазными», но и соціалистическими группами. На почвѣ изоляціи большевистскихъ и сочувствующихъ имъ гласныхъ имѣли мѣсто совмѣстныя дружныя выступленія различныхъ фланговъ думы. Не помню сейчасъ, въ точности, по какому именно острому политическому вопросу, думское большинство отклонило резолюцію фракціи к.-д., но, когда дошла очередь до голосованія резолюціи с.-р., заключавшей въ себѣ апеллированіе къ международному соціалистическому бюро, гласные к.-д. не взирая на это, высказались за нее, выбирая изъ двухъ золъ меньшее и предпочитая эту резолюцію торжеству большевистской точки зрѣнія. Большевики заранѣе предчувствуя, что голоса разобьются и что ни одна изъ предложенныхъ и направленныхъ противъ нихъ резолюцій не пройдетъ, были зѣло сконфужены поддержкой к.-д. партійно-соціалистической формулы. Вспоминается еще другой случай, когда гласные

к.-д., отстаивая допустимость пріостановки дѣйствія конституціонныхъ гарантій въ періодъ обостренія гражданской войны, оправдывали внѣсудебные аресты мѣстной администраціей большевистскихъ дѣятелей. Представитель с.-р. счелъ возможнымъ высказаться за борьбу въ административномъ порядкѣ только съ уголовными проступками большевиковъ. Такъ какъ не трудно подводить всѣ дѣйствія большевиковъ подъ уголовный кодексъ, к.-д. фракція не возражала противъ подобной постановки вопроса и, въ результатѣ, дума, къ бѣшенству большевиковъ, приняла резолюцію, оправдывающую дѣятельность администраціи.

До того, въ первый періодъ большевизма, дума, принявъ цѣликомъ запросъ фракціи партіи народной свободы по вопросу о безчинствахъ отдѣльныхъ красногвардейцевъ, высказала свое отрицательное отношеніе къ актамъ грубой незакономѣрности, совершавшимся надъ беззащитными обывателями безшабашными красногвардейцами. Подъ флагомъ борьбы со спекуляціей и съ храненіемъ оружія уголовными или контръ-революціонными организаціями, красногвардейцы, минуя, конечно, судебную власть и судебную милицію, допускали сплошное издѣвательство надъ обывателями. Помнится, что въ запросѣ к.-д., который мнѣ, какъ предсѣдателю думской фракціи к.-д., привелось обосновывать въ думѣ, приводился рядъ конкретныхъ фактовъ самаго возмутительнаго свойства, рисовавшихъ разгулъ произвола и насилія. Въ качествѣ «спекулятивнаго» товара отнималась партія икры и маслинъ, конфискуемые товары потомъ поступали въ продажу, тѣнь явныхъ злоупотребленій витала надъ всей этой «борьбой съ спекуляціей», производившейся красногвардейцами. Дума осудила эти злоупотребленія, стала на защиту правъ и интересовъ своихъ согражданъ. Но «штабъ красной гвардіи», видя въ этомъ постановленіи думы умаленіе своего достоинства, опубликовалъ въ печати слѣдующее свое, не лишенное характерности, постановленіе, текстъ котораго случайно оказался сейчасъ у меня подъ руками:

«Красная гвардія въ связи съ послѣднимъ думскимъ засѣданіемъ постановила: «Въ виду того, что въ засѣданіи гор. думы 24 с. м. кадетомъ Штерномъ было брошено тяжкое обвиненіе всей красной гвардіи, штабъ красной гвардіи сообщаетъ, что, если въ теченіе 3 дней кадетъ Штернъ не докажетъ фактическими данными взведенное имъ обвиненіе, онъ будетъ нами считаемъ, какъ клеветникъ. И если онъ говорилъ отъ имени всей партіи, то таковаго мы требуемъ отъ всей партіи. Въ противномъ случаѣ красная гвардія, какъ боевая пролетарская организація, оставляетъ за собой свободу дѣйствій и за послѣдствія не отвѣчаетъ».

Въ отвѣтъ на это «заявленіе» «штаба красной гвардіи», мною было опубликовано въ одесскихъ газетахъ письмо, которое также заключаетъ въ себѣ кое-какой матеріалъ для характеристики настроеній того времени съ его терроромъ «боевой пролетарской организаціи» и пролетарской цензурой: «Долженъ замѣтить, что въ засѣданіи одесской городской думы 24 с. м., какъ это можно видѣть изъ стенограммы, я огласилъ только опредѣленные факты, подтвержденные свидѣтельскими показаніями и данными, оглашенными уже въ печати и никѣмъ не опровергнутыми. Данныя и факты эти, касающіеся ряда обысковъ и конфискацій товаровъ и оружія, произведенныхъ лицами, сославшимися на принадлежность свою къ красной гвардіи, конечно, могутъ быть представлены мною суду, къ которому лица, считающія себя оскорбленными, могутъ обратиться. Никакихъ обобщеній относительно красной гвардіи, какъ организаціи, не было ни въ запросѣ думской фракціи народной свободы, ни въ моей рѣчи, и никакихъ обвиненій, касающихся красной гвардіи, какъ цѣлаго, не приводилось. По долгу совѣсти, я, въ качествѣ гласнаго одесской городской думы, указывалъ въ своей рѣчи на отдѣльные факты изъ дѣятельности отдѣльныхъ красногвардейцевъ, по моему глубокому убѣжденію, незакономѣрные, совершенно недопустимые съ общественной точки зрѣнія и явно дискредитирующіе революціонныя организаціи. Долженъ въ заключеніе отмѣтить, что городская дума, принявъ цѣликомъ запросъ думской фракціи партіи народной свободы, тѣмъ самымъ высказала свое отрицательное отношеніе къ оглашеннымъ въ немъ фактамъ и явленіямъ. Вотъ все, что я считаю необходимымъ сказать въ отвѣтъ на заявленіе штаба красной гвардіи. Если организація эта имѣетъ намѣреніе фактически опровергнуть сообщенное мною и представить достаточно документированное опроверженіе — я охотно оглашу его съ думской трибуны. Ибо фактическія возраженія, конечно, убѣдительнѣе указаній на оставленія за собой какой-то свободы дѣйствій и угрозъ по адресу гласнаго думы, избраннаго населеніемъ по всеобщему избирательному праву для защиты правъ и интересовъ гражданъ.

Гласный одес. город. думы С. Ф. Штернъ.»

Можно было ожидать самосуда надъ обвинителемъ красногвардейцевъ, въ отношеніи котораго красная гвардія оставляла за собою «свободу дѣйствій» и «за послѣдстія не отвѣчала». Но дѣло ограничилось на этотъ разъ запугиваніями и до физическаго воздѣйствія не дошло, правда, не безъ вліянія ряда вліятельныхъ представителей лѣваго сектора думы на главарей красной гвардіи. Не взирая на то, что дума въ цѣ-

ломъ осудила поведенiе красногвардейцевъ, «штабъ красной гвардiи» считалъ это осужденiе «кадетской интригой», но не считалъ возможнымъ «разсчитаться» съ обличавшимъ ихъ гласнымъ к.-д., что вызвало бы рѣзкое осужденiе всей думы.

Въ Одессѣ имѣла мѣсто сильная чрезполосица власти, но и въ перiоды, когда большевики воцарялись, изъ среды городскихъ дѣятелей выдвигались смѣлые ихъ обличители и противники. Пресловутый полковникъ Муравьевъ, созвавъ какъ-то въ зданiи городской думы собранiе предстаителей буржуазiи для выколачиванiя съ нея котрибуцiи, въ рѣзкой формѣ выразилъ неудовольствiе по поводу того, что въ залѣ засѣданiя отсутствуютъ представители городского управленiя. Узнавъ, что въ зданiи думы находится одинъ изъ главарей городского управленiя (правый с.-р.), Муравьевъ отдалъ приказъ привести его въ залъ. *** вводятъ, терроризированное собранiе ждетъ жестокой съ нимъ расправы, но на всѣ окрики Муравьева раздаются спокойныя; достойныя и отнюдь не робкiя реплики. Развращенный подчиненiемъ и подхалимствомъ Муравьевъ взбѣшенъ этими «дерзкими» отвѣтами и отдаетъ распоряженiе объ арестѣ ***, но впослѣдствiи, подъ напоромъ общественнаго мнѣнiя, считаетъ необходимымъ его освободить. Въ городѣ запуганные обыватели долго еще повторяли содержанiе отвѣтовъ внѣшне-тщедушнаго *** всесильному большевистскому помпадуру. Такая-же смѣлость и независимость сужденiй въ другихъ случаяхъ проявлялась гласнымъ с.-д. ***, *) интеллигентнымъ рабочимъ, представляющимъ собою рѣдкое сочетанiе преданности своей партiйной догмѣ съ широтой общихъ взглядовъ и терпимостью къ чужому мнѣнiю. У этого соцiалъ-демократа, чуждаго демагогiи и не по названiю, а органически связаннаго съ рабочимъ классомъ, находилось достаточно вдумчивости и силы, чтобы протестовать противъ тиранiи «диктатуры пролетарiата» даже въ моменты, когда диктатура эта осуществлялась и не останавливалась даже передъ репрессiями въ отношенiи рабочихъ.

Нужно совершенно откровенно признать, что первый опытъ примѣненiя всеобщаго избирательнаго права къ выборамъ городскихъ думъ оказался мало удачнымъ, чтобы не сказать совсѣмъ неудачнымъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что нужно отказаться отъ принципа всеобщности выборовъ. Законъ 1917 г. допускалъ къ выборамъ всѣхъ, случайно оказавшихся въ данномъ городѣ къ моменту составленiя избирательныхъ списковъ или передъ самыми выборами. Проходившiя воинскiя части, бѣженцы изъ сосѣднихъ, или даже

*) Фамилiи не называются, т. к. лица эти находятся въ предѣлахъ досягаемости большевиковъ.

дальнихъ губерній, оказывались обладателями избирательнаго права. Никакой осѣдлости не требовалось для избранія гласныхъ мѣстной думы, призванной рѣшать мѣстныя дѣла. Пришлые элементы, чуждые городу, приравнивались въ правахъ къ мѣстнымъ аборигенамъ, морально и матерьяльно тѣсно связаннымъ съ благополучіемъ даннаго центра. Это было безспорной ошибкой; нѣсколько неосмотрительно былъ установленъ и возрастный цензъ, особенно для пассивнаго избирательнаго права. Въ русскихъ условіяхъ 21-годичный возрастъ, въ общемъ, недостаточенъ и для активнаго избирательнаго права, но, во время войны, при призывахъ въ армію лицъ и моложе 21 года, трудно было лишать активнаго избирательнаго права лицъ, достигшихъ уже 21 года; другое дѣло пассивное избирательное право, право не избирать, а быть избраннымъ; при нашемъ уровнѣ культуры нужно, чтобы право быть гласнымъ думы предоставлялось только уже достигшимъ 25 лѣтъ, когда накопился уже хоть нѣкоторый житейскій и хозяйственный опытъ. Дефекты избирательнаго закона Временнаго Правительства сказались на результатахъ выборовъ и, слѣдовательно, и на дѣятельности самихъ городскихъ думъ. Впрочемъ, нельзя сказать утвердительно, не является-ли характеръ и размахъ дѣятельности городскихъ управленій революціоннаго періода послѣдствіемъ самой эпохи, такой сумбурной и стихійно-нескладной. Два года спустя, въ 1919 г., на югѣ Россіи городскіе выборы производились на основаніи всеобщаго избирательнаго права, ограниченнаго осѣдлостью, результатъ выборовъ оказался инымъ потому, главнымъ образомъ, что общественное настроеніе рѣзко измѣнилось, качнувшись, какъ реакція на большевизмъ, чрезмѣрно вправо. Фактъ этотъ является лишнимъ доказательствомъ того, что всеобщее избирательное право отнюдь не всегда даетъ перевѣсъ крайнимъ лѣвымъ элементамъ, все зависитъ отъ эпохи и ея настроеній, отъ круговъ, проявляющихъ абсентизмъ и т. д. Въ 1917 г. правые и умѣренные элементы воздерживались отъ участія въ выборахъ, какъ въ 1919 г. не пошли къ урнамъ весьма многіе элементы лѣвые. В 1917 г. преобладали въ массѣ избирателей настроенія крайне-лѣвыя, какъ въ 1919 г. начинали уже сказываться реакціонныя склонности.

Всеобщее избирательное право — раньше всего великая школа гражданственности. Первый опытъ оказался неудачнымъ, первый блинъ вышелъ комомъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, что надо отмести и самый принципъ. Въ эпоху великихъ реформъ 1861 г. первые шаги новаго суда и мѣстнаго управленія точно такъ-же приносили не мало разочарованій и огорченій, но постепенно дѣло стало выравниваться.

Въ частности, нужно отмѣтить, что практика одесской городской думы вполнѣ оправдала точку зрѣнія тѣхъ, кто всегда отстаивалъ распространеніе всеобщаго избирательнаго права и на женщинъ. Въ городской думѣ 1917—1919 гг. было нѣсколько гласныхъ-женщинъ, принадлежавшихъ къ разнымъ фракціямъ. Ни одна изъ нихъ особенно ярко не выдвинулась, но объясняется это тѣмъ, что вниманіе думы отвлекалось преимущественно политическими вопросами, въ области которыхъ женщины-гласные предпочитали уступать мѣсто мужчинамъ. Отнюдь не гоняясь за ораторскими лаврами, женщины-гласные мало выступали въ общихъ собраніяхъ думы, предпочитая отдаваться работѣ въ думскихъ комиссіяхъ, преимущественно — по общественному призрѣнію, школьной, ломбардной и др. Пассивное избирательное право женщины использовали широко; явка къ урнамъ избирательницъ и въ 1917 и въ 1920 г. была не меньшей, чѣмъ избирателей, а въ 1920 г. въ нѣкоторыхъ участкахъ церковно-приходскія сестричества рѣшили судьбу выборовъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что у избирательницъ и плательщицъ городскихъ налоговъ интересъ къ вопросамъ городского хозяйства — большой; ихъ хозяйственный опытъ можетъ быть съ пользой использованъ и въ области хозяйства чисто общественнаго типа.

Видную роль игралъ женскій элементъ и въ организаціонной работѣ предвыборнаго характера въ городскую думу и другіе общественно-политическіе органы. Въ этой области женщинами проявлялось въ Одессѣ много энергіи, рвенія, скромнаго труда. Близко стоя къ выборной кампаніи въ одесскую городскую думу, могу засвидѣтельствовать, что при этомъ проявлялось не мало организаціонныхъ способностей и безкорыстной преданности общественной работѣ.

XIV.

Иностранцы и гражданская война.

Многосложно отношеніе иностранцевъ и иностранное вліяніе на ходъ россійской революціи. Не менѣе многосложны и фазы реагированія на эти отношенія и вліянія со стороны различныхъ круговъ населенія Россіи.

Поддержка и развитіе революціоннаго духа въ Россіи въ періодъ войны входили въ планы германскаго генеральнаго штаба, къ той же цѣли направлены были и устремленія англійскаго посольства въ Петроградѣ, руководившагося, однако, діаметрально противоположными цѣлями: Людендорфъ

стремился содѣйствовать революціонной вспышкѣ, разсчитывая ослабить мощь Россіи и отвлечь вниманіе ея отъ войны, Бьюкененъ сочувственно относился къ подготовленію русскими людьми революціи, видя въ ней одинъ изъ способовъ устранить явленія, мѣшавшія организаціи побѣды.

Германская политика въ отношеніи къ Россіи — и въ этомъ пунктъ ея схожденія съ политикой лондонскаго министерства иностранныхъ дѣлъ — въ періодъ большевизма отличалась крайней двуличностью и неискренностью, постояннымъ желаніемъ перестраховать свои риски. Апогеемъ этой циничной политики былъ періодъ войны австро-германцевъ съ большевиками въ оккупированномъ ими югѣ Россіи, при одновременномъ заигрываніи германскаго посла гр. Мирбаха съ Совнаркомомъ на сѣверѣ Россіи. Въ кабинетѣ Ллойдъ-Джорджа точно также существовали одновременно тенденціи морально и матеріально поддерживать русскихъ патріотовъ, борющихся съ большевиками и сепаратистами (группа Черчиля), а также не менѣе, если не болѣе, активное стремленіе поддержать большевиковъ и сепаратистовъ (группа Керзона и Горна).

Антанта, конечно, сильно пострадала отъ того, что Россія не только выбыла въ разгаръ войны изъ строя, но, послѣ навязаннаго ей большевиками «похабнаго» мира въ Брестъ-Литовскѣ, стала оказывать германскому блоку кое-какую продовольственную и финансовую (золотой запасъ) помощь. Но союзники, безспорно, сами во многомъ виноваты въ ходѣ событій. Ослѣпленные, повидимому, фразеологіей Керенскаго, представители союзниковъ заранѣе не уловили приближавшагося разложенія арміи, однимъ изъ способовъ предупрежденія или ослабленія котораго была бы поддержка здоровыхъ теченій въ арміи, возглавлявшихся Корниловымъ и Алексѣевымъ. Это отнюдь не было бы вмѣшательствомъ во внутреннія русскія дѣла или, тѣмъ менѣе, актомъ, направленнымъ противъ революціи, а — разумнымъ шагомъ военной между-союзной политики, предупреждающей ослабленіе одной изъ союзныхъ армій. Вмѣсто этого, и то неизмѣнно съ запозданіями, прибѣгали къ полумѣрамъ, вродѣ ораторскихъ турнэ Тома, Кашена и Вандервельде, имѣвшихъ цѣлью проповѣдь оборончества, а на дѣлѣ часто сводившихся къ словеснымъ фейерверкамъ въ стилѣ «революціонной демократіи», — или же къ явно безнадежной и даже легкомысленной попыткѣ возсозданія на Волгѣ русско-германскаго фронта.

Но основной ошибкой союзниковъ въ отношеніи Россіи было ихъ поведеніе послѣ перемирія, когда не было больше нужды въ войскахъ на западномъ фронтѣ и когда мало-мальски дальнозоркая политика диктовала необходимость рѣши-

тельной борьбы съ большевизмомъ. Большевики не только были союзниками Германіи, но Германія явно стремилась донять Антанту, если не мытьемъ, то катаньемъ, если не стратегіей Гинденбурга, то «стратегіей» Ленина и Троцкаго. Спекулируя на то, что большевизмъ ослабляетъ Антанту и не даетъ ей возможности всецѣло пользоваться плодами побѣдъ Фоша, Германія всячески поддерживала послѣ заключенія перемирія развитіе и укрѣпленіе совѣтской власти.

Положеніе въ совѣтской Россіи въ ноябрѣ 1918 г. было такъ тяжело, престижъ побѣдоносныхъ армій союзниковъ былъ такъ великъ, что сравнительно незначительныхъ воинскихъ силъ было достаточно для того, чтобы изгнать большевиковъ изо всѣхъ частей Россіи. Непосредственно послѣ окончанія войны сила дисциплины въ союзныхъ арміяхъ еще была очень велика, авторитетъ вождей — не поколебленъ, воинскій духъ не сломленъ. Многіе охотно пошли бы въ Россію и добровольцами. Не упуская психологическаго момента, сейчасъ же послѣ капитуляціи Германіи, когда и технически легче было осуществить операціи противъ большевиковъ, когда были заготовлены и остались нетронутыми горы всяческаго снаряженія и снабженія, когда арміи не были еще демобилизованы, — безъ особаго труда можно было покончить съ гидрой большевизма и тѣмъ самымъ на 3 года раньше умиротворить Европу и возстановить въ ней нарушенные войной производственные процессы.

Что же, фактически, предприняли союзники? Полумѣры, половинчатые шаги, неувѣренныя, часто противорѣчивыя, движенія, зигзагообразную политику. Матеріальная помощь русскимъ вооруженнымъ силамъ, боровшимся съ большевиками, оказывалась недостаточно полно, урывками, скачками, съ запаздываніями. Вся русская политика союзниковъ съ ноября 1918 г. страдаетъ неопредѣленностью, анемичной расплывчатостью. Дѣлался шагъ впередъ, за которымъ часто слѣдовало два шага назадъ. Планомѣрности — никакой, организованность — самая посредственная и захудалая, подборъ исполнителей — ниже всякой критики. Когда въ концѣ ноября 1918 г. въ черноморскіе порты прибыла французская эскадра, представители ея говорили, что скоро начнутъ приходить и сухопутныя войска. Одесса дѣлалась военно-морской базой, изъ которой должно было начаться дальнѣйшее продвиженіе на сѣверъ. Путь отъ Одессы до Кіева былъ, въ сущности, почти свободенъ, большевиковъ тамъ не было, петлюровцы готовились только къ отступленію, ожидая полной агоніи гетманской власти. Безъ единаго выстрѣла, подъ звуки Марсельезы» могли бы пройти не очень даже многочисленные французскіе отряды отъ Одессы до Кіева. Кіевляне ждали этихъ отрядовъ,

какъ манны небесной, но вмѣсто нихъ дождались петлюровскихъ бандъ, которыя и начали движеніе отъ сѣвера на югъ. къ Черноморью.

Командовавшій украинскимъ гетманскимъ корпусомъ ген. Бискупскій имѣлъ въ Одессѣ штабъ, считался начальникомъ корпуса, не имѣвшаго кадровъ и не оказавшаго петлюровцамъ никакого сопротивленія. Делегаціи одесской городской думы, ведшей, по приходѣ петлюровцевъ, переговоры съ ихъ представителями — во главѣ съ одесскимъ врачемъ-гомеопатомъ И. М. Луценко — пришлось употребить извѣстныя усилія для предотвращенія военно-полевого суда надъ ген. Бискупскимъ за сопротивленіе «народной» украинской арміи. Просьба думской делегаціи была уважена, но ген. Бискупскому довольно долго пришлось со страхомъ и тревогою ожидать окончанія переговоровъ о своей дальнѣйшей судьбѣ. Ген. Бискупскій скоро оправился отъ прежнихъ волненій и нѣсколько мѣсяцевъ спустя сталъ начальникомъ артиллеріи южнорусской арміи ген. Шварца. Эвакуировавшись за границу, ген. Бискупскій скоро снова заставилъ о себѣ говорить въ качествѣ одного изъ видныхъ представителей русскихъ монархическихъ организацій въ Германіи. Читая про бравурныя выступленія ген. Бискупскаго въ Германіи, я все, почему-то, вижу передъ глазами блѣдное и взволнованное лицо этого браваго генерала-монархиста, ожидающаго рѣшенія своей участи кучкой петлюровскихъ гайдамаковъ съ врачемъ-гомеопатомъ во главѣ.

Въ первой половинѣ декабря 1918 г. была занята уже Одесса; сопротивленія нигдѣ не оказывалось никакого; добровольческіе отряды были въ Новороссіи только въ эмбріональномъ и полу-конспиративномъ состояніи. Въ Одессѣ во главѣ «центра» Добровольческой арміи, тайно организованномъ еще въ періодъ нѣмецкой оккупаціи, стоялъ адмиралъ Ненюковъ (впослѣдствіи командовавшій при ген. Деникинѣ черноморскимъ флотомъ), человѣкъ мало энергичный, вялый и не предпріимчивый. Растерявшись при приближеніи къ Одессѣ петлюровцевъ, адмиралъ Ненюковъ даже не пытался собрать добровольческіе кадры для оказанія сопротивленія наступавшимъ петлюровцамъ, проявляя свою великороссійскую оріентацію тѣмъ, что собирался эвакуировать возглавляемый имъ добровольческій «центръ» на транспортѣ «Саратовъ», стоявшемъ подъ парами въ одесскомъ порту. Находившійся въ Одессѣ командующій французскимъ флотскимъ отрядомъ и его политическій совѣтчикъ — консульскій агентъ Энно — рѣшили создать въ городѣ особую союзную зону, охраняемую французскими матросами и объявленную недоступной для петлюровцевъ, занявшихъ къ тому времени городъ, за исклю-

ченіемъ порта и прилегающей къ нему «зоны». Рѣшено было сдѣлать попытку расширить предѣлы зоны, выбивая петлюровцевъ изъ занятыхъ ими частей города. За реорганизацію добровольческаго центра взялся молодой и энергичный генералъ Гришинъ-Алмазовъ, политическимъ руководителемъ котораго являлся В. В. Шульгинъ, скрываемый дотолѣ отъ петлюровцевъ въ предѣлахъ «зоны». Ген. Гришинъ-Алмазовъ сумѣлъ въ короткій срокъ сильно поднять духъ пріунывшихъ добровольцевъ. Вечеромъ 17 декабря 1918 г. ген. Гришинъ-Алмазовъ отдалъ распоряженіе занять на слѣдующее утро рядъ правительственныхъ учрежденій, захваченныхъ петлюровцами и занятыхъ ихъ караулами. Распоряженіе это было равносильно выбитію петлюровцевъ изъ всего города. На утро 18 декабря одесское населеніе было даже нѣсколько поражено, услыхавъ усиленную перестрѣлку, трескотню пулеметовъ, гулъ орудій. Бой продолжался до 4-5 часовъ вечера, вели его русскіе добровольцы, — но при участіи и подъ командой французскихъ офицеровъ, при французскихъ пулеметчикахъ и санитарахъ. Къ 5 часамъ перестрѣлка прекратилась, петлюровцы послали къ французскому командованію парламентеровъ, къ 6 час. было подписано соглашеніе, въ силу котораго петлюровцы обязывались покинуть Одессу и часть прилегающей къ ней желѣзно-дорожной линіи (если память не обманываетъ, — до ст. Застава). Утромъ 19 декабря городъ былъ въ рукахъ добровольцевъ, повсюду развѣвались трехцвѣтные русскіе и французскіе флаги. Днемъ состоялось въ зданіи штаба военнаго округа, сильно пострадавшемъ отъ бомбардировки, первое засѣданіе особаго совѣщанія, организованнаго при ген. Гришинѣ-Алмазовѣ, вступившемъ въ исполненіе обязанностей главноначальствующаго (въ составъ этого особаго совѣщанія, помимо представителей вѣдомствъ, вошло и нѣсколько общественныхъ дѣятелей). Ген. Гришинъ-Алмазовъ, водружая надъ зданіемъ штаба округа національный флагъ, выразилъ увѣренность, увы, — не оправдавшуюся, что флагъ этотъ больше никогда съ этого зданія опущенъ не будетъ.

Одесскія событія 18 декабря рисовались тогда, какъ символъ. Казалось, что и впредь, и въ дальнѣйшемъ, національныя русскія вооруженныя силы, подъ техническимъ руководствомъ и съ матеріальной помощью союзниковъ, будутъ продвигаться впередъ, очищая сперва Украину отъ слитныхъ петлюровско-большевистскихъ бандъ, дойдя, такимъ образомъ, до Кіева, а оттуда продвигаясь и дальше — къ Москвѣ.

Тѣмъ временемъ, въ Одессу прибылъ французскій генералъ Боріусъ со своимъ штабомъ, стали медленно и посте-

пенно прибывать очень, правда, небольшіе французскіе отряды.

Ждали прихода транспортовъ съ войсками изъ Салоникъ и Константинополя, но они все не приходили, что создавало нервное настроеніе во французскихъ и русскихъ кругахъ. Стали скоро доходить свѣдѣнія о томъ, что идетъ соревнованіе между генералами Бертелло, имѣвшимъ штабъ-квартиру въ Бухарестѣ, и ген. Франше д'Эспере, штабъ-квартира котораго была въ Салоникахъ, о томъ, кто изъ нихъ долженъ руководить операціями и формированіями для новаго анти-большевистскаго фронта. Получилъ огласку проектъ ген. Бертелло сдѣлать вызовъ добровольцевъ изъ числа французскихъ воиновъ, находящихся въ Румыніи и придунайскихъ провинціяхъ, и создать изъ этихъ добровольцевъ кадры анти-большевистской арміи. Пока шли споры между генералами, пока обсуждались не проведенные въ жизнь проекты, петлюровцы были замѣнены настоящими уже большевиками. Въ первой половинѣ января 1919 г. начались боевыя столкновенія союзныхъ и русскихъ отрядовъ съ большевиками. Соображенія продовольственнаго характера требовали расширенія первоначально занятой территоріи, приходилось также ликвидировать грабительско-наступательныя дѣйствія отдѣльныхъ большевистскихъ отрядовъ, проявлявшихъ себя то по линіи юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, то въ приднѣстровской части Херсонской губ., пограничной съ Бессарабіей, то въ приморскомъ районѣ. Русскія части медленно и постепенно развертывались и формировались, но количественно онѣ были недостаточны не только для наступательныхъ, но и для оборонительныхъ дѣйствій.

Французскія части, совсѣмъ малочисленныя, оставляли желать лучшаго и въ отношеніи боеспособности. Какъ впослѣдствіи оказалось, эти французскіе солдаты должны были уже быть демобилизованы и отправлены изъ Румыніи на родину, во Францію. Ссылаясь на неприбытіе къ сроку демобилизаціонныхъ документовъ и на большее удобство отправки изъ Одессы, чѣмъ изъ Констанцы, ихъ перевели въ Одессу, обѣщая въ кратчайшій срокъ переотправить въ Марсель. По прибытіи въ Одессу, солдатамъ было объявлено, что имъ временно придется содѣйствовать несенію караульно-охранительной службы, причемъ не только солдаты, но и значительная часть французскихъ офицеровъ совершенно не разбиралась ни въ характерѣ, ни въ масштабѣ русскихъ событій. Командный составъ высадившихся въ Одессѣ французскихъ частей не былъ на высотѣ положенія: это были мало политически освѣдомленные офицеры, съ накопленными за время пребыванія

на Балканахъ своеобразными навыками. Лучшая часть офицерства armée d'Orient вернулась уже во Францію, оставались, по большей части, службисты-посредственности. Генералы д'Ансельмъ и Боріусъ не обладали ни силой воли, ни размахомъ, ни организаціонными способностями; начальникъ штаба ген. д'Ансельма — полковникъ Фрейденберъ, хотя и былъ человѣкомъ энергичнымъ, но очень ужъ невѣжественнымъ въ русскихъ дѣлахъ, преисполненнымъ не то мадагаскарскихъ, не то индо-китайскихъ колоніальныхъ традицій. не имѣя опредѣленной линіи поведенія и чрезмѣрно легко поддающимся стороннимъ вліяніямъ. Нижніе чины высадившейся французской арміи, сейчасъ же послѣ перваго боевого столкновенія съ большевиками гдѣ-то подъ Тирасполемъ, убѣдились въ томъ, что рѣчь идетъ не объ очисткѣ края отъ шаекъ обычныхъ бандитовъ, а объ операціи противъ врага, имѣющаго кое-какую военную организацію, свою артиллерію, пулеметы и т. д. Въ этихъ условіяхъ, poilus очень скоро стали проявлять неудовольствіе, стали жаловаться на то, что ихъ не отправляютъ, вопреки демобилизаціи, на родину. Частичные полу-успѣхи большевиковъ содѣйствовали развитію деморализаціи ихъ иноземныхъ противниковъ. Началось быстрое разложеніе французскихъ отрядовъ. Внѣшне картина сильно напоминала пережитую во время Керенскаго: на улицахъ стали появляться пьяные французскіе солдаты, открыто пристававшіе къ прохожимъ, ухудшился внѣшній видъ солдатъ, дисциплинарная ихъ выдержка и т. д. Одновременно началась усиленная агитація большевистскихъ агентовъ среди французскихъ войскъ. Въ частности, большевиками была использована нераспорядительность властей, не позаботившихся объ организаціи ресторановъ, кафе и клубовъ для французскихъ солдатъ, справедливо жаловавшихся на недоступныя имъ цѣны въ обычныхъ одесскихъ ресторанахъ, кафе и мѣстахъ вечернихъ развлеченій. Большевики открыли рядъ «столовокъ» и «паштетныхъ», въ которыхъ чины французской арміи могли получать пищу и напитки по доступной цѣнѣ и въ которыхъ велась пропаганда, какъ противъ «вмѣшательства» иностранцевъ въ «русскія дѣла», такъ и противъ французскаго офицерства. Женская — обычно — прислуга этихъ агитаціонныхъ «столовокъ» не только удачно спаивала посѣтителей- poilus , но и проповѣдывала необходимость расправъ съ офицерами и перехода на сторону большевиковъ, какъ истинныхъ друзей свободы и трудящихся всѣхъ странъ. Результатомъ этой все развивавшейся деморализаціи являлось укрѣпленіе большевистскаго фронта, оставленіе французами артиллеріи и танковъ при очень ужъ поспѣшныхъ отступленіяхъ . . .

Положеніе становилось грознымъ. Это, очевидно, начали понимать и въ Парижѣ, но о новыхъ отправкахъ французскихъ войскъ въ Южную Россію перестали и помышлять, успокоившись на мысли объ использованіи греческихъ войскъ. Въ Греціи еще силенъ былъ воинскій и побѣдный духъ, утомленія отъ войны благословенная Эллада, естественно, испытывать тогда еще не могла, энергичный Венизелосъ усиленно поддерживалъ идеалы Великой Греціи. Венизелосомъ была предложена помощь Антантѣ на югѣ Россіи, прибытіе въ Одессу и Севастополь первыхъ эшелоновъ греческихъ солдатъ, совпало по времени съ первыми приготовленіями по занятію греками Смирны.

Прибывшіе въ Одессу греческіе отряды были хорошо дисциплинированы, вполнѣ боеспособны и даже преисполнены желаніемъ драться. Греческому національному самолюбію льстила возможность оказать услугу своей недавней освободительницѣ — Россіи. Обширныя греческія колоніи въ городахъ Юга Россіи являлись естественнымъ звеномъ между русскимъ населеніемъ и греческими войсками, которыхъ радушно и привѣтливо принимали. Игралъ роль и вѣроисповѣдный вопросъ: офицерство и духовенство придавали военнымъ дѣйстіямъ противъ большевиковъ не только характеръ помощи, оказываемой православной Греціей православной Россіи, но и подчеркивали важность освобожденія православной церкви отъ путъ безбожнаго коммунизма. Большевистская пропаганда не доходила до греческихъ солдатъ, такъ туго откликавшихся и у себя на родинѣ на соціалистическую агитацію. Большевистскіе агенты, кромѣ того, наталкивались и на незнаніе греческаго языка — а иного греческіе солдаты не знали; — трудности «распропагандировать» греческихъ солдатъ были вообще равными трудностямъ агитаціи среди африканскихъ чернокожихъ, находившихся среди французскихъ войскъ. Греческое офицерство, очень быстро завязавъ связи въ мѣстномъ обществѣ, въ частности, среди обрусѣвшихъ грековъ, сравнительно быстро начало оріентироваться въ обстановкѣ. Наличіе греческихъ кадровъ и французскихъ инструкторовъ давало возможность подготовки и развитія и чисто русскихъ формированій.

Къ сожалѣнію, установились сразу ненормальныя отношенія между французскимъ и греческимъ штабами. Трудно сейчасъ опредѣлить, кто виноватъ въ этомъ, повидимому, и та и другая сторона несутъ свою долю отвѣтственности. Надо полагать, что неудачный подборъ французскаго штабнаго офицерства въ Одессѣ — съ одной стороны — и свойственное греческимъ офицерамъ чувство мегаломаніи — съ другой — сыграли свою роль. Послѣ нѣкоторыхъ треній, было рѣшено,

что руководительство операціями останется въ рукахъ французскаго штаба, на обязанности котораго будетъ лежать и забота о снабженіи и продовольствованіи сражающихся. Греческія же войска, совмѣстно съ русскими, должны были поставлять живую силу. Греки внѣшне примирились съ такого рода положеніемъ вещей и одной изъ первыхъ ихъ болѣе или менѣе серьезныхъ операцій въ Южной Россіи была попытка очистить отъ большевиковъ Херсонъ и Николаевъ. Попытка закончилась неудачей. Французскій штабъ объяснялъ ее недостаточностью силъ, а также отношеніемъ мѣстнаго населенія, часть (?) котораго не только не помогала освободителямъ, но и стрѣляла по нимъ. Греки же горько сѣтовали на то, что не хватило вооруженія и патроновъ, что французы не позаботились подвезти ихъ, результатомъ чего явилась и неудача операціи, и потери, понесенныя греками.

Эта неудачная херсоно-николаевская операція и явилась началомъ конца. Ускоренію этого конца способствовало и обостреніе отношеній между русскимъ-добровольческимъ и французскимъ командованіемъ. Корни ненормальности этихъ взаимоотношеній надо искать раньше всего въ различіи темпераментовъ и въ разности подхода къ вопросу о борьбѣ съ большевиками. Русскіе круги, еще на особой конференціи въ Яссахъ, сформулировали свой взглядъ на характеръ и размѣръ помощи, ожидаемой отъ союзниковъ. Союзники не сумѣли, однако, осуществлять намѣченную въ Яссахъ программу-минимумъ. Надежда же на возможность усиленія темпа оказываемой помощи все время поддерживалась изъ союзныхъ круговъ. Когда въ Одессу пріѣхалъ изъ Бухареста ген. Бертелло, онъ влилъ не мало оптимизма и бодрости въ сердца представителей анти-большевистскихъ круговъ, обнадеживъ приближеніемъ перелома въ діапазонѣ оказываемой матеріально-техническoй помощи. Русскихъ военно-начальствующихъ лицъ нервировало это постоянное откладываніе присылки подкрѣпленій, это несоотвѣтствіе обѣщаній реализаціямъ. А тутъ еще стало рѣзко сказываться столкновеніе отдѣльныхъ индивидуальностей: горячій и не всегда достаточно сдержанный командующій войсками ген. Гришинъ-Алмазовъ не умѣлъ ладить съ полковникомъ Фрейденберомъ, такъ легко поддававшимся нашептываніямъ всякихъ интригановъ, особенно самостійническихъ. Чрезмѣрно мягкій и уступчивый ген. А. С. Санниковъ, главноначальствующій Одессы, вызывалъ рѣзкую критику французскаго штаба. Совмѣстно съ ген. Гришинымъ-Алмазовымъ дѣйствовалъ г. Энно, оппозиціонно настроенный къ своему же, французскому штабу. Вокругъ полковника Фрейденбера стали, помимо украинскихъ самостійниковъ, группироваться и нѣкоторые русскіе общественные дѣятели и предста-

вители политическихъ объединеній. Атмосфера была напряженная и сгущенная. Ее нѣсколько разрядилъ пріѣздъ въ Одессу ген. Франше д Эсперэ. Этотъ генералъ слылъ за руссофоба, онъ опредѣленно мало сочувствовалъ вмѣшательству въ войну съ большевиками, взгляды его на русскую проблему не отличались широтой или глубиной, что онъ доказалъ хотя бы сухимъ и надменнымъ пріемомъ, оказаннымъ делегированному къ нему ясской конференціей полковнику И. М. Новикову, которому французскій генералъ счелъ возможнымъ заявить, что „les russes sont des traîtres" (эта неосторожная и грубая фраза расшифровывалась, повидимому, какъ ссылка на Брестъ-Литовскій миръ, за который патріотическіе круги, представлявшіеся И. М. Новиковымъ, казалось бы, не отвѣтственны).

Какъ выяснилось впослѣдствіи, ген. Франше д'Эсперэ былъ сторонникомъ движенія союзной восточной арміи вдоль линіи Дуная къ Будапешту—Вѣнѣ—Мюнхену—Берлину, но, по приказу изъ Парижа, планъ этотъ, — подъ вліяніемъ англичанъ, — былъ оставленъ и, взамѣнъ, было рѣшено двинуться къ Константинополю (съ подчиненіемъ англійскому командованію союзныхъ войскъ въ турецкой станицѣ). Занятіе союзниками Константинополя дало мѣсто плану военной интервенціи въ Южной Россіи, высадкѣ въ Одессѣ и т. д. Франше д'Эсперэ былъ явно подавленъ отклоненіемъ его плана движенія въ нѣмецкія земли и не скрывалъ своего отрицательнаго отношенія къ высадкѣ на русскихъ берегахъ. Въ концѣ октября 1918 г. Франше д'Эсперэ телеграммой № 5920/3 на имя Клемансо доносилъ: «Моихъ войскъ недостаточно для вхожденія въ эту холодную страну. Въ лучшемъ случаѣ, я смогу держать въ своихъ рукахъ Одессу и сосѣдніе порты. Наши войска въ теченіе войны мирились съ продленіемъ своего пребыванія на Востокѣ, они съ радостью пошли бы на Венгрію въ предвидѣніи тріумфальнаго вступленія въ Германію, но въ такой же степени оккупація Украины или операціи на ея территоріи получили бы неодобрительную оцѣнку и могли бы вызвать печальные инциденты».

Такова была обстановка: раздоры и разногласія въ верхахъ, утомленіе и начало разложенія армейскихъ низовъ.

Прибывъ въ Одессу, ген. Франше д'Эсперэ сразу проявилъ рѣзко раздраженное отношеніе къ высшему мѣстному добровольческому командованію. Дѣлая рядъ основательныхъ и безосновательныхъ критическихъ замѣчаній по адресу генераловъ Санникова и Гришина-Алмазова, Франше д'Эсперэ очень, между прочимъ, возмущался телеграммой, перехваченной его агентами, отправленной конспиративной добровольческой развѣдкой, извѣстной подъ наименованіемъ «азбука», въ Екатеринодаръ съ опредѣленными и рѣзкими обвиненіями по ад-

ресу полковника Фрейденбера, въ отношеніи котораго формулировались подозрѣнія въ причастности къ нѣмецкой агентурѣ и какихъ-то сношеніяхъ съ большевиками. Тотъ фактъ, что отправленная телеграмма исходила отъ «Азбуки», въ которой принимали участіе нѣкоторые вліятельные представители антуража ген. Деникина, а также то, что злополучная телеграмма эта была адресована въ Екатеринодаръ, куда «Азбука» сообщала свои рѣзкія обвиненія по адресу начальника французскаго штаба въ Одессѣ, повидимому, переполнила чашу терпѣнія ген. Франше д'Эсперэ. Планъ, подготовлявшійся въ тиши кабинета полковника Фрейденбера, получилъ нѣсколько неожиданное и рѣзкое осуществленіе. Въ грубой и не мотивированной формѣ ген. Франше д'Эсперэ предложилъ ген. Санникову и Гришину-Алмазову оставить занимаемые ими посты и въ 24-часовой срокъ покинуть предѣлы Одессы. Тонъ этого распоряженія, сопровождающая его обстановка и условія производили особенно тяжелое впечатлѣніе. Непосредственно вслѣдъ за произведеннымъ «переворотомъ» ген. Франше приказалъ приступить къ формированію новой, особой южнорусской арміи, не связанной въ командномъ отношеніи съ Добровольческой. Новой арміи обѣщалась поддержка снабженіемъ и инструкторами. Во главѣ этой арміи былъ поставленъ ген. Шварцъ, извѣстный какъ спеціалистъ по оборонѣ и защитѣ осаждаемыхъ районовъ. Помощникомъ ген. Шварца по гражданской части былъ назначенъ волынскій помѣщикъ Андро, выдвинутый правыми хлѣборобскими кругами и поддержанный закулисно совѣтомъ государственнаго объединенія. Назначеніе г. Андро вызвало рѣзкую оппозицію лѣвыхъ круговъ, но французы почему-то особенно настаивали на сохраненіи за нимъ поста (можетъ быть, тутъ сыграло нѣкоторую роль отдаленно французское происхожденіе г. Андро, ставшаго именовать себя Андро-де-Ланжерономъ). Вообще, французскій штабъ въ періодъ подготовки и осуществленія намѣченнаго имъ балканскаго типа «переворота» проявилъ изрядную непослѣдовательность и игнорированіе мѣстныхъ условій. Излюбленнымъ кандидатомъ французскаго штаба, помимо г. Андро, явился петроградскій адвокатъ г. Маргуліесъ, импонировавшій, какъ своимъ знаніемъ французскаго языка, такъ и своими заявленіями о томъ, что онъ принадлежитъ къ составу могущественной русской радикальной партіи, родственной французскимъ радикаламъ, партіи Клемансо. Кокетливый радикализмъ г. Маргуліеса не помѣшалъ ему орудовать за кулисами опредѣленно праваго совѣта государственнаго объединенія, подготовляя себѣ занятіе «министерскаго» поста. Когда постъ этотъ послѣ французско-хлѣборобческаго переворота былъ г. Маргуліесу предложенъ, онъ его

принялъ, но не занялъ, предпочитая, подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, выѣхать поспѣшно заграницу. При ген. Шварцѣ стало формироваться подъ именемъ «Совѣта обороны» совѣщаніе военно-начальствующихъ лицъ, управляющихъ вѣдомствами и отраслями управленія, въ составъ каковoго стали привлекаться разнокалиберные дѣятели. Разнокалибернымъ получился и чисто военный штабъ новаго состава, въ который входили и нѣкоторые представители прогрессивнаго офицерства, и реакціонеры, и вчерашніе гетманскіе генералы, поддерживавшіе и сегодня «хлѣборобческихъ» помѣщиковъ. Въ итогѣ, стремясь создать организацію болѣе національно-демократическаго типа, чѣмъ существовавшая при добровольцахъ, создали нѣчто смѣшанное, въ которомъ, однако, очень давали себя знать черные и желто-блокитные цвѣта. За кулисами управленія ген. Шварца проявлялось сильное тяготѣніе къ реакціи, что и подало поводъ къ остротѣ о „Schwarze Banden".

Но главное заключалось, все же, не во всѣхъ этихъ аксесуарахъ и деталяхъ, а въ основной ошибкѣ: нельзя было въ разгаръ борьбы, при необходимости начать рытье окоповъ и проведеніе проволочныхъ загражденій вокругъ самой Одессы и въ ея ближайшихъ предмѣстіяхъ — браться за ломку всего, какъ ни какъ, налаженнаго военно-административнаго механизма, не говоря уже о недопустимости формы, въ которой ломка эта была продѣлана. Вслѣдъ за вступленіемъ ген. Шварца въ исполненіе своихъ обязанностей, ген. Франше д'Эсперэ въ особомъ обращеніи къ населенію заявилъ, что Одесса будетъ защищаться при непосредственномъ участіи союзныхъ военно-морскихъ силъ, что продовольствованіе населенія въ количествѣ до 1 милліона ртовъ обезпечено, что въ ближайшіе же дни начнутъ приходить транспорты съ хлѣбомъ и другими продуктами продовольствія. Не успѣли, однако, исчезнуть со стѣнъ домовъ экземпляры воззванія ген. Франше д'Эсперэ, не успѣли еще хоть сколько нибудь развернуться мѣры по планомѣрной защитѣ города и продовольствованію его населенія, какъ разнеслась неожиданная, словно ударъ грома при безоблачномъ небѣ, вѣсть о приказѣ эвакуировать Одессу. Мотивировалась эта эвакуація невозможностью подвоза въ достаточномъ количествѣ продовольствія, хотя ничего еще не было сдѣлано для частичной хотя бы разгрузки города, хотя въ союзныхъ складахъ сосѣднихъ Константинополя, Салоникъ и Румыніи было не мало всевозможныхъ продуктовъ питанія и снабженія, хотя въ сосѣднихъ ближне-восточныхъ портахъ было не такъ ужъ мало транспортовъ и судовъ, пригодныхъ для постепенной доставки въ Одессу и Крымъ всего необходимаго для обороны отъ большевиковъ и послѣдующаго наступленія противъ нихъ. Дальнѣйшее пока-

зало, что и силъ регулярныхъ большевики на Одессу въ тѣ дни еще не направляли, послѣ поспѣшнаго ухода союзниковъ, въ городъ вступили банды Григорьева, а только нѣсколько дней спустя появились и части регулярной совѣтской арміи. «Григорьевцы», не видя никакого сопротивленія, имѣя возможность лицезрѣть убѣгающаго врага, неожиданно для себя легко и свободно заняли безъ боя богатую Одессу. Самъ «батько» Григорьевъ потомъ хвастливо именовалъ себя «побѣдителемъ французовъ, побѣдителей Германіи».

Такимъ образомъ, никакихъ реальныхъ основаній для столь поспѣшной эвакуаціи не было, врагъ еще былъ далеко, немедленной опасности городу еще не угрожало, подвозъ подкрѣпленій — греческихъ, — а также продовольствіе и вооруженіе можно было еще успѣть наладить. Въ чемъ же причина приказа объ эвакуаціи, столь рѣзко дисгармонировавшаго торжественными заявленіями авторитетнаго представителя высшаго французскаго командованія, ген. Франше д'Эсперэ, о защитѣ Одессы и продовольствованіи ея населенія? Многіе склонны искать въ области таинственнаго объясненіе внезапной эвакуаціи Одессы. Не отрицая возможности отдѣльныхъ эпизодовъ, которые, можетъ быть, и послужатъ еще предметомъ историческаго или, даже, судебнаго разслѣдованія, мы полагаемъ, что основной причиной одесской трагедіи явилась необоснованность, непродуманность и несогласованность всего плана союзной помощи русскимъ національнымъ силамъ. Въ парижскомъ верховномъ совѣтѣ не было единомыслія въ области вопроса о борьбѣ съ большевиками. Не только не было согласованности дѣйствій, но замѣчался и разнобой между высшими представителями морского и военнаго союзнаго командованія и, даже, между отдѣльными генералами. Франше д'Эсперэ могъ отдавать одно распоряженіе и намѣчать одинъ планъ, а высшее морское командованіе въ то же время считалось съ соображеніями совершенно другого порядка, не ознакомившись, къ тому же, съ проектами сухопутнаго командованія. Противорѣчивыя директивы получались изъ Парижа, Салоникъ, Константинополя и Бухареста. Это отсутствіе согласованности и единства дѣйствій шло параллельно шатаніямъ мысли и плановъ въ правительственныхъ верхахъ. Клемансо усталъ и отдыхалъ, отдаваясь смакованію военнаго разгрома Германіи; крайне-лѣвое крыло палаты, пользуясь бездѣятельностью застывшаго послѣ перемирія Клемансо, начинало оказывать вліяніе въ сторону признанія вредности и, даже, неконституціонности войны съ «русской революціей», какъ фальшиво именовали большевиковъ. Вся эта неразбериха, весь этотъ клубокъ разнорѣчивыхъ вліяній и несогласованныхъ дѣйствій не могъ не дать печальныхъ результатовъ.

Сами собою напрашиваются сравненія и параллели между австро-германской оккупаціей Юга и пребываніемъ тамъ союзныхъ войскъ. Характерно, что нѣмцы любили подчеркивать, что они — оккупанты, тогда какъ французы постоянно заявляли, что они пріѣхали лишь, чтобы помочь русскимъ патріотамъ, не хотятъ вмѣшиваться во внутреннія русскія дѣла иначе, какъ по просьбѣ русскихъ представителей, да и то дѣлалось это неохотно и, впрочемъ, далеко не всегда умѣло. Напримѣръ, пресловутый одесскій «переворотъ» былъ совершенъ не только не по просьбѣ, но и безъ вѣдома отвѣтственныхъ политическихъ организацій, post factum черезъ посредство особыхъ делегацій выразившихъ свое отрицательное къ нему отношеніе, не выявленное во внѣ изъ понятнаго опасенія еще болѣе повредить фронтовой борьбѣ съ большевиками. Едва ли не первой мѣрой австро-германскаго командованія по прибытіи въ крупные городскіе центры оккупированныхъ губерній было проведеніе для нуждъ нѣмецкихъ учрежденій собственной телефонной сѣти. Ряды телефонной проволоки, тянущіеся по всѣмъ направленіямъ, какъ бы символизировали паутину, раскинутую нѣмцами надо всею жизнію занятой ими области. Прибывъ въ Одессу, нѣмцы сейчасъ наладили полицію безопасности, пустили въ ходъ трамвай и электрическое освѣщеніе, вызвавъ тѣмъ самымъ благодарность обывателей; французы же подобнаго не сдѣлали и соотвѣтственнаго слѣда въ обывательскихъ сердцахъ не оставили. Главное, однако, заключается въ томъ, что нѣмцы имѣютъ всегда въ отношеніи къ Россіи и русскимъ дѣламъ опредѣленный планъ, поручаютъ выполненіе этого плана знакомымъ съ русскими условіями лицамъ, которыя, получая общія директивы, оставались свободными въ отношеніи деталей. Во главѣ нѣмецкихъ оккупаціонныхъ силъ, къ тому же находились такія крупныя фигуры, какъ генералы Гренеръ, Эйхгорнъ, дипломатъ Муммъ и др., которые имѣли въ области русскаго вопроса детально продуманный планъ государственнаго масштаба и размаха. Широта и продуманность германскихъ плановъ «спасенія» Россіи до сихъ поръ, однако. не были чужды самаго грубаго и примитивнаго эгоизма, двуличности и, даже, цинизма. Политика двуликаго Януса въ отношеніи къ большевикамъ въ 1918 г., когда ген. Эйхгорнъ съ ними боролся на Украинѣ, а графъ Мирбахъ ихъ же поддерживалъ въ Москвѣ, завершилась выстрѣлами террористовъ-мстителей, убившихъ Эйхгорна и Мирбаха.

Нѣмецкіе оккупаціонные отряды имѣли всегда въ своемъ составѣ людей, знакомыхъ не только съ условіями жизни даннаго пункта, но часто, — знающихъ лично многихъ мѣстныхъ дѣятелей. Въ нѣмецкихъ штабахъ Одессы, Кіева,

Николаева и др. пунктовъ были лица нѣмецкаго происхожденія, жившія въ нихъ до войны, часто — мѣстные уроженцы. Французы же и англичане посылаютъ обычно въ Россію представителей, не знающихъ ни русскаго языка, ни условій жизни, ни быта, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни людей. При этомъ представители англійскаго и французскаго правительствъ, не только бывали обыкновенно лишены компетентности и опыта въ русскихъ дѣлахъ, но въ большинствѣ случаевъ были лишены и опредѣленныхъ инструкцій и указаній, все находилось въ зависимости отъ политики момента, шатающейся, колеблющейся неопредѣленной. Въ результатѣ всего этого, союзные представители мѣняли линію своего поведенія, тратили много усилій на первоначальную оріентировку, дебютировали часто съ ошибочнаго шага. Все это давало поводъ къ кривотолкамъ и враждебной агитаціи. Далѣе, союзники — особенно, французы — не учли того обстоятельства, что участіе ихъ въ россійской гражданской войнѣ, гдѣ столько зависитъ отъ психологическихъ факторовъ, требуетъ и особыхъ пріемовъ борьбы, въ частности — импонированія своей силой, внушенія большевикамъ страха. Нѣмцы все это приняли во вниманіе, они, по свойственной имъ часто нетактичности, перегибали даже часто палку, слишкомъ ужъ парадируя своей военной силой. Но помпезные пріѣзды военачальниковъ, курсированіе военныхъ судовъ, полеты аэроплановъ, поиски прожекторовъ, дефилэ по городу отрядовъ — все это оказывало свое дѣйствіе, вселяло страхъ и преклоненіе передъ силой. Французскіе же генералы не пытались даже демонстрировать имѣвшуюся въ ихъ распоряженіи военно-морскую силу, французскаго солдата и матроса уличная толпа не боялась, не уступала имъ дороги, но весело имъ улыбалась, часто, за панибрата, похлопывая по плечу веселаго носителя милой морской шапочки съ помпонами. Германскія войска на Украинѣ почти до конца своего пребыванія сохраняли дисциплину и внѣшнее благообразіе, только передъ уходомъ, уже послѣ германской революціи, и они «осовдепились» во всѣхъ смыслахъ. Французскіе солдаты, очень скоро по прибытіи на русскую почву, стали проявлять признаки разложенія, стали появляться публично въ пьяномъ видѣ, небрежно и грязно одѣтыми и т. д.

Когда въ одесскій портъ прибыли послѣ 4 лѣтъ отсутствія первыя французскія военныя суда, когда по вечерамъ свѣтились въ недавно мертвенно-темномъ порту огоньки союзной эскадры, населеніе радостно и шумно привѣтствовало союзниковъ, какъ освободителей. Иной была встрѣча первыхъ австро-германскихъ отрядовъ. Какъ сейчасъ, помню появленіе въ Одессѣ перваго нѣмецкаго военнаго автомобиля, оста-

новившагося у зданія, занимавшагося Румчеродомъ (революціоннымъ комитетомъ румынскаго фронта, черноморскаго флота и одесскаго округа).Хотя это и былъ предвѣстникъ освобожденія отъ большевиковъ, еще занимавшихъ городъ, встрѣча была сдержанная, холодная. Правда, раздались изъ толпы и крики «ура», но сейчасъ же умолкли, ибо кричавшіе скоро поняли неумѣстность столь шумнаго привѣтствія вчерашнихъ враговъ, пришедшихъ сегодня **въ своихъ видахъ** освобождать отъ ими же въ другихъ мѣстахъ покровительствуемыхъ большевиковъ. Гласные одесской думы, собравшись тайно отъ большевиковъ, имѣли возможность наблюдать изъ оконъ прибытіе нѣмецкаго автомобиля съ бѣлымъ флагомъ, направлявшагося къ помѣщенію Румчерода. Дошло до нашего слуха и непріятно шокировало «ура», раздавшееся изъ уличной толпы, наблюдали мы и то, какъ большевики-матросы, съ пулеметными лентами черезъ плечо, стали разгонять эту толпу. А на утро, послѣ напряженной ночи ожиданія событій, послѣ грабительскихъ перестрѣлокъ и «исчезновеній» большевистскихъ главарей, стали вступать въ городъ нѣмецкіе обозы съ первыми эшелонами. Къ полудню городъ уже былъ занятъ нѣмецкими патрулями, большевики исчезли, на приморскомъ бульварѣ почему-то разставлялись пушки, въ зданіи, гдѣ вчера еще былъ неистовый Румчеродъ, сегодня уже помѣщался нѣмецкій генералъ. Запуганный обыватель вздохнулъ свободнѣе, но, все же, можно утверждать, что «народъ безмолвствовалъ». Безмолвіе это было краснорѣчиво, оно таило въ себѣ многія невысказанныя чувства и настроенія. Какъ далеко разнилась эта картина отъ той, которую пришлось наблюдать нѣсколько мѣсяцевъ спустя, при прибытіи союзниковъ, когда экспансивная радость южанъ выливалась наружу, когда чувствовалось въ воздухѣ нѣчто весеннее, бодрящее, вызывающее слезы волненія на глаза...

Но скоро облетѣли цвѣты, догорѣли огни и этой радостной мечты, оказавшейся иллюзіей. Какихъ-нибудь 4 мѣсяца пробыли на югѣ союзники и, вдругъ, эта неожиданная эвакуація. Кромѣ союзныхъ и, отчасти, русскихъ войскъ, эвакуировалось сравнительно немного народа (нѣсколько сотъ человѣкъ). На большомъ французскомъ пароходѣ „Caucase“ собрались эвакуировавшіеся военные чины — преимущественно штабные, — представители администраціи, общественные и политическіе дѣятели. «Кавказъ» былъ, по выходѣ въ море, объявленъ на военномъ положеніи, всюду были разставлены часовые, послѣдовали назначенія комендантовъ отдѣльныхъ трюмовъ и другихъ частей парохода. Мѣры эти, вызванныя необходимостью охраны судовыхъ машинъ отъ покушеній большевистскихъ агентовъ, легко имѣвшихъ возможность про-

никнуть на «Кавказъ», были проведены съ чрезмѣрнымъ рвеніемъ и формализмомъ. Всю ночь на пароходѣ раздавались окрики часовыхъ, смѣна патрулей, громкія переклички, вызовы и т. д. Къ всеобщему удивленію, ген. Шварцъ счелъ возможнымъ собирать на удалявшемся отъ Одессы пароходѣ засѣданія возглавлявшагося имъ совѣта обороны Одессы. Этотъ совѣтъ обороны часто собирался—порою, даже, въ ночные часы, — что-то обсуждалъ, выносилъ какія-то постановленія. не относящіяся, правда, къ оборонѣ оставленнаго города, а къ вопросамъ, по большей части, матеріальнаго свойства, относящимся къ эвакуированнымъ. Этого же типа дѣятельность «совѣта обороны Одессы» продолжалась нѣкоторое время и по прибытіи «оборонителей» на о. Халки, причемъ до конца продолжалась выдача суточныхъ членамъ «совѣта обороны». Тутъ же, на «Кавказѣ» началъ производиться размѣнъ украинскихъ карбованцевъ на австрійскія кроны, которыя удалось вывезти изъ одесской конторы государственнаго банка. Размѣнъ этотъ производился такъ, что нареканіямъ не было конца, жаловались на неравномѣрность и «протекціонность» выдачъ, на «сбываніе» рваныхъ кредитныхъ билетовъ непривиллегированнымъ и т д. Вообще, на «Кавказѣ» нареканіямъ, обвиненіямъ и недоразумѣніямъ не было конца. Казалось бы, всѣхъ этихъ людей, скученныхъ на пароходѣ въ самыхъ неудобныхъ условіяхъ, переживающихъ большую національную и личную передрягу, должно было бы объединять единое чувство солидарности и содружества, но не тутъ-то было. Всюду виталъ духъ озлобленности, вражды. ненависти. И это — на параходѣ, увозившемъ взрослыхъ людей, объединенныхъ общимъ признакомъ: нежеланіемъ склониться передъ большевиками!..

На пароходѣ раньше всего обозначилась своя «аристократія» и «демократія». Молодые генеральскіе адъютанты и сопровождавшія ихъ пѣвички имѣли отдѣльныя каюты, а заслуженные и немолодые дѣятели, по скромности не предъявлявшіе претензій, — ютились на трюмныхъ нарахъ. Составъ эвакуируемыхъ скоро разбился на группы и партіи, остро между собою враждующія. Задавали «тонъ» чины шварцевской арміи, скромно держали себя добровольцы, шумливо проявляли себя хлѣборобско-украинскія группы съ Андро во главѣ, затравленными глядѣли политическіе дѣятели. Случилось такъ, что въ томъ же трюмѣ, на сосѣднихъ нарахъ оказались чины стараго охраннаго отдѣленія, гетманской и добровольческой контръ-развѣдки — и рядъ соціалистовъ-революціонеровъ, убѣгавшихъ отъ большевиковъ, но, не взирая на это, подвергавшихся грубой травлѣ обнаглѣвшихъ охранниковъ. Молодой одесскій мировой судья с-р. С-къ нервно за-

являлъ, что онъ не можетъ больше выносить «шуточекъ» по своему и своихъ сотоварищей адресу и предпочитаетъ броситься въ воду, чѣмъ продолжать подобную пытку. Багажъ и саквояжи нѣсколькихъ банкировъ и купцовъ служили предметомъ открытаго вожделѣнія, кое-чего потомъ и не досчитались. Кому-то все время угрожали «спустить въ воду», кто-то хватался за револьверъ, и т. д. Среди пассажировъ было и нѣсколько евреевъ, и этого было достаточно, чтобы нависалъ призракъ погрома. Все это создавало атмосферу нервную, грозовую и нездоровую.

По прибытіи къ Константинополю, стало извѣстно, что французское командованіе настаиваетъ на отправкѣ военнообязанныхъ въ Новороссійскъ, на фронтъ. Началась паника, иные буквально прятались подъ нары, другіе старались не попадаться на глаза. Многіе неожиданно возгорѣлись симпатіей къ адм. Колчаку и стали настаивать на отправкѣ на сибирскій — болѣе далекій — фронтъ, куда ѣхать надо было — до Владивостока — чуть ли не 2 мѣсяца, а до Новороссійска было — рукой подать. Другіе — преимущественно «хлѣборобы» съ Андро во главѣ — воспылали славянофильскими чувствами и стали устремляться въ славянофильскія страны, якобы для организаціи тамъ анти-большевистскихъ отрядовъ. Одни только добровольческіе офицеры сразу стали «грузиться» на пароходъ, отправляющійся въ Новороссійскъ. Но количество этихъ вѣрныхъ своему воинскому долгу людей оказалось недостаточнымъ, французы настаивали на доведеніи хотя бы до нормы въ 500-600 человѣкъ. Рѣшившіе ѣхать во Владивостокъ или въ туманныя «славянскія земли» не поддавались ни уговариваніямъ, ни приказамъ выдѣлить изъ своего состава группу соглашающихся отправиться въ Новороссійскъ. Дошло до того, что въ поздній ночной часъ въ одинъ изъ трюмовъ явился нѣкій генералъ и громогласно заявилъ, что французы, въ виду недостиженія назначенной ими минимальной нормы отправки въ Новороссійскъ, съ согласія ген. Шварца, рѣшили пополнить ряды отправляющихся гражданскими лицами. Началась суета и крики, прекратившіеся заявленіемъ П. М. Рутенберга, что никто подобнаго распоряженія не отдавалъ и, конечно, отдавать не могъ. Двѣнадцать дней длился этотъ кошмаръ, пока, наконецъ, «Кавказъ» съ его 107 генералами, нѣсколькими десятками полковниковъ, со своимъ «совѣтомъ обороны», комендантами трюмовъ, суточными, размѣнами, раздачами пособій, протекціями, интригами, нелѣпѣйшей борьбой партій и т. д., не высадилъ бѣженцевъ-эмигрантовъ на о. Халки.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ эпопеи «Кавказа» П. М. Рутенбергъ печатно (на столбцахъ «Общаго Дѣла») предъ-

явилъ рядъ конкретныхъ обвиненій по адресу г. Андро, которому инкриминировалась безконтрольная трата казенныхъ денегъ, не сдача отчетности и т. д. Г. Андро въ отвѣтъ на эти обвиненія печатно же заявилъ, что докажетъ ихъ клеветническій характеръ... въ русскомъ судѣ, по возвращеніи въ Россію, такъ какъ, де, неудобно россійскимъ подданнымъ ликвидировать на чужбинѣ, передъ иностранцами, возникшую между ними тяжбу. Самую же отчетность по израсходованію находившихся у него казенныхъ суммъ г. Андро обѣщалъ сдать на храненіе одному изъ россійскихъ дипломатическихъ представителей для дальнѣйшей передачи контрольному органу будущей законной общероссійской власти.

Судьбѣ, однако, было угодно, чтобы меньше года спустя часть — правда, очень незначительная — злополучныхъ пассажировъ «Кавказа» вторично продѣлала эвакуаціонный крестный путь отъ той же Одессы до того же Константинополя. Добровольческая армія въ концѣ 1919 г. повсюду отступала, уступая мѣсто большевикамъ. Въ январѣ 1920 г. дошла очередь и до Одессы. Въ Одессѣ на этотъ разъ французовъ не было, но стояли въ порту англійскія суда, а въ городѣ находилась англійская военная миссія. Англійскіе офицеры, не удерживавшіеся отъ публичнаго, на банкетѣ, иронизированія по адресу французовъ, такъ поспѣшно эвакуировавшихъ годъ назадъ Одессу, заявляли, что, въ случаѣ нужды, они возьмутъ руководство эвакуаціей на себя и докажутъ, что вывезутъ всѣхъ желающихъ. Въ Одессѣ было около 50 тысячъ офицеровъ, были уже сформированныя части, но командующій войсками ген. Шиллингъ оказался никуда негоднымъ организаторомъ и абсолютно не умѣлъ организовать защиты города. Замерзаніе рѣки Бугъ въ разгаръ зимы «не было предвидѣно», большевики, перейдя Бугъ и занявъ Вознесенскъ, имѣли свободнымъ и незащищеннымъ путь на Одессу. Одесса была погружена въ маразмъ, безтолковщину и всеобщую растерянность. Воскресли щедринскіе нравы и помпадурскіе пріемы: въ день взятія большевиками Вознесенска чины штаба округа во главѣ съ ген. Шиллингомъ изволили посѣтить концертъ цыганской пѣвицы Степовой, ради какого концерта неожиданно, послѣ большого антракта, дали электрическую энергію въ тотъ кварталъ, въ которомъ помѣщался концертный залъ, удостоенный генеральскаго посѣщенія; буквально за 2-3 дня до оставленія ген. Шиллингомъ Одессы, появившаяся въ «Одесскомъ Листкѣ» хроникерская замѣтка о закрытіи градоначальникомъ какого-то клуба вызвала появленіе въ редакціи офицеровъ-текинцевъ, арестовавшихъ и увезшихъ съ собою 2 сотрудниковъ, «обвинявшихся» въ «допущеніи» замѣтки. . . непріятной дамѣ сердца нѣкоего влі-

ятельнаго генерала. Немудрено, что въ подобной обстановкѣ оборона Одессы впередъ не подвигалась, но зато, все ближе надвигался призракъ эвакуаціи. Видя все это и предчувствуя неизбѣжное, английская военная миссія объявила о томъ, что ею берется на себя эвакуація желающихъ выѣхать лицъ гражданскаго населенія непризывного возраста. Военнообязанныхъ и лицъ призывного возраста англичане отказались категорически вывозить, все еще надѣясь добиться организаціи обороны города, использовывая наличный громадный резервуаръ живой силы. Англійскіе офицеры поддерживали связь со штабомъ обороны, англійскіе инструкторы были прикомандированы къ формировавшимся различнымъ организаціямъ и отрядамъ, англійскіе пулеметчики обучали слушателей пулеметныхъ курсовъ, отрядъ англійской морской пѣхоты, во главѣ съ оркестромъ музыки, прошелъ по центральнымъ улицамъ города. Одновременно англійская миссія стала заниматься организаціей эвакуаціи, устанавливались очереди сообразно возрасту, полу, служебному положенію, степени политической скомпрометированности передъ большевиками. Очереди выѣзда и мѣста на пароходѣ обозначались отдѣльными литерами, проставлявшимися при выдачѣ визы. Первые пароходы подъ англійскимъ флагомъ вывезли уже обладателей съ литерами А и В.

Но событія на фронтѣ шли своимъ чередомъ. Отдѣльные небольшіе большевистскіе отряды приближались къ Одессѣ и тѣснили части, защищавшія подступы къ городу. Судовая артиллерія съ англійскихъ броненосцевъ приняла участіе въ обстрѣлѣ деревень, въ которыхъ большевики начали уже свои неистовства. Перекиднымъ огнемъ береговыхъ батарей и англійской морской артиллеріи большевиковъ держали на нѣкоторомъ, все уменьшавшемся разстояніи отъ предмѣстій Одессы. Въ городѣ началось форменное столпотвореніе вавилонское. Начальствующія лица потеряли голову и безъ толку метались по городу, общественныя организаціи увидѣли невозможность въ такихъ условіяхъ продолжать работу по организаціи обороны. Участились грабежи, налеты, убійства, разстрѣлы, казни. Ген. Шиллингъ, сдавъ власть штабу обороны, предпочелъ съѣхать на пароходъ, стоявшій подъ парами въ порту. Неожиданно на дверяхъ англійской миссіи появилось объявленіе о томъ, что англичане отказываются отъ дальнѣйшихъ заботъ объ эвакуаціи, въ виду того, что предназначенные ими для эвакуаціи гражданскаго населенія пароходы оказались захваченными русскими военными. И, дѣйствительно, рядъ пароходовъ оказался занятымъ воинскими чинами, потерявшими надежду иначе спасти свою жизнь отъ большевистскихъ разстрѣловъ.

Легко можно себѣ представить, что творилось среди обладателей англійской визы и «литеры». Помѣщеніе англійской миссіи заколочено, пароходы, на которыхъ англичане обѣщали эвакуировать — захвачены. Тысячи людей стали «на всякій случай» спускаться въ портъ, свозя или снося туда же свой багажъ, заключавшій въ себѣ наиболѣе цѣнное и легко заграницей реализуемое имущество. Когда городъ и портъ оказались охваченными большевистскимъ возстаніемъ, груды багажа стали достояніемъ грабителей, поживившихся на много десятковъ милліоновъ рублей и, притомъ, въ такихъ предметахъ, какъ цѣнные металлы, мѣха, ковры и т. д. Французскій консулъ, г. Вотье, желая придти на помощь мѣстной интеллигенціи, снесся съ Константинополемъ, прося выслать въ его распоряженіе большой пароходъ, на которомъ можно было бы вывезти 700-800 человѣкъ, включая сюда французскую и швейцарскую колоніи, а также видныхъ русскихъ анти-большевиковъ. Къ сожалѣнію, вмѣстительный «Царь Фердинандъ», шедшій въ распоряженіе г. Вотье, запоздалъ и подходилъ къ Одессѣ, когда эвакуація была уже фактически закончена, пришлось удовольствоваться небольшимъ далматинскимъ пароходомъ «Спарта», реквизированнымъ французами. «Спарта» и вывезла лицъ по спискамъ французскаго консульства, но въ количествѣ значительно меньшемъ, чѣмъ первоначально предполагалось, когда имѣлся въ виду пароходъ большей вмѣстимости.

Между тѣмъ, въ городѣ и на его окраинахъ вспыхнуло большевистское возстаніе. Возстаніе это не было предвидѣно ни русской, ни англійской контръ-развѣдкой. Безъ сопротивленія, легко нѣсколько сотъ мѣстныхъ большевистскихъ хулигановъ до полудня 4 февраля 1921 г. сумѣли захватить въ свои руки весь городъ. Пулеметы оказались разставленными на крышахъ многихъ домовъ центра города, въ томъ числѣ и на крышѣ дома, въ которомъ помѣщалась англійская миссія. Чины миссіи выбрались въ портъ, усиленно отстрѣливаясь отъ наступавшихъ на нихъ большевиковъ. Охрана порта была въ рукахъ юнкеровъ Сергіевскаго артиллерійскаго училища и воспитанниковъ старшихъ классовъ кадетскаго корпуса. Въ приморскихъ улицахъ города шла перестрѣлка, стрѣляли большевики, стрѣляли по большевикамъ, стрѣляли изъ винтовокъ, грохотали пулеметы, откуда-то доносился гулъ артиллерійской стрѣльбы. Скоро и на территоріи порта началась безпорядочная стрѣльба, естественно, затруднявшая посадку на пароходы послѣднихъ эвакуируемыхъ. Большевики начали обстрѣлъ портовой территоріи, снаряды стали ложиться у самыхъ судовъ, переполненныхъ людьми, имѣли мѣсто случаи перелетовъ шрапнелей, шлепавшихся въ воду у самаго

борта. Команда пароходовъ, по большей части иностранная или составленная изъ русскихъ офицеровъ, начала нервничать, стали разводить пары и перегруженные людьми пароходы выходить за брекваторъ, на большой рейдъ, за предѣлы большевистской досягаемости. Но этимъ еще не заканчивались мытарства эвакуировавшихся. На однихъ изъ пароходовъ оказались не въ порядкѣ машины, на другихъ — была нехватка угля или воды. При подходѣ къ Босфору началась сильнѣйшая снѣжная пурга, застилавшая входъ въ проливъ. Многіе пароходы изъ опасенія наткнуться на минныя поля, брали снова курсъ въ открытое море, по которому и блуждали, сбившись съ пути, 24 и больше часовъ, безъ особой надежды на спасеніе. Одинъ изъ небольшихъ пароходовъ налетѣлъ на скалу и затонулъ, пассажиры, кромѣ 4-5, были спасены, но многіе поотмораживали себѣ ноги, были и случаи сумасшествія, острыхъ сердечныхъ и нервныхъ припадковъ. Всюду были больные, обезсиленные, простуженные, голодные взрослые, мужчины и женщины, было также не мало стариковъ и дѣтей. Когда вышли изъ порта пароходы съ гражданскими бѣженцами, стали заканчивать и погрузку на суда военныхъ и военнаго имущества. Военный элементъ — преимущественно штабные — занялъ нѣсколько пароходовъ, транспортовъ, моторныхъ судовъ, яхтъ и т. д., другая часть пѣшимъ порядкомъ двинулась къ бессарабской границѣ, куда пропущена не была, разсѣявшись здѣсь по деревнямъ и нѣмецкимъ колоніямъ и группами попадая въ руки большевиковъ. И въ Овидіополѣ, и въ Тираспольѣ скопилось не мало бѣженцевъ, но румынскія власти, несмотря на всѣ просьбы и хлопоты, бездушно отказались ихъ пропустить на бессарабскую территорію, вызвавъ тѣмъ самымъ много ненужныхъ жертвъ и лишняго горя. Когда одесскій портъ былъ уже болѣе или менѣе освобожденъ отъ эвакуирующихся, среди одного изъ запоздавшихъ отрядовъ вылилось наружу чувство возмущенія и стыда по случаю сдачи города, обладавшаго столь большими кадрами защитниковъ, кучкѣ хулигановъ. Частью этого отряда и было рѣшено вернуться въ городъ. Путь изъ порта до вокзала удалось пройти безпрепятственно, попадавшіеся по дорогѣ отдѣльные большевики, видя организованный воинскій отрядъ, разбѣгались. Но отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ, пришлось вернуться въ портъ и нагонять ушедшихъ впередъ.

Прибывъ, наконецъ, въ Константинополь, одесскіе бѣженцы застали въ русскихъ кругахъ подавленное настроеніе. Положеніе на фронтѣ все ухудшалось, усилились и стали выливаться наружу нелады между отдѣльными представителями высшаго военнаго командованія. Въ Константинополь начали

прибывать первые бѣженцы изъ Новороссійска. Изъ Крыма, гдѣ воцарился одесскій Шиллингъ, доходили свѣдѣнія о начинающемся и тамъ развалѣ. Въ Константинополь прибылъ опальный ген. Врангель и его начальникъ штаба ген. Шатиловъ. Въ это время еще не получило огласки и не ходило въ копіи по рукамъ письмо ген. Врангеля ген. Деникину съ рѣзкой критикой и обличеніями послѣдняго. Генералы Врангель и Шатиловъ, зная, что я ѣду въ Парижъ и связанъ съ тамошними литературными и политическими кругами, детально изложили мнѣ исторію взамоотношеній Врангеля и Деникина. Запись бесѣды съ ген. Шатиловымъ у меня сохранилась, но воспроизводить ее нѣтъ смысла, такъ какъ сообщенное ген. Шатиловымъ совпадаетъ съ сущностью опубликованнаго впослѣдствіи письма Врангеля Деникину. Приближенные Врангеля въ Константинополѣ усиленно «будировали» противъ Деникина, обвиняя его въ семи смертныхъ грѣхахъ, причемъ въ обвиненіяхъ этихъ было очень много и чисто личнаго. Какъ все это похоже и почти буквально совпадаетъ съ раздавшимся полгода спустя въ томъ же Константинополѣ «Требую суда общества и гласности», филиппикой по адресу ген. Врангеля, героя обороны Крыма въ 1919 г., перебѣжавшаго въ концѣ 1921 г. къ большевикамъ—ген. Слащева.

Событія стали развиваться съ кинематографической быстротой. Новороссійскъ палъ, оттуда прибыла масса бѣженцевъ. Ген. Деникинъ отрекся отъ главнаго командованія, его преемникомъ сталъ ген. Врангель. Немедленно, уволенные по приказу ген. Деникина, «врангеліанцы» — ген. Шатиловъ, ген. Лукомскій и другіе, назначаются ген. Врангелемъ на отвѣтственные посты. Ген. Врангель берется за реорганизацію крымской арміи, командируя своего помощника ген. Шатилова въ Константинополь для переговоровъ съ англійскимъ командованіемъ. Сущность этихъ переговоровъ держится въ тайнѣ, но ген. Шатиловъ посвящаетъ меня въ ихъ сущность, обязуя держать въ секретѣ сообщенное, увѣдомивъ о немъ лишь парижскіе русскіе круги. Оказывается, англійское правительство считало нужнымъ сдѣлать предупрежденіе, что оно крымской арміи оказывать поддержку больше не будетъ, не гарантируетъ ей эвакуаціи въ случаѣ продолженія борьбы съ большевиками. Явно дѣлался намекъ на то, что лучше-де прекратить борьбу, причемъ въ этомъ случаѣ англичане не прочь были бы явиться посредниками въ переговорахъ «бѣлаго» командованія съ большевистскимъ. Ген. Шатиловъ изложилъ представителямъ англійскаго командованія въ Константинополѣ совокупность мотивовъ, по которымъ невозможно стать на путь, рекомендуемый Лондономъ, причемъ находившіеся въ Константинополѣ англійскіе генералы и адмиралы

не безъ сочувствія отнеслись къ аргументаціи ген. Шатилова, еще разъ подтверждая то обстоятельство, что англійскіе представители, непосредственно и близко соприкасающіеся съ русскими дѣлами и дѣятелями, обычно гораздо болѣе сочувственно относятся къ русской точкѣ зрѣнія, чѣмъ сидящіе въ Лондонѣ сэры и милорды. Имѣлъ же мѣсто случай, когда одинъ изъ ближневосточныхъ англійскихъ военно-начальниковъ, получивъ приказъ изъ Лондона отъ Ллойдъ-Джорджа прекратить доставку снарядовъ изъ англійскихъ запасовъ русскимъ анти-большевикамъ, прекратилъ помощь изъ англійскихъ запасовъ, начавъ оказывать ее изъ запасовъ турецкихъ, находящихся въ его же распоряженіи . . .

Въ Константинополь пріѣзжаетъ ген. Деникинъ и въ день его пріѣзда происходитъ убійство въ зданіи русскаго посольства ген. Романовскаго. Этотъ самосудъ съ находящимся уже не у дѣлъ, направлявшимся къ семьѣ, генераломъ, произвелъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Выстрѣлъ въ зданіи русскаго посольства взбудоражилъ союзные круги Константинополя, приняты были мѣры къ розыску убійцъ, ничего, однако, не давшія. Послѣ убійства, въ зданіе посольства были введены англійскіе солдаты, и за это допущеніе нарушенія принципа экстерриторіальности былъ устраненъ отъ должности ген. Врангелемъ россійскій дипломатическій представитель г. Щербацкій. Уволенъ былъ также и военный представитель ген. Агапѣевъ, не принявшій должныхъ мѣръ охраны. Вообще, ген. Врангель подчеркивалъ своими распоряженіями все свое несочувствіе убійству своего противника — ген. Романовскаго. Англійская полиція стала производить регистрацію всѣхъ находившихся въ Константинополѣ русскихъ офицеровъ, причемъ одной изъ цѣлей этой регистраціи было желаніе набрести на слѣдъ убійцъ ген. Романовскаго. Увѣренность же въ томъ, что убійца былъ изъ круговъ офицерства, была въ Константинополѣ очень велика, базируясь на остро-непріязненномъ отношеніи, которое проявляли къ ген. Романовскому нѣкоторые офицерскіе группы и кружки. Послѣ убійства ген. Романовскаго, охрану обитавшихъ въ зданіи посольства временно взяли на себя англійскіе сиппаи, ген. же Деникинъ переѣхалъ на Англійское судно, увезшее его скоро въ Лондонъ, гдѣ ген. Деникинъ, впрочемъ, пробылъ не долго, предпочтя Лондону, столицѣ Ллойдъ-Джорджа и возрождающихся биконсфильдовскихъ традицій, сперва — Бельгію, а потомъ — Венгрію . . .

XIV.

Національный вопросъ.

Революція застала русское общество въ состояніи изряднаго невѣжества въ области національнаго вопроса. Въ либеральныхъ и соціалистическихъ кругахъ было принято отстаивать полноправіе и равноправіе «инородцевъ», а также самоуправленіе окраинъ. Среди правыхъ процвѣтала политика «бараньяго рога» и насильственной руссификаціи. Революція отбросила правые рецепты и въ отношеніи разрѣшенія вопроса о національностяхъ, населяющихъ Россію, но среди дѣятелей революціи мало, кто давалъ себѣ ясный отчетъ въ конкретныхъ очертаніяхъ требованій и пожеланій отдѣльныхъ національностей. Формулы о «національно-территоріальной автономіи» о «полномъ національномъ и культурномъ самоопредѣленіи», о «правѣ національностей на распоряженіе своей судьбой» были туманны и для большинства — лишены конкретнаго содержанія. Средній интеллигентъ не зналъ, чего, собственно, хочетъ каждая національность и каждая окраина, не былъ знакомъ съ равнодѣйствующей пожеланій національностей. Какъ наслѣдіе системы централизма, и при желаніи осуществлять децентрализацію подходили со слишкомъ общимъ и единымъ мѣриломъ, со слишкомъ единообразными формулами. Вмѣсто болѣе или менѣе точныхъ знаній, вмѣсто углубленія различныхъ частностей существеннаго характера—пробавлялись розовой водицей идеалистической «симпатіи» ко всѣмъ требованіямъ національныхъ группъ, откуда-бы они не исходили, кѣмъ и чѣмъ они не были-бы продиктованы. Долгое время не вѣрили въ нѣмецкую подоплеку едва-ли не большинства сепаратистическихъ движеній. Департаментомъ полиціи стараго режима враждебныя Россіи тенденціи иныхъ представителей нѣкоторыхъ изъ окраинъ чрезмѣрно обобщались и раздувались, онѣ, даже, питались глупой политикой, механической и насильственной руссификаціей и полицейскимъ гоненіемъ на мѣстную культуру, но — не было дыма безъ огня. Въ частности, правильны были указанія на близкое участіе Австріи и австрійскихъ агентовъ за кулисами украинскаго самостійничества. Облыжно было наименовать всѣхъ украинскихъ націоналистовъ «мазепинцами», но наивно было и отрицаніе связей съ Австріей гг. Грушевскихъ, Винниченко, Донцовыхъ и т. д. Обѣлять ихъ было-бы просто нелѣпо, когда документально извѣстна роль во время войны «союза вызволенья Украйны», пропаганда среди военно-плѣнныхъ, попавшихъ

въ Австрію и Германію, клеветническія противъ Россіи кампаніи Скоропись-Іолтуховскихъ, украинскихъ бюро въ Швейцаріи, уніатскихъ пропагандистовъ съ митрополитомъ гр. Шептицкимъ во главѣ. Революція, къ сожалѣнію, не выбила почвы изъ подъ ногъ и у крайнихъ дѣятелей національнаго движенія. Не была парализована работа по разложенію Россіи, производившаяся сперва Германіей, а потомъ Англіей, не было понято самостійничество защитнаго отъ большевиковъ цвѣта ряда окраинъ, не была подана рука помощи умѣреннымъ элементамъ, добивавшимся уже не автономіи, а федераціи. Этотъ ростъ требованій умѣренныхъ группировокъ былъ въ прямой зависимости отъ «щедрости» большевиковъ, легко и свободно соглашавшихся на полное отдѣленіе отъ Россіи «всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ». Большевики заигрывали съ сепаратистами-руссофобами, нужно было поддержать среднее теченіе, принявшее федералистическую окраску. У насъ-же упорно твердили объ единой и недѣлимой, дразнили и раздражали фразами о «Прибалтійскомъ краѣ», о «малороссахъ», о кавказскихъ «человѣкахъ» и т. д. Слово «федерація» стало на югѣ Россіи уподобляться «жупелу» и «металу» купчихъ изъ пьесъ Островскаго: его боялись, его обходили, имъ пугали. Въ особомъ совѣщаніи при Главнокомандующемъ вооруженными силами Юга Россіи два профессора-государствовѣда заставляли предавать федералистовъ чуть-ли не анаѳемѣ.

Нельзя не отмѣтить того факта, что нѣкоторые дальнозоркіе иностранцы предвидѣли вредныя послѣдствія централистическаго максимализма даже раньше иныхъ россіянъ. По случайному стеченію обстоятельствъ апогей самостійнической украинской агитаціи въ парижской прессѣ совпалъ съ пріѣздомъ въ Парижъ миссіи ген. Драгомирова (лѣтомъ 1919 г.). Бесѣдуя съ нѣкоторыми вліятельными французскими журналистами по украинскому вопросу и снабжая ихъ метерьялами о самостійникахъ, мнѣ пришлось выслушать отъ нынѣ уже покойнаго Жозефа Рейнаха, умѣреннаго и сдержаннаго публициста, очень преданнаго Россіи, буквально слѣдующее:

— «Нѣтъ, не помѣщу я въ «Фигаро» статьи противъ украинскихъ сепаратистовъ. Не потому, однако, что я сочувствовалъ-бы имъ, а вслѣдствіе того, что нужно, чтобы антибольшевистская власть поспѣшила съ провозглашеніемъ федералистическаго и республиканскаго принциповъ. Внѣ этого — нѣтъ спасенія, внѣ этого — большевизмъ, потеря Россіей выходовъ къ морямъ, сведеніе ея границъ къ существовавшимъ въ Московскомъ княжествѣ. Генералъ Драгомировъ, съ которымъ я вчера бесѣдовалъ, не хочетъ стать на эту

точку зрѣнія. Тѣмъ хуже для того правительства, которое онъ представляетъ. Но и мы, друзья свободной Россіи, лишены возможности сдерживать вашихъ сепаратистовъ до тѣхъ поръ, пока другая сторона не откажется отъ своего нелѣпаго и отжившаго централизма» ..... Жозефъ Рейнахъ, стоя внѣ гущи россійскихъ дѣлъ и глядя на нихъ со стороны, формулировалъ, надо признать, правильную и здравую точку зрѣнія.

Сепаратизмъ вызвалъ къ жизни сотни министровъ, пословъ, главнокомандующихъ и т. д., которые цѣпко держатся за свою власть и всячески ее отстаиваютъ. Ихъ кровный интересъ — поддерживать полное и окончательное отдѣленіе отъ Россіи. Съ паденіемъ большевизма, если новая власть будетъ придерживаться трезвой и реальной политики въ національномъ вопросѣ, населеніе окраинъ будетъ находиться при рѣшеніи судьбы государственныхъ новообразованій подъ вліяніемъ соображеній преимущественно финансово-экономическаго характера. Не говоря уже о прочныхъ культурныхъ связяхъ, федеративное единеніе съ Россіей сулитъ не малыя экономическія выгоды — единый экономическій организмъ и общій торговый рынокъ, а также облегченіе и смягченіе бюджетно-налоговыхъ тяготъ (отпадутъ расходы на содержаніе отдѣльной арміи, министерствъ, дипломатическихъ представительствъ, пропаганды и т. д.). Сепаратизмъ сталъ для многихъ средствомъ карьернымъ, способомъ закрѣпить за собою опредѣленное высокое служебное положеніе. Ради культивированія государственной обособленности стали — о, выученники Бобриковыхъ, Шульгиныхъ и Ренненкамфовъ, — насаждать искусственную украинизацію, грузинизацію и т. д., преслѣдовать все русское, притѣснять русскій языкъ и даже отрицать русскую литературу и культуру. Изъ всѣхъ народовъ Россіи развѣ что одни только армяне, татары, караимы и евреи неповинны въ подобныхъ грубо-неприличныхъ и трагически-смѣшныхъ нанесеніяхъ ударовъ въ спину окровавленной Россіи. Изъ среды-же едва-ли не всѣхъ остальныхъ народовъ Россіи выступали шумливые милостивые государи, бравшіе на себя самозванно право говорить отъ имени своего народа и, не имѣя на то ни полномочій, ни достаточныхъ данныхъ, клеветать на Россію и злословить на весь русскій народъ. Если иные иностранцы еще недостаточно усвоили различіе между царизмомъ и Россіей и между большевизмомъ и Россіей, то выросшимъ на русской культурѣ народамъ русскихъ окраинъ уже сугубо не пристало подобное смѣшеніе и обобщеніе.

Нужно опредѣленно признать, что грубое, цинично опирающееся на временную силу издѣвательство надъ всѣмъ

русскимъ — безслѣдно врядъ ли пройдетъ и свой слѣдъ оставитъ въ видѣ извѣстнаго запаса раздраженія. Насильственное навязываніе украинскаго языка, малопонятнаго южно-русскому населенію, не освоившемуся съ «галлицизмами» «мовы», было длительной траги-комедіей. Учрежденія засыпались бумагами, которыя надо было переводить, среди чиновничества началось нездоровое соревнованіе въ знаніи украинской мовы, шпіонажъ и доносительство на говорящихъ «по московски». Когда изъ гетманскаго мин-ства торговли пошла въ гетманское-же мин-ство труда бумага, написанная по русски, послѣдовалъ отвѣтъ на французскомъ діалектѣ съ просьбой впредь не писать на иностранномъ языкѣ и, въ крайнемъ случаѣ, пользоваться обще-употребительнымъ иностраннымъ языкомъ — французскимъ. Отрицалось даже двуязычіе — признаніе равноправно-государственными и украинскаго и русскаго языковъ, упрямо требовалось всеобщее употребленіе одного только языка — галиційско-украинскаго. Всѣ разновидности украинской власти, заявляли себя противниками большевиковъ, въ своихъ видахъ отожествлявшихся съ «москалями» вообще (фактически впрочемъ гг. Винниченко и Грушевскій и за долго до офиціальнаго пріятія коммунистической вѣры заигрывали съ большевиками). Украинская директорія дошла до такой наглости, что объявила офицеровъ русской добровольческой арміи, отстаивавшихъ Украйну отъ большевистскаго нашествія, иностранцами, подлежащими разоруженію и въ случаѣ отказа сдать оружіе, насильственной высылкѣ за предѣлы Украйны. На практикѣ мѣра эта осуществлена не была, но тревоги опубликованіе мудраго рѣшенія кіевской власти внесло не мало. Въ одесскую городскую думу к.-д. фракція внесла запросъ о мѣрахъ, которыя предполагаетъ принять городская управа для огражденія правъ и интересовъ офицерства Добровольческой арміи. «Въ чемъ вина этой категоріи гражданъ — вопрошалъ интерпеллировавшій гласный, — если въ томъ, что ихъ оріентація на Москву, а не на Вѣну, или Львовъ, то и к.-д. придерживаются той-же «оріентаціи» и, слѣдовательно, ихъ точно такъ-же нужно выселять изъ предѣловъ Украйны, какъ «иностранцевъ». —

Всякіе «трудовые конгрессы», національныя рады, гайдамаческія части, петлюровскія организаціи, значительную долю своей энергіи и активности отдавали «работѣ» по борьбѣ съ русскимъ духомъ и русскимъ вліяніемъ. Гетманская власть только наканунѣ своего паденія завела рѣчь о федераціи, о равноправіи языковъ и т. д. Можно, не рискуя впасть въ преувеличеніе, утверждать, что всѣ раз-

новидности украинской самостійнической власти отдали дань, и не малую, срыванію вывѣсокъ на русскомъ языкѣ, переименованію улицъ и площадей, перекрашиванію въ желто-голубой цвѣтъ почтовыхъ ящиковъ и т. д. Все это дѣлалось съ ожесточеніемъ, грубо, озлобленно, благо украинскіе самостійники вербуютъ адептовъ преимущественно изъ малокультурныхъ рядовъ сельской полу-интеллигенціи, а прозелиты и мелкіе карьеристы строили на «кацапофобіи» свое личное благополучіе.

Предѣлы того, что стали именовать Украйной, съ теченіемъ времени расширялись, захватывая губерніи и уѣзды, этнографическая принадлежность которыхъ къ Украинской территоріи была спорной. Специфически-самостійное «украинство» насаждалось не только въ Кіевѣ и Полтавѣ, но и въ такихъ космополитическихъ центрахъ, какъ Одесса или Николаевъ. Характерно, что большіе города неизмѣнно проводили микроскопическое количество украинскихъ кандидатовъ въ городскія думы, а Кіевъ даже въ украинское Учредительное Собраніе провелъ въ числѣ прочихъ и В. В. Шульгина, активнаго украинофоба. Украинская деревня, поддаваясь агитаціи о томъ, что только самостійная Украйна спасетъ отъ коммунистической анархіи, голосовала, правда, въ большинствѣ случаевъ за самостійниковъ, но въ этомъ сказывалась лишь ненависть къ большевизму, наивная вѣра въ спасеніе самостійниками, вліяніе національно настроенной сельской интеллигенціи, въ частности кооператоровъ. Ненависти къ русскимъ не было и въ поминѣ, напротивъ того, повсѣместно выражалась селянами симпатія къ злосчастной судьбѣ Москвы, русскій языкъ былъ въ почетѣ и почитался проявленіемъ болѣе высокой культуры (населеніе часто высказывалось за преподаваніе въ начальной школѣ по-русски, а не по-украински, считая, что практически полезно, чтобы дѣти ознакомились съ «барскимъ» языкомъ и не учились одному только языку «мужицкому»). Впослѣдствіи, самостійники пытались придать національное освѣщеніе антибольшевистскому движенію на Украйнѣ, которое, въ дѣйствительности, въ націоналистическіе цвѣта отнюдь не окрашено и носитъ опредѣленный характеръ рѣзкой оппозиціи лишь соціально-экономической программѣ большевизма. Украинское крестьянство не только органически связано съ институтомъ мелкой земельной собственности, но, будучи болѣе или менѣе зажиточнымъ, оно проявляетъ склонность съ оружіемъ въ рукахъ защищать свой урожай, свой скотъ, свой инвентарь отъ реквизицій, конфискацій, разверстокъ, продналоговъ и т. д., какъ точно оно защищаетъ свою молодежь отъ безконечныхъ мобилизацій. «Совѣтская Украйна», въ сущности,

существуетъ только на бумагѣ, горсточка украинскихъ коммунистовъ, руководимая не то болгариномъ, не то румыномъ Раковскимъ, распространяетъ свою власть только на нѣсколько крупныхъ городовъ и узловыхъ желѣзнодорожныхъ станцій, на разстояніи-же 10 верстъ отъ нихъ комиссаръ и показаться не смѣетъ и тамъ царитъ голая анархія, прикрашенная «батьковщиной» и «атаманщиной». Всѣ эти Махно, Струки, Тютюники, Зеленые и т. д. — типичные бандиты, попутно осуществляющіе политическую цѣль, — борьбу съ коммунистами.

Трезво и объективно подходя къ вопросу объ отношеніи южно-русскаго населенія, къ вопросу объ отдѣленіи Украйны отъ Россіи, нельзя самымъ категорическимъ и рѣшительнымъ образомъ не признать того, что подавляющее большинство этого населенія абсолютно противъ самостоятельности Украйны. Бѣда только въ томъ, что это большинство населенія, въ общемъ, политически недостаточно активно, неорганизовано. Аморфной массѣ большинства населенія противополагается шумливое и крикливое ничтожное его меньшинство, твердящее о самостійности. На территоріи Украйны создано мало организацій и группъ, руссофильски настроенныхъ; сторонники формулы «свободная Украйна въ свободной Россіи» — распылены и недостаточно активны. Этимъ пользуются всякой марки самостійники, чтобы репетиловской шумливостью создать впечатлѣніе о томъ, что самостійниковъ — много, что они — вліятельны и сильны. Заграницей былъ созданъ Украинскій національный комитетъ, имѣющій центромъ Парижъ, а отдѣленія въ Константинополѣ и др. пунктахъ, при чемъ эта организація во главу угла своей программы ставила сочетаніе преданности національной украинской культурѣ съ горячей сыновней любовью къ общей матери Россіи. Украинскій національный комитетъ, ставъ на федералистическую платформу, энергично велъ борьбу съ самостійниками въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, въ печати и т. д. Украинскій Національный Комитетъ выступалъ въ теченіе 1920 и 1921 гг. въ рѣзкой оппозиціи, какъ самостійникамъ, такъ и коммунистамъ, однако, 11 мая 1922 г. въ Генуѣ состоялось «соглашеніе» между предсѣдателемъ Укр. Нац. Ком. С. Маркотуномъ и предсѣдателемъ Сов. Нар. Комиссаровъ Украины Раковскимъ, при чемъ г. Маркотунъ предложилъ г. Раковскому «содѣйствовать» возстановленію экономическихъ сношеній русско-украинской федераціи и Франціи, способствуя «созданію необходимыхъ для того финансовыхъ, промышленныхъ и торговыхъ организацій». Добродіе Раковскій милостиво принялъ это предложеніе. И г. Маркотунъ, хотя и продолжающій «не раздѣлять коммунистическихъ идей», сталъ фактически

чѣмъ-то вродѣ торговаго агента въ Парижѣ украинскихъ коммунистовъ и, объектомъ нѣкотораго вниманія французскихъ спекулянтовъ и гешефтмахеровъ. Подобной безпринципности и фиглярства не раздѣлилъ членъ Укр. Нац. Ком. Н. М. Могилянскій, вышедшій изъ состава Комитета послѣ того, какъ г. Маркотунъ увѣровалъ въ «федерализмъ» и анти-самостійничество г. Раковскаго, согласившись служить цѣлямъ украинскихъ коммунистовъ не раздѣляя — словесно коммунистическихъ идей, столь ненавистныхъ населенію Украины. Правильную оцѣнку нынѣшней роли г. Маркотуна дало большевизанско-смѣновѣховское «Наканунѣ» (№ 69): . . . «параллельно съ торговой делегаціей М. И. Скобелева, въ Парижѣ явится подсобная организація, развивающая спеціально торговыя отношенія съ Украиной».

Оставляя въ сторонѣ вопросы характера персональнаго, нельзя не подчеркнуть живучести анти-самостійнической идеологіи среди населенія Украины. Не подлежитъ сомнѣнію, что организаціонныя усилія украинскихъ федералистовъ на родной почвѣ встрѣтятъ поддержку и симпатіи массъ населенія, въ глубинѣ души всегда настроенныхъ противъ самостійничества, но до сихъ поръ не организованныхъ для должнаго отпора напору самостійниковъ.

Нельзя отрицать того факта, что не разъ за время революціи случалось, что анти-большевистская власть сама своимъ поведеніемъ часто безцѣльно раздражала національное чувство населенія Украйны. Когда Добровольческая армія заняла въ серединѣ 1919 г. Кіевъ, все населеніе «матери городовъ русскихъ», въ томъ числѣ и украинскіе патріоты, со слезами умиленія и благодарности встрѣтили освободителей отъ всѣмъ одинаково ненавистнаго большевистскаго ига. Но главноначальствующимъ Кіева и его раіона былъ назначенъ ген. Драгомировъ, однимъ изъ ближайшихъ политическихъ совѣтчиковъ котораго былъ В. В. Шульгинъ, всегда со свойственной ему откровенностью признающійся въ своемъ рѣзко-отрицательномъ отношеніи къ украинскому движенію. Пропагандой при ген. Драгомировѣ вѣдалъ небезызвѣстный ех-депутатъ Савенко, который не нашелъ ничего остроумнѣе, какъ примѣненіе скалозубовскихъ принциповъ въ отношеніи къ украинской книгѣ. «Фельдфебеля въ Шевченки давъ», ближайшіе сотрудники ген. Драгомирова начали походъ на украинскую литературу, печать, общественность, кооперацію и т. д. Воскрешена была старорежимная «конфискація литературы» — «взять книги всѣ и сжечь» . . . — борьба съ украинскими газетами и журналами и т. д. При ген. Врангелѣ учли этотъ урокъ, не пошли по драгомировскому пути, стали

даже заигрывать съ петлюровцами, мечтая ихъ использовать въ качествѣ военной силы, значеніе которой явно преувеличивалось. Но при ген. Врангелѣ «внѣшними сношеніями» вѣдалъ П. Б. Струве, памятный всему украинству своими ярко анти-украинскими статьями въ «Русской Мысли» и своимъ выходомъ изъ к.-д. партіи изъ-за обострившихся разногласій по вопросу объ украинской культурѣ и самоуправленіи. Рѣшительный отрицатель украинской культуры, антагонистъ П. Н. Милюкова по его думскимъ выступленіямъ противъ гоненія на украинскій языкъ и литературу, П. Б. Струве въ 1920 г. вдругъ сталъ заговаривать о федераціи съ Украйной и чуть-ли не о конфедераціи. Однако, этого рода разговорамъ не хватало искренности, они были слишкомъ проникнуты духомъ тактическаго оппортунизма и немудрено, поэтому, что и довѣрія въ украинскихъ кругахъ они не вызывали. Въ Севастополѣ искали путей по украинскому вопросу, то сносясь съ Петлюрой, то приглашая изъ Парижа делегацію украинскаго національнаго комитета, то назначая, то смѣняя генераловъ, состоявшихъ при ген. Врангелѣ въ качествѣ консультантовъ по украинскимъ дѣламъ. Разгромъ крымской арміи большевиками положилъ конецъ и планамъ о вступленіи отрядовъ ген. Врангеля на территорію приморской Украйны для координаціи тамъ своихъ дѣйствій съ повстанческими формированіями. Существовалъ даже проэктъ формированія арміи особаго назначенія — для вступленія въ Херсонскую и Екатеринославскую губ. подъ федералистическимъ русско-украинскимъ знаменемъ, но внезапная эвакуація Крыма помѣшала осуществленію этого плана и вообще прекратила «чехарду» севастопольскаго правительства въ отношеніи къ Украйнѣ.

Трагическимъ элементомъ въ украинскомъ движеніи были галиційскіе отряды. Сначала они поддерживали Петлюру, помогая ему въ удержаніи территоріи, при чемъ населеніемъ они воспринимались часто, какъ «нѣмцы», по внѣшнему облику, языку части командованія, рѣзкости реквизиціонныхъ пріемовъ. Появленіе галиційской воинской части имѣло часто послѣдствіемъ окончательное разочарованіе въ самостійности и проявленіе симпатіи къ «москалямъ». Получалось такъ, что галиційскіе украинцы являлись невольными насадителями русскаго духа. Впослѣдствіи, галиційское командованіе, заключило военно-политическое соглашеніе съ ген. Деникинымъ, но фактически галиційскія части почти не приняли участія въ совмѣстной съ добровольцами борьбѣ съ большевиками, такъ какъ въ рядахъ галиційской арміи начался жесточайшій тифъ, жертвами котораго явились едва-ли не всѣ 8/10 галичанъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ.

Помимо тифа, на галичанъ охлаждающе дѣйствовала и антиукраинская политика мѣстныхъ агентовъ власти Добровольческой арміи, не умѣвшихъ отрѣшиться отъ старыхъ взглядовъ на украинцевъ, какъ на «мазепинцевъ». Въ результатѣ всего этого, галиційскія части въ бояхъ противъ большевиковъ почти участія не принимали, окопавшись на рядѣ жел.-дор. станцій (Жмеринка и др.) и косвенно тѣмъ самымъ оказывая содѣйствіе борьбѣ съ большевиками. Случилось такъ, что большинство станцій, занятыхъ галичанами, были къ концу 1919 г. въ такомъ анти-санитарномъ состояніи, настолько переполнены вшами, что большевики, боясь заразы, старались ихъ обходить. Покинуть свои вшивые бесты галичане не хотѣли изъ за своего рѣзкаго анти-польскаго настроенія, предпочитая отсиживать на зараженныхъ станціяхъ и мѣстечкахъ, чѣмъ просить милости у тѣхъ, кто вопреки ихъ волѣ занялъ Восточную Галицію. Когда армія ген. Деникина вынуждена была оставить юго-западныя губерніи, галицкія части отказались эвакуироваться. Преобладало желаніе объявить себя нейтральными въ отношеніи большевиковъ, а въ случаѣ начала ими военныхъ дѣйствій противъ Польши, даже помогать имъ. Постепенно, однако, отношенія галичанъ и большевиковъ стали портиться, дѣлались попытки разоруженій, арестовъ офицеровъ, насильственныхъ втягиваній въ борьбу съ повстанцами. Галицкая армія начала разсѣиваться, часть ея перешла границу и была интернирована, часть осталась и внѣшне даже «совѣтизировалась», часть втянулась въ вооруженную борьбу съ большевиками совмѣстно съ колонистами и съ крестьянскими отрядами. Много галичанъ разошлось по деревнямъ, промѣнявъ служеніе Марсу на мирныя сельскія занятія, армейская интеллигенція галицкой арміи такъ-же частично разсѣялась по городамъ и весямъ. Можетъ быть, въ будущемъ галичанамъ еще придется сыграть свою роль, какъ культурной и организованной силѣ, въ борьбѣ съ южно-русскими большевиками. За рѣдкими исключеніями галичане оказались анти-большевистски настроенными и чуждыми крайностей національзма. Совѣтскія газеты недавно сообщали о выборѣ предсѣдателемъ совдепа одного изъ крупныхъ городскихъ центровъ врача-галичанина, съ которымъ мнѣ приходилось подолгу и откровенно бесѣдовать, когда онъ жилъ со мною на одной квартирѣ въ реквизированной комнатѣ. Этотъ человѣкъ былъ органически чуждъ большевизма и, если онъ пошелъ въ предсѣдатели совдепа, то это не можетъ не быть только тактически-дипломатическимъ шагомъ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что часть галицкой интеллигенціи, не пожелавшей вернуться въ захваченную поляками Галицію, осѣвъ временно въ южной Россіи, пред-

полагаетъ связать свою судьбу съ Россіей, надѣясь отъ нея получить въ будущемъ болѣе справедливое разрѣшеніе вопроса о восточной Галиціи.

Существуютъ среди русскихъ политическихъ дѣятелей такіе, которые отрицаютъ не только федеративную связь Украйны съ Россіей, но и предоставленіе ей широкой автономіи. Вопреки выкрикамъ петлюровцевъ, вопреки закулисной поддержки клерикально - католическихъ круговъ, Украйна дефакто не является самостоятельной державой, на подобіе хотябы балтійскихъ респулбикъ. Обстоятельство это нельзя не учесть, оно выбиваетъ оружіе изъ рукъ тѣхъ, кто готовъ изъ временныхъ и эфемерныхъ политическихъ цѣлей подходить съ одинаковой мѣркой къ Украинѣ и, скажемъ, къ Эстоніи. Но, съ другой стороны, невозможно и полное возвращеніе вспять къ режиму централизаціи. Теперь централизація эта осуждается не только теоретическими соображеніями, но и чисто практическими, ибо воочію и на дѣлѣ выяснились практическія удобства административной децентрализаціи. Гетманскій режимъ, несмотря на всѣ его ошибки и преступленія, возсоздалъ зачатки государственнаго строя, Кіевъ сталъ подлиннымъ административно-государственнымъ центромъ, близкимъ и удобнымъ для населенія. Вмѣсто поѣздокъ въ далекій Петроградъ, изъ Полтавы или Одессы стали ѣздить въ Кіевъ для разрѣшенія на мѣстѣ многихъ назрѣвшихъ вопросовъ. Но гетманская Украйна, несмотря на подчеркиваніе ея самостоятельности, по существу была вассаломъ Германіи и ея союзниковъ, только ими и была признана, какъ самостоятельная держава, что, въ совокупности, и даетъ основаніе утверждать, что гетманская Украйна въ меньшей степени имѣетъ основаніе быть почитаема за самостоятельное государство, чѣмъ напр. балтійскія республики, экономически связанныя съ Англіей, но политически болѣе или менѣе свободныя, не являющіяся театромъ оккупаціи и признанныя большинствомъ европейскихъ государствъ. Только широкая автономія при федеративной связи можетъ вновь дать населенію Украйны возможность пользоваться благами децентрализаціи и удобствами мѣстнаго самоуправленія. Не посягая, естественно, на вопросы, военной, морской, иностранной и обще-финансовой политики, житель Украины, отвѣдавъ уже на часъ сладость децентрализаціи, хочетъ, чтобы не въ Петроградѣ, а въ Кіевѣ рѣшались многіе вопросы въ области дорожнаго строительства, просвѣщенія, промышленности, сельскаго хозяйства, благоустройства и т. д. Политическая и административная автономія Украйны принадлежитъ къ числу завоеваній революціи, отъ которыхъ населеніе отнюдь не склонно отказываться. Безъ всякаго оппортунизма надлежитъ

признать этотъ фактъ, разсматривая его съ точки зрѣнія не оппортунистической тактики, а — подъ угломъ реальнаго учета жизненныхъ и крѣпкихъ настроеній. Года 3—3½ тому назадъ можно было-бы удовольствоваться автономіей украинскихъ губерній, теперь-же, послѣ усиленной проповѣди самостійничества, съ одной стороны, и усиленныхъ безтактностей крайнихъ централистовъ — съ другой, золотой серединой является уже федерація. И среди самостійниковъ имѣется не мало лицъ, которыя примирятся легко съ федераціей, подходя къ требованіямъ самостоятельности, какъ къ «запрашиванью», съ котораго можно уступать. Въ тоже время, и въ умѣренныхъ украинскихъ кругахъ опасеніе оппозиціи обоихъ крайнихъ крыльевъ заставляетъ теперь настаивать на федераціи. Автономію считаютъ болѣе легко подверженной атакамъ и посягательствамъ унитаристовъ, федерація же считается способной болѣе длительно укрѣпить режимъ самоуправленія. Покойный Ф. Ф. Кокошкинъ настаивалъ на томъ, что путь къ федераціи лежитъ въ Россіи черезъ автономію и это было до середины 1917 г. совершенно правильно, но послѣдующія событія заставляютъ настаивать и соглашаться на федерацію, ибо фаза автономіи почитается уже пройденной.

Въ свое время украинское національное движеніе было въ значительной степени засорено оппортунистическими выступленіями съ русской стороны. Въ помѣщичьихъ кругахъ многіе склонялись къ мысли о самостійности, какъ мнимой панацеѣ отъ коммунизаціи; въ иныхъ военныхъ кругахъ самостійность одно время почиталась барьеромъ отъ большевизаціи арміи. Въ гетманскій періодъ самостійность фактически поддерживали — искренно или неискренно, это другой вопросъ — многіе типичные «москали» и, даже, чистокровные москвичи, которые ради охраненія порядка и возможности болѣе или менѣе спокойно прожить, готовы были не только плясать вмѣсто «козачка» гопака, но соглашались на замѣну русскаго языка украинскимъ. Это было въ то время, когда тяга съ сѣвера на Украйну была громадной, когда жители Петрограда и Москвы только и мечтали, что пройти пресловутую границу въ Оршѣ и очутиться на Украйнѣ, охраняемой богомъ самостійности и нѣмецкими штыками. Шло великое переселеніе народовъ изъ Ленинской «Россіи» въ гетманскую Украйну, гдѣ можно было получить передышку, сносное питаніе и, главное, относительное спокойствіе и порядокъ. И тысячи людей катились изъ Петрограда въ Москву, изъ Москвы въ Харьковъ, изъ Харькова въ Кіевъ, изъ Кіева въ Одессу, изъ Одессы въ Новороссійскъ, изъ Новороссійска въ Севастополь, этотъ предѣльный пунктъ бѣженства, ведшій уже къ эмиграціи за рубежъ.

Нельзя, однако, отрицать того, что среди временныхъ союзниковъ и попутчиковъ созидателей украинской державности имѣлись и элементы идейные, считавшіе возможнымъ идти на нѣкоторыя жертвы, ради укрѣпленія государственнаго принципа. Вѣрилось, что удастся возстановить государственный порядокъ сперва на Украйнѣ, а затѣмъ, создавъ украинскій плацдармъ государственности, расширять вліяніе государственной идеи и дальше, являясь какъ-бы центромъ собиранія Руси (эту-же мысль лелѣяли и въ Крымскомъ правительствѣ С. С. Крыма, М. М. Винавера и Б. Д. Набокова). Южно-русскіе к.-д., исходя изъ соображеній необходимости повсемѣстно охранять государственное начало, согласились на вхожденіе своихъ представителей въ гетманскій кабинетъ. Сдѣлано это было не безъ колебаній, но принятое рѣшеніе соотвѣтствовало общему духу партіи, стремившейся быть охранительницей государственнаго начала. За вхожденіе и поддержку кабинета Ф. А. Лизогуба говорило на первыхъ порахъ и то, что нужна была борьба и парализованіе агрессивнаго украинскаго шовинизма, защита русской культуры и языка. Можно только поставить въ минусъ южнымъ к.-д., что они не заставили своихъ представителей уйти изъ правительства Ф. А. Лизогуба, когда выяснился его характеръ и направленіе дѣятельности. Министры к.-д. не имѣли возможности дѣйственно вліять на ходъ политики и сохраненіе ими постовъ только укрѣпляло зря гнилыя основы гетманскаго режима. Помнится, въ главномъ комитетѣ партіи к.-д. на Украйнѣ, а такъ-же въ одесскомъ комитетѣ, членъ котораго С. М. Гутникъ былъ министромъ торговли и промышленности кабинета Лизогуба, не разъ поднимался вопросъ о необходимости перемѣны тактики въ отношеніи къ гетманскому правительству. Но вихрь событій помѣшалъ вылиться этимъ настроеніямъ въ реальную форму. Почти до самаго крушенія гетманской власти продолжались попытки мѣстнаго государственнаго и культурнаго строительства. Во имя этого строительства во всеукраинскомъ комитетѣ печати, въ объединеніи земскихъ и городскихъ гласныхъ Украйны, въ всеукраинскихъ кооперативахъ и другихъ организаціяхъ—не за страхъ, а за совѣсть работали многіе представители «россійской оріентаціи»-, чуждые или холодные къ идеѣ украинской державности, но горячо преданные идеѣ государственнаго, общественнаго и культурнаго строительства.

Въ періодъ тяги на югъ и массоваго бѣгства съ сѣвера, шли «мирные переговоры» между Украйной и Москвой, причемъ съ украинской стороны представителемъ выступалъ

членъ одесскаго окружнаго суда С. П. Шелухинъ, внезапно оказавшійся не знающимъ, или позабывшимъ русскій языкъ, а Россію - большевиствующую представлялъ румыно - болгаринъ Раковскій, изъяснявшійся только по русски, вслѣдствіе чего г-нъ Шелухинъ не безъ кокетливаго цинизма, требовалъ веденія переговоровъ черезъ переводчика. Впрочемъ г-нъ Шелухинъ вообще страдаетъ не то внезапной потерей памяти, не то острой формой карьеризма: онъ-же такъ мило пряталъ себя и свою самостійную отчизну подъ крылышко нѣмцевъ, противъ которыхъ онъ такъ яростно нападалъ въ своей брошюрѣ военнаго періода о нѣмецкомъ землевладѣніи на югѣ Россіи. Вообще, украинство, какъ направленіе и политическая система, становилось средой, благопріятной для разведенія бациллъ оппортунистическаго карьеризма и карьернаго оппортунизма. Находились люди, которые не безъ ловкости жонглировали, то трехцвѣтнымъ, то желто-блокитнымъ флагами. Вспоминается изъ одесскихъ фигуръ начальникъ штаба военнаго округа генералъ Н. А. Марксъ, который къ моменту захвата города украинцами, оказался сразу щирымъ украинцемъ, склоннымъ даже преслѣдовать враговъ украинской самостійности. Ген. Марксъ вообще сочеталъ въ себѣ нѣкоторое безспорное чутье и прозорливость съ оппортунистическими перекрашиваніями. Либерально настроенный и до революціи, онъ воспринялъ февральскій переворотъ, повидимому, вполнѣ искренно-восторженно, но скоро сталъ очень ужъ увлекаться красными бантами, искать опоры въ крайнихъ кругахъ, игнорируя даже соціалистическую городскую думу. Ген. Марксу пришлось выслушать публично, въ думскомъ засѣданіи, упреки за то, что онъ, помимо думы, какъ органа мѣстнаго самоуправленія, избраннаго на основаніи всеобщаго избирательнаго права, счелъ предпочительнѣе опираться на самочинный революціонный комитетъ, собравшійся въ штабѣ округа «самотекомъ», по красочному выраженію ген. Маркса, талантливаго автора «Легендъ Крыма». Въ украинскомъ вопросѣ ген. Марксъ заговорилъ объ украинскомъ «штатѣ» тогда, когда Вр. Правительство дальше автономіи и не помышляло, да и почвенные украинскіе круги большаго тогда и не требовали. Разговоры, исходившіе изъ штаба округа, объ отдѣльномъ украинскомъ «штатѣ» произвели тогда на мѣстную интеллигенцію впечатлѣніе больно уже дальнозоркаго «перебарщиванья» и забѣганія впередъ. Ловкій тактикъ, генералъ Марксъ заходилъ слишкомъ далеко, дойдя впослѣдствіи даже до работы въ большевистскомъ комиссаріатѣ народнаго просвѣщенія въ Феодосіи, что довело до военнаго су-

да и разжалованія въ рядовые, утвержденнаго ген. Деникинымъ. *)

Нужно еще остановиться на другой попыткѣ использовать въ своихъ видахъ и цѣляхъ самостiйную Украйну, попыткѣ большого масштаба и размаха. Подразумѣваемъ мы уніатскую пропаганду, выступавшую послѣднее время подъ флагомъ греко-украинской церкви. Не случайно, что горячими сторонниками самостiйности являются вліятельные французскіе, австрійскіе и польскіе клерикалы, не случайно папа римскій всячески поддерживаетъ самостiйниковъ, не случайно уніатскій митрополитъ графъ Шептицкій все время играетъ такую роль за кулисами украинскаго самостiйническаго движенія. Статьи въ парижской ультра-католической „La Croix", рѣчи въ французской палатѣ депутатовъ ряда клерикальныхъ депутатовъ во главѣ съ генераломъ Кастельно, выступавшихъ въ защиту полнаго отдѣленія Украйны отъ Россіи, позиція, занятая въ украинскомъ вопросѣ итальянскими «популистами», такъ тѣсно связанными съ папской канцеляріей — все это опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, что идею независимости Украйны пытаются гальванизировать соображеніями о желательности и важности церковной уніи, которая дала-бы святѣйшему престолу 40 милліоновъ новыхъ вѣрныхъ сыновъ, объединяемыхъ греко-украинской церковью. Минуя автокефалію украинской церкви, въ нѣдрахъ обще-россійскаго православнаго устройства, гг. самостiйники не довольствуются на меньшемъ, чѣмъ организація особой греко-украинской церкви, подчиненной Риму. Украинскій «посолъ» при парижской мирной конференціи гр. Тышкевичъ былъ до и послѣ этого «посломъ» при Ватиканѣ, отъ котораго ему не стоило особеннаго труда добиться «признанія» независимой Украйны, каковая была, кромѣ того, «признана» еще Аргентиной и парой другихъ экзотическихъ странъ. Уніатскіе проповѣдники посылались, впрочемъ, не только на Украйну, но уніатскій священникъ о. Федоровъ проповѣдывалъ даже въ Петроградѣ, куда командировывалась для проповѣди и группа францисканцевъ-монаховъ, не имѣвшихъ,

---

*) Большевисткія газеты „Путь" (Гельсингфорсъ) и „Новый Путь" (Рига) въ №№ своихъ отъ 30 сентября 1921 г. помѣстили подъ заголовкомъ „Кончина революціоннаго генерала" замѣтку слѣд. содержанія: „Съ Кубани получено сообщеніе о кончинѣ бывшаго генералъ-лейтенанта Маркса, пріобрѣвшаго въ свое время въ Одессѣ популярность въ качествѣ перваго революціоннаго генерала. Покойный занималъ постъ начальника штаба Одесскаго военнаго округа, и послѣ февральской революціи первый изъ мѣстнаго генералитета призналъ переворотъ, а затѣмъ все время былъ на сторонѣ революціи. Въ Крыму при добровольцахъ Марксъ подвергался преслѣдованію со стороны бѣлыхъ. Пріѣхавъ на Кубань, онъ сталъ профессоромъ краснаго университета."

однако, успѣха, т. к. проповѣдь уніи, католицизма, признанія главенства папы римскаго — наталкивается на обостренное національное чувство, для котораго нео-православіе является противовѣсомъ въ отношеніи плановъ различныхъ иностранныхъ группъ захватить въ свои руки Россію и колонизировать ее въ личныхъ интересахъ. Въ одинъ клубокъ непріемлемаго сплетаются захватъ Польшей русскихъ земель, уніатская пропаганда, династическіе планы на украинскій престолъ пресловутаго нѣмецкаго принца Вильгельма Габсбурга, именующаго себя Василіемъ Вышиваннымъ.

Федеративная связь Украйны съ Россіей не только сейчасъ тактически-необходима и, даже, неизбѣжна, не только сулитъ практическія удобства децентрализаціи обитателямъ украинскихъ губерній, но и представляетъ собою, по справедливому мнѣнію многихъ, и самостоятельную цѣнность. Цѣнность эта раньше всего выражается въ томъ, что имѣются основанія предполагать, что возсозданіе Россіи пойдетъ пластами и частями, режимъ децентрализаціи въ такомъ случаѣ, будетъ содѣйствовать возсозданію государственнаго порядка и послѣдующему сцѣпленію отдѣльныхъ умиротворенныхъ частей. Децентрализація въ этихъ условіяхъ не будетъ ослаблять процесса возстановленія разрушенной государственности, а, наоборотъ, его облегчать. Въ частности, на Украйнѣ, гдѣ государственныя тенденціи и стремленіе къ порядку — сильны и глубоки, можно ожидать довольно быстраго, при широкомъ участіи мѣстныхъ людей, возстановленія государственныхъ зачатковъ. Параллельное развитіе мѣстной національной культуры, представляя собою цѣнную самоцѣль, сможетъ играть и не малую цементирующую роль въ этомъ все расширяющемся процессѣ возсозданія, разшатанной большевиками государственности.

Надлежитъ еще остановиться при обрисовкѣ національныхъ отношеній на югѣ Россіи во время революціи и на еврейскомъ вопросѣ. Вопросъ этотъ не можетъ быть поставленъ на одну доску съ проблемами національно-территоріальнаго характера, да и во время стараго режима, какъ и со времени второй фазы революціи, еврейскій вопросъ является не столько національнымъ, сколько чисто политическимъ. Только въ теченіе первыхъ 6 — 7 мѣсяцевъ революціи еврейскій вопросъ получалъ правильную постановку, его, въ сущности, не поднимали, ибо съ отмѣной національныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій отомкнулось и кольцо еврейскаго безправія.

Еврейство въ своемъ подавляющемъ большинствѣ встрѣтило февральскую революцію не только сочувственно, но и восторженно и эта восторженность была вполнѣ понятна, ибо революція однимъ взмахомъ разбивала цѣпи безправія, униже-

нія и ограниченій. При этомъ, не говоря уже о крупной буржуазіи, огромное, подавляющее большинство средней и мелкой еврейской буржуазіи отнюдь не заняло крайней позиціи. Напротивъ того, послѣ того, какъ отпалъ вопросъ объ уравненіи въ правахъ, масса еврейства стала проявлять тяготѣніе къ умѣреннымъ теченіямъ и группамъ. Большевизмъ не встрѣтилъ сочувствія въ еврейскихъ массахъ, неистовства большевиковъ буквально разорили многочисленную мелкую и среднюю буржуазію сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній. Большевизмъ раньше всего пошелъ походомъ на домовладѣніе, аренду земли, ремесленные промыслы, всѣ виды торговли и экономическаго посредничества, финансы, банки и т. д. Естественно, что въ губерніяхъ черты осѣдлости большевизмъ и вызвалъ едва-ли не поголовное разореніе еврейскаго населенія. Экономически еврейство очень сильно пострадало отъ большевизма. Даже «Новое Время» признаетъ, что «безсмысленная экономическая политика большевистской власти разоряетъ не только русскихъ крестьянъ и рабочихъ, но и тотъ слой мелкой и средней торговли и промышленности, который въ Россіи представленъ особенно сильно еврействомъ. Русскіе евреи, не успѣвшіе устроиться въ комиссарахъ и пристроиться при комиссаріатахъ, очутились теперь еще въ худшемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ земледѣльческое крестьянство».

Въ тоже время не мало и физическихъ жертвъ выпало на долю еврейства, ибо око палачей че-ка привлекали такъ же и тысячи евреевъ-буржуевъ, разстрѣливаемыхъ, то въ качествѣ заложниковъ и въ порядкѣ краснаго террора, то въ качествѣ не внесшихъ контрибуціи и т. д. Еврейская общественность разгромлена большевиками, еврейскія общины — распущены и недозволены къ возрожденію, еврейскія партіи, кромѣ коммунистическихъ, преслѣдуются, въ частности, — сіонисты, почитаемые за агентовъ имперіалистической Антанты.

Таково положеніе громаднаго большинства еврейскаго населенія. Что касается его ничтожнаго меньшинства, то оно оказалось такъ или иначе спаяннымъ съ большевистскимъ режимомъ. Въ составѣ совѣта народныхъ комиссаровъ оказалось нѣсколько евреевъ и, притомъ, — активныхъ и вліятельныхъ; въ составѣ провинціальныхъ большевистскихъ дѣятелей имѣется нѣкоторое число евреевъ, уменьшающееся на югѣ въ связи съ погромной волной и имѣющее тенденцію къ росту на сѣверѣ, куда бѣгутъ, спасаясь отъ погромщиковъ и гдѣ иные устраиваются въ качествѣ служащихъ совѣтскихъ учрежденій. Въ рядъ комиссаріатовъ экономическаго характера большевиками привлечено не мало евреевъ въ качествѣ

служащихъ и, порою, руководителей, въ частности, — въ продовольственныхъ организацiяхъ евреи, съ ихъ торговыми способностями, нашли довольно широкое примѣненiе своего труда; наконецъ, въ чрезвычайкахъ, революцiонныхъ трибуналахъ, имѣются такъ-же представители еврейской молодежи, недоучекъ-экстерновъ, озлобленныхъ и тупыхъ полуинтеллигентовъ, отщепенцевъ своего народа, давно съ нимъ порвавшихъ и не считающихъ себя принадлежащими къ его составу. Всѣ эти безотвѣтственные элементы, среди которыхъ не мало людей съ извращенной психикой и исковерканной нервной системой, фактически порвали съ еврействомъ, какъ отреклись отъ него главари коммунистическаго интернацiонала — Зиновьевы, Радеки и Троцкiе. Поэтому, такъ безнадежно наивно звучатъ обывательскiе разговоры о томъ, что надо, молъ, благоразумной части еврейства воздѣйствовать на своихъ зарвавшихся соплеменниковъ; что значатъ для Троцкихъ призывы любого раввина или заслуженнаго общественнаго дѣятеля, почитаемаго имъ за буржуя, контръ-революцiонера и саботажника. Большевистскiе главари откровенно признаютъ, что еврейская буржуазiя принадлежитъ къ ихъ упорнѣйшимъ врагамъ, что они съ ней будутъ продолжать борьбу до конца, до уничтоженiя. А, вѣдь, при еврейской склонности къ собственности, подъ категорiю буржуазiи можетъ быть подведено чуть-ли не 90—95% всего еврейскаго населенiя Россiи... «Найеръ Гайнтъ» приводилъ какъ-то переписку между Троцкимъ и раввиномъ Москвы, Мазе. Послѣднiй обратился съ меморандумомъ, въ которомъ указалъ, что большевистская политика влечетъ за собой истребленiе миллiоновъ евреевъ и просилъ сжалиться надъ судьбой еврейскаго народа. Троцкiй отвѣтилъ: «Если осуществленiе коммунизма требуетъ принесенiя въ жертву хотя бы всего еврейства, то это будетъ прекраснѣйшая миссiя, какая только можетъ выпасть на долю народа».

Наличiе среди лидеровъ большевизма, среди комиссаровъ, чекистовъ и служащихъ продовольственнаго и иныхъ комиссарiатовъ извѣстнаго количества евреевъ, даетъ поводъ къ самой ожесточенной и кровожадной анти-еврейской агитацiи. Идя по линiи наименьшаго сопротивленiя, сознательно — въ верхахъ — и безсознательно — въ низахъ, — игнорируя всю многосложную сущность большевизма, обобщая единичные факты и явленiя, россiйскiе антисемиты въ своемъ слѣпомъ озлобленiи причиняютъ много зла и горя не только еврейству, но и Россiи. Рядясь въ тогу ура-патрiотовъ, срывая злобу на людяхъ, часто ни въ чемъ не повинныхъ, внѣшне только связанныхъ со своими соплеменниками, давно отъ еврейства отошедшихъ и съ нимъ порвавшихъ, активные рос-

сійскіе антисемиты сѣютъ злыя сѣмена, дающія недобрыя всходы. Казалось бы и безъ того довольно кругомъ крови, ненависти и злобы, а тутъ еще — эта «пытка страхомъ», эти кровавые навѣты, эта хлыстовская свистопляска «жидоѣдскаго» стиля. Жестокіе и кровавые погромы на югѣ производились бандами самаго различнаго и, часто, противуположнаго свойства. Петлюровцы, красноармейцы, добровольцы, махновцы, участники различныхъ «атаманскихъ» отрядовъ и шаекъ — всѣ устраивали погромы, всѣ убивали, ранили, грабили въ ервейскихъ мѣстечкахъ и городахъ со значительнымъ еврейскимъ населеніемъ. Слишкомъ часто замалчиваютъ погромы, устраиваемые частями красной арміи. Вотъ, между прочимъ, отрывокъ изъ приказа Буденнаго отъ 20 октября 1920 г. по командуемой имъ второй конной арміи:

— «Мы должны во что бы то ни стало взять Крымъ и мы возьмемъ его, чтобы начать потомъ мирную жизнь. Нѣмецкій баронъ дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы удержаться въ Крыму, но это ему не удастся. Ему помогаютъ измѣнники революціи — евреи и буржуи. Но достаточно будетъ рѣшительнаго удара славной конницы и предатели будутъ смѣтены. Будьте стойки и безпощадны. Крымъ будетъ нашъ». —

Въ красноармейскихъ «верхахъ» зарожденіе и допущеніе развитія погромнаго антисемитизма объясняется тѣмъ, что евреи — люди коммерческіе, что у нихъ всегда можно хорошо поживиться; поэтому, прежде всего за ними и «охотятся» въ надеждѣ поживиться.

Погромы, оставляя даже въ сторонѣ вопросы гуманитаризма, имѣютъ вредный для Россіи отголосокъ въ Европѣ и Америкѣ, затрудняя и препятствуя благопріятному разрѣшенію многихъ существенныхъ финансовыхъ и политическихъ вопросовъ. Въ періодъ Добровольческой арміи приходилось не разъ слышать въ Парижѣ и, притомъ, изъ среды не еврейской, вопросы о томъ, правда-ли, что на территоріи, занимаемой Добровольческой арміей, происходятъ погромы, разстрѣлы захваченныхъ въ плѣнъ евреевъ, недопущеніе евреевъ въ армію и т. д. Чувствовалось, при этомъ, что вопросы эти волнуютъ, что отъ формы и содержанія отвѣтовъ на нихъ зависитъ многое въ помощи иностранцевъ русскимъ національнымъ силамъ. Заграницей усвоили себѣ, что еврейскій вопросъ является въ русскихъ условіяхъ своеобразнымъ пробнымъ камнемъ искренности либеральныхъ заявленій и обѣщаній, способомъ испытанія правдивости декларацій и программъ. Мало того, погромы разлагающе дѣйствуютъ на власть, армію и населеніе. Допущеніе или смотрѣніе сквозь пальцы на погромную агитацію и погромныя дѣйствія разла-

гаетъ все окружающее, развращаетъ его, подрывая уваженіе къ законности и порядку. Иные воинскія отряды начинали съ грабежей еврейскихъ домовъ, потомъ, увлекаясь, начинали грабить и дома, не принадлежавшіе и не населенные евреями, ибо трудно уже было удержаться и провести границу между дозволеннымъ и недозволеннымъ, допустимымъ и недопустимымъ. Не является гипперболой утвержденіе, что одной изъ причинъ разложенія Добровольческой арміи явилась недостаточно энергичная борьба съ погромщиками въ военной формѣ: сперва грабили по мѣстечкамъ евреевъ, потомъ — стали грабить по селамъ и деревнямъ крестьянъ, всюду сѣя ненависть и злобу. Нельзя сказать, чтобы не было достаточно приказовъ, запрещающихъ погромы, былъ даже случай увольненія командира полка, допустившаго погромное выступленіе своихъ солдатъ, но, все-же, за всѣмъ этимъ не чувствовалось достаточно твердости, непреклонности, убѣжденности. Солдаты знали, видѣли и слышали, что часть офицерства открыто проповѣдуетъ «жидотрепку» — какъ послѣ этого было вѣрить запрещеніямъ переходить отъ словъ къ дѣлу. Въ Врангелевскій періодъ съ разрѣшенія высшаго военнаго начальства выѣзжали на фронтъ съ лекціями и докладами гг. Монаховъ, Руадзе, Ножинъ, Бурнакинъ и прочіе «спеціалисты» по части изслѣдованія «жидо-массонства», тайныхъ синедріоновъ и іудео-большевистскихъ заговоровъ. Одновременно, приблизительно на тѣже темы говорили съ амвона и нѣкоторые священнослужители Крыма. Усиленная перепечатка и распространеніе пресловутыхъ «сіонскихъ протоколовъ», такъ грубо и мало-искуссно сфабрикованныхъ, но такъ дѣйствующихъ на темные и сбитые съ толку умы, — не могло не дать своихъ плодовъ. Генералъ Деникинъ опредѣленно отрицательно относился къ погромамъ, но онъ же отказывался издать общую декларацію по еврейскому вопросу, ссылаясь на «настроеніе въ арміи». Вмѣсто того, чтобы бороться съ этимъ настроеніемъ, его развивали и ему потакали закрытіемъ доступа евреямъ въ армію, недопущеніемъ въ офицеры и т. д. А потомъ — удивлялись тому, что изъ среды еврейскаго населенія проявлялось порою несочувствіе и глухая оппозиція Добровольческой арміи, что притокъ пожертвованій изъ еврейской среды не былъ достаточно высокъ. Помню, какъ при мнѣ убѣждали покойнаго одесскаго военнаго-губернатора Гришина-Алмазова въ публичномъ приказѣ заклеймить погромные призывы нѣсколькихъ офицеровъ, гарантируя, въ случаѣ опубликованія въ печати подобнаго приказа и проведенія въ жизнь заключающихся въ немъ каръ въ отношеніи погромщиковъ, значительное увеличеніе денежной помощи мѣстныхъ еврейскихъ круговъ Добровольческой арміи. Но подобный

приказъ изданъ не былъ, не вызванъ былъ связанный съ нимъ практическій эффектъ, не выбита была изъ подъ ногъ противниковъ Добровольческой арміи почва для пристрастно-обобщенныхъ утвержденій о якобы погромномъ характерѣ всей Добровольческой арміи. Не оспаривая того, что имущіе слои населенія юга, безъ различія національности, должны были и могли-бы шире откликаться на матеріальныя нужды арміи, нельзя забывать того, что однимъ изъ первыхъ пожертвователей въ пользу арміи былъ одинъ изъ ростовскихъ купцовъ-евреевъ, что въ Одессѣ казначеемъ комитета помощи Добровольческой арміи былъ инженеръ-еврей и т. д. Вообще, только люди явно недобросовѣстные могутъ отрицать участіе во всѣхъ активныхъ анти-большевистскихъ организаціяхъ и партіяхъ многихъ видныхъ и вліятельныхъ евреевъ и, притомъ, на отвѣтственныхъ постахъ; не мало евреевъ имѣется и среди бѣженцевъ, не пожелавшихъ остаться при большевикахъ и не безъ основаній опасающихся расправы съ ихъ стороны. Убійство комиссара-еврея Урицкаго было совершено евреемъ-студентомъ Канегиссеромъ, Ленинъ былъ тяжело раненъ при покушеніи на его жизнь еврейкой Дорой Капланъ, прапорщикъ-еврей Виленскій былъ однимъ изъ первыхъ разстрѣлянныхъ большевиками офицеровъ и т. д. Имена разстрѣлянныхъ большевиками героевъ-борцовъ Канегиссера, Доры Капланъ, Виленскаго, разоблачителя убійцъ Шингарева прис. пов. Дубоссарскаго и др. жертвъ краснаго террора, будутъ записаны въ скорбный списокъ борцовъ, павшихъ въ борьбѣ за Россію.

Необходимость примѣрно и строго карать погромщиковъ — безспорна, но въ жизни случается такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ представители еврейскаго населенія сами порой просятъ не карать участниковъ погрома. Въ Кіевѣ, въ 1919 г., при занятіи города добровольцами, солдаты одного изъ полковъ разгромили какую-то лавку, убивъ ея владѣльца-еврея. Военный судъ приговорилъ ихъ къ аресту, но главноначальствующій края, ген. Драгомировъ, считаясь съ необходимостью и важностью положить конецъ погромнымъ вспышкамъ, воспользовался принадлежащимъ ему правомъ повышенія мѣры наказанія, приказавъ предать погромщиковъ смертной казни. Резолюція эта ген. Драгомирова вызвала волненіе въ полку, въ которомъ служили осужденные, по городу пошли слухи, что, въ случаѣ казни, полкъ учинитъ жесточайшій погромъ и, въ концѣ концовъ, къ ген. Драгомирову явилась депутація изъ нѣсколькихъ представителей мѣстнаго еврейскаго населенія съ просьбой не приводить въ исполненіе смертнаго приговора. Таковы были обстоятельства, такъ напряжены были нервы у еврейскаго населенія,

такъ всѣ были запуганы погромами и издерганы «пытками страха», среди Кіевскаго еврейства, испытавшаго на себѣ столько жестокостей и насилій.

Симбирское дворянство не считается виновнымъ въ томъ, что симбирскій дворянинъ Ульяновъ-Ленинъ причинилъ Россіи столько зла, но еврейство въ цѣломъ призывается къ отвѣту за то, что Бронштейны, Іоффе и Апфельбаумы гнусно и безнаказанно издѣваются надъ цѣлой страной. Отвѣтственность эта, притомъ, не словесная, не формальная, а — фактическая и кровавая: оттого, что нѣкто Калинниковъ опубликовалъ въ редактировавшемся имъ въ Кіевѣ журналѣ «Огни» №№ домовъ, изъ которыхъ евреи, якобы, стрѣляли по добровольцамъ, производился, вѣдь обстрѣлъ этихъ домовъ артиллерійскимъ огнемъ, съ многочисленными человѣческими жертвами. Вообще, обвиненіе въ стрѣльбѣ по проходящимъ войскамъ издавна является излюбленнымъ пріемомъ политической борьбы въ станѣ черносотенцевъ. Помнится, какъ во время безпорядковъ въ Одессѣ въ 1905 г. расплющенный осколокъ пули рикошетомъ пробилъ стекло въ верхней форточкѣ окна квартиры, въ которой жилъ пишущій эти строки, этого оказалось достаточнымъ для доноса о томъ, что была произведена стрѣльба по проѣзжавшему казачьему патрулю, хотя, казалось-бы, при стрѣльбѣ изъ окна второго этажа должно было быть пробито пулей стекло нижней, а не верхней части окна...

XV.

Завтра.

Въ предыдущихъ главахъ нами была дана посильная схематическая картина тѣхъ измѣненій, которыя внесены гражданской войной въ русскую жизнь и русскую психику. Сознательно суживая сферу своего изложенія почти исключительно кругомъ непосредственныхъ впечатлѣній и индивидуальныхъ переживаній, мы, все же, дали, думается, кое-какой матеріалъ, на основаніи котораго можно, какъ намъ рисуется, сдѣлать и извѣстные выводы. Ни матеріалъ, ни выводы эти отнюдь не разсчитываютъ на исчерпывающую полноту; они лишь — кусочекъ канвы того громаднаго полотна, на которомъ будетъ обстоятельно изображена исторія и философія исторіи россійской гражданской войны.

Для современника и участника историческихъ событій, какъ бы незначительна ни была доля его въ нихъ участія,

какъ бы ограниченъ ни былъ кругъ его наблюденій и впечатлѣній, изложеніе его воспоминаній о видѣнномъ, слышанномъ и пережитомъ — представляетъ собою интересъ и значеніе не только въ смыслѣ внесенія маленькаго вклада въ лѣтопись событій, но и въ смыслѣ возможности высказать и свои мысли и выводы, свое публицистическое или историко-философское — въ зависимости отъ полета мысли — резюмэ и прогнозъ. Какъ бы рискованы ни были прогнозы грядущаго, въ какой бы малой степени мы ни обладали бы матеріалами для приподниманія завѣсы ближайшаго политическаго или идеологическаго будущаго, да позволена будетъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, и попытка посильнаго сформулированія, ни на что не претендующаго, общаго взгляда на раскрывающіяся передъ нами перспективы какъ въ области практической и прикладной политики, такъ и въ области идеологическихъ построеній. Послѣ штриховой зарисовки того, что было, послѣ контуровъ того, что есть, перейдемъ къ схемѣ того, что, если всецѣло и не будетъ, то, по нашему разумѣнію, быть должно.

Начнемъ съ политики. Если задать себѣ вопросъ, отсутствіе какихъ началъ наиболѣе болѣзненно давало о себѣ знать въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, то, призадумавшись, мы неминуемо отвѣтимъ: свободы, равенства и братства. Да, эта старая тріада старой, «буржуазной» революціонности снова манитъ насъ своимъ ровнымъ, не меркнувшимъ свѣтомъ. Она кажется анахроничной, изжитой, не охватывающей всего трепета современности только слѣпымъ и узкимъ догматикамъ или же поверхностнымъ умамъ.

Февральская революція, опрокинувъ старый режимъ съ его тремя китами — «самодержавіе, православіе, народность», — провозгласила своими великія начала великой французской революціи. Но, зачатая большевиками, трижды проклятая гражданская война растоптала нѣжные ростки русской свободы, дерзко попрала слабые зачатки равенства, нагло пренебрегла великимъ завѣтомъ братства. Все это было съ циничной усмѣшкой объявлено буржуазными предразсудками, надо всѣмъ этимъ были поставлены другіе идолы, имѣющіе замѣнить низвергнутыя нечестивою рукою святыни: всеобщее рабство, диктатура кучки надъ большинствомъ населенія, звѣриное правило всеобщей и взаимной грызни. Словно старый режимъ недостаточно еще измучилъ страну угашеніемъ духа свободы, отрицаніемъ соціальнаго равенства, органическимъ непониманіемъ братскаго начала, словно, послѣ краткаго просвѣта, понадобилось еще на нѣсколько лѣтъ издѣвательства надъ Россіей и, притомъ, куда горшаго прежнихъ, до-февральскихъ. И надъ измученной и распятой родиной

снова заблестѣли вдали огни манящаго девиза, снова истерзанныя души ждутъ, не дождутся осуществленія началъ этой тріединой формулы. Уже больше не ждутъ всей теоретически-допустимой полноты ея осуществленія, стремясь къ начальнымъ шагамъ по пути идеала, понимая, что только постепеннымъ и упорнымъ трудомъ можно дойти до вершины. Это восхожденіе къ вершинамъ культурной государственности возможно и мыслимо только въ атмосферѣ прочнаго и правового порядка, котораго такъ не хватало въ теченіе всей гражданской войны. Безпорядокъ, безначаліе, безвластіе, анархія, хаосъ — эти характерные признаки нарушенія гражданскаго равновѣсія — измучили всѣ слои населенія, проявляющіе сейчасъ опредѣленное алканіе всеобщаго успокоенія и порядка.

Итакъ, свободы, равенства, братства и порядка жадно ждутъ всѣ: и верхи, и низы; и правые, и лѣвые; но больше всѣхъ жаждетъ воскрешенія духа свободы, равенства и братства многострадальная жертва войны внѣшней и войны внутренней — средніе классы. Люди среднихъ классовъ слишкомъ настрадались съ 1914 г., вынесли слишкомъ много лишеній и горя, вытерпѣли слишкомъ много ударовъ судьбы. Матеріально и морально средніе классы были, безспорно, пасынками исторической судьбы, они, поэтому, такъ и нуждаются въ передышкѣ, отдыхѣ, просвѣтѣ. Событія обрушились на многоликаго средняго человѣка — средняго матеріально и духовно — всей своей тяжестью, не давъ даже крошекъ съ пиршескаго стола баловней судьбы. И тѣ, кого можно съ извѣстной натяжкой, назвать баловнями судьбы, правда, также получали жестокіе и кровоточивые удары, но хотя бы на самый даже короткій срокъ они получали и возможность, одни — духовно, другіе — матеріально, жить полной жизнью. Одни только средніе обыватели все время получали только одни удары и щелчки, терпѣли только одни лишенія и огорченія. Самая элементарная справедливость требуетъ, чтобы такъ больше не было.

Въ чемъ же можетъ выразиться реально провозглашеніе въ Россіи началъ свободы, равенства и братства? Въ провозглашеніи, укрѣпленіи, развитіи основъ конституціонно-правового и демократическаго строя. Пусть не пытаются сводить стремленія къ конституціонному устройству, правовому порядку и демократическому строю къ иронически произносимому слову «либерализмъ». Ибо, раньше всего, Россія жаждетъ, Россіи нуженъ либерализмъ. Въ понятіи либерализма, какъ бы ни трубили противоположное, не заключается ничего ни зазорнаго, ни сквернаго, ни отжитого. Напротивъ того,

именно послѣ большевизма либерализмъ будетъ наилучшимъ и, даже, быть можетъ, единственнымъ способомъ залеченія ранъ, причиненныхъ вслѣдствіе полнаго отрицанія основъ и духа либерализма. Въ русскихъ условіяхъ, либерализмъ, къ тому же, не заключаетъ въ себѣ одіозныхъ, съ точки зрѣнія демократической мысли, зачатковъ мелочной узости, покрыванія грубаго стяжательства, анти-соціальныхъ инстинктовъ, апологіи мѣщанства. И до революціи и большевизма русскій либерализмъ во многомъ былъ радикальнѣе иного западнаго радикализма, теперь же онъ становится сугубо демократичнымъ по духу и демократичнымъ по составу. Причинъ на то нѣсколько: 1) положительнымъ послѣдствіемъ событій послѣднихъ лѣтъ является укрѣпленіе ряда новыхъ навыковъ и новыхъ жизненныхъ свай чисто демократическаго свойства; 2) либерализмъ и радикализмъ вслѣдствіе земельной революціи получили болѣе широкую и прочную заслойку въ лицѣ крестьянства; 3) въ качествѣ антитезы и реакціи на большевизмъ начинается болѣе активное отстаиваніе начала всеобщей свободы; 4) боязнь рецидива большевизма должна будетъ толкать на возможно болѣе всестороннее и радикальное удовлетвореніе требованій демократіи. При всемъ этомъ, созданіе многомилліонной массы земельныхъ собственниковъ ставитъ подъ большое сомнѣніе возможность превращенія Россіи въ демократію соціалистическую; нашей странѣ, какъ странѣ мелкихъ собственниковъ, предстоитъ, по всѣмъ видимостямъ, стать радикальной или либеральной буржуазной демократіей.

Вихрь революціи и ея эксцессы, нечего этого утаивать, вызвали въ прогрессивномъ лагерѣ нѣкоторое разочарованіе и пресыщеніе требованіями характера демократическаго. Среди эмигрантской интеллигенціи замѣчается даже нѣкоторое разслоеніе на вопросѣ о политической и о соціальной базѣ программы дѣятельности въ возрожденной Россіи. Одни, при этомъ, склонны гуще подчеркивать свое отстаиваніе правъ человѣка и гражданина — свои конституціонные постулаты, въ то время какъ другіе, въ противовѣсъ, выдѣляютъ соціально-демократическую сторону своихъ воззрѣній. Между тѣмъ, политическій радикализмъ или либерализмъ, ясное дѣло, отнюдь не поляренъ соціальному реформизму въ искренно-демократическомъ духѣ, первый является даже въ нѣкоторомъ отношеніи базой второго. Ударяются въ крайность, какъ тѣ, кто затушевываетъ или замалчиваетъ соціальную сторону, стоящихъ на очереди вопросовъ, такъ и тѣ, кто, противопоставленіемъ и подчеркиваніемъ одной только демократической стороны предстоящихъ реформъ, какъ бы обходятъ далеко еще не закрѣпленную ихъ политическую подпочву въ духѣ декларація правъ человѣка и гражданина.

«Буржуазный» — еще одно страшное слово, еще одинъ жупелъ, которымъ насъ такъ долго пугали. Теперь мы не только научились понимать, какъ въ общей экономіи русской жизни не хватало крѣпкой буржуазіи, мощнаго третьяго сословія, но научились также не видѣть въ пролетаріатѣ нѣчто неземное и чуть ли не святое. Божественный пролетарій — выдумка доктринеровъ и демагоговъ, да и пролетаріатъ въ Россіи — ничтожное меньшинство населенія. Большинство же составляютъ крестьяне, собственники и «буржуйчики» по духу; демократизмъ требуетъ служенія этому большинству и приспособленія государственнаго аппарата къ его нуждамъ, не творя себѣ кумира или фетиша ни изъ дворянскаго, ни изъ рабоче-пролетарскаго ничтожнаго меньшинства. Если интеллигенція — мозгъ страны — станетъ на эту здоровую точку зрѣнія, то она сдѣлается силой, ибо заслужитъ довѣріе и благодарность крестьянства; ставъ же вліятельнымъ рычагомъ въ жизни деревни, демократическая интеллигенція сможетъ стоять на стражѣ того, чтобы не мельчали основы либерализма и радикализма, чтобы не размѣнивались на мѣдные пятаки начала буржуазной демократіи, чтобы не гасилось солнце вѣчнаго идеала. Достиженіе всего этого нелегко и безъ борьбы, конечно, не дастся, нужно все строить на постепенной эволюціи и постепенномъ перевоспитаніи духа и мысли. А это, въ свою очередь, достижимо только при развитіи просвѣщенія и свѣта знанія, при неугашеніи духа живого, прячущагося гдѣ-то въ глубинѣ души народной.

Мы подошли уже къ грани, едва отдѣляющей вопросы практической политики отъ вопросовъ соціально-политической идеологіи. Переходимъ теперь въ сферу послѣднихъ. Здѣсь мы въ первую очередь сталкиваемся съ тревогой касательно того, не вызоветъ ли ростъ буржуазныхъ и собственническихъ тенденцій расцвѣтъ грубо матеріалистическаго уклона мысли. Эту же тревогу питаетъ и то обстоятельство, что нѣсколько десятковъ мѣсяцевъ подрядъ русскій человѣкъ только и былъ занятъ, что заботой о хлѣбѣ насущномъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. А, вѣдь, и на первыхъ порахъ послѣ большевизма, когда еще будетъ остро сказываться послѣдствіе длительнаго періода большевистскаго разрушенія цѣнностей, вопросы питанія, одежды, возстановленія жилищъ и внѣшняго благоустройства, будутъ играть сугубо важную роль. Война и большевизмъ подорвали и безъ того слабый слой матеріальной культуры въ Россіи, заботы о возстановленіи разрушенныхъ матеріальныхъ цѣнностей, долго еще будутъ стоять въ центрѣ общественнаго вниманія. Обстоятельство это, сопровождаемое безспорной экстенсификаціей буржуазно-собственническихъ тенденцій въ странѣ, не ведетъ ли

оно къ поглощенію идеалистическихъ устремленій въ безднѣ чисто матеріалистическихъ думъ и заботъ?

Тревога этого рода — законна и покоится на реальныхъ основаніяхъ. Имѣется основаніе опасаться того, что идея, идейность, идеализмъ — будутъ нѣкоторое время не въ фаворѣ и не въ почетѣ, людямъ захочется раньше всего очиститься отъ всякой скверны физической, люди будутъ искать отдыха на лонѣ матеріальной культуры, испытывая, къ тому же, и нѣкоторую реакцію, нѣкоторое пресыщеніе вопросами идейнаго свойства, такъ поглотившими въ періодъ революціи и приносившими порою столько разочарованій и горя. Невро-патологи и психо-патологи, жившіе въ Совдепіи и наблюдавшіе за тѣми измѣненіями, которыя вноситъ большевистскій режимъ въ психику людей, подчеркиваютъ, что особенно отъ большевизма страдаютъ высшія стороны душевной жизни, въ частности — воля и моральное чувство. Бѣжавшій изъ Совдепіи въ Польшу психіатръ и невро-патологъ В. Н. Лихницкій сообщилъ уже въ печати, что по его продолжительнымъ массовымъ наблюденіямъ, хроническое недоѣданіе ведетъ къ своеобразной деградаціи личности — постепенно исчезаютъ всѣ высшія стремленія, гаснутъ эстетическіе и интеллектуальные запросы, остаются одни грубыя влеченія и эгоистическія чувства. Со всѣми этими широко распространенными послѣдствіями недоѣданія и его производныхъ — апатіи и абуліи — придется не мало считаться и на первыхъ порахъ послѣ паденія большевизма.

Учесть всѣ вышеуказанные симптомы тяги къ матеріализму — необходимо, но нельзя одновременно не принять во вниманіе и факторовъ противоположнаго свойства. Большевизмъ, вѣдь, явился яркимъ воплощеніемъ идей матеріализма, большевистская «практика» приковывала вниманіе къ вопросамъ узко-утилитарнаго свойства, какъ реакція на этотъ большевистскій зоологическій матеріализмъ и возникла уже тяга къ отрѣшенію отъ низменнаго житейскаго terre à terre. Еще въ періодъ господства всей системы воинствующаго большевизма, въ Совдепіи стала уже крѣпнуть тоска по духовному началу, обострился интересъ къ вопросамъ духа, къ религіознымъ исканіямъ. Исканія эти захватываютъ все большій кругъ лицъ, духовные запросы привлекаютъ къ себѣ все большее вниманіе. Религіозная мысль и религіозныя исканія — плохая почва для развитія бациллы грубаго матеріализма: возвышеніе на высоту философскаго обобщенія и историко-этическаго углубленія — даетъ противодѣйствіе проповѣди матеріализма. Война, животная борьба, диктатура, вѣчное кровопролитіе, красный милитаризмъ — всѣхъ утомили и всѣмъ до нельзя опротивѣли. Милитаристическія и имперіалистиче-

скія устремленія, эти порожденія матеріалистической доктрины, въ силу этого точно также начинаютъ терять почву подъ ногами. Духъ матеріализма получилъ сильнѣйшій ударъ, ему нанесенъ непоправимый уронъ опытомъ большевизма, явившимся осуществленіемъ и воплощеніемъ матеріалистическихъ теорій въ области пониманія исторіи, соціальныхъ взаимоотношеній, политико-экономическихъ построеній.

Но гражданская война, путемъ земельной революціи, завершила циклъ матеріальныхъ вожделѣній 90 % населенія Россіи, удовлетворила, въ общемъ, эти вожделѣнія; остается только окончательно закрѣпить въ прочной правовой оболочкѣ сущность совершившагося сдвига земельныхъ отношеній, чтобы вѣковая, всепоглощающая, крѣпкая дума объ овладѣніи землею перестала играть былую доминирующую роль. Явленіе это будетъ чревато многими послѣдствіями и въ области идеологической, ибо подавляющее большинство населенія Россіи уже нашло исходъ своему жадному стремленію къ величайшему матеріальному благу — землѣ. Новой Россіи останется только оформить и урегулировать этотъ процессъ первоначальнаго накопленія богатствъ крестьянствомъ. Дальнѣйшая фаза — развитіе и расширеніе наличнаго капитала — будетъ, повидимому, выливаться по двумъ основнымъ русламъ: съ одной стороны — индустріализація и интенсификація сельскаго хозяйства будутъ укрѣплять чувство экономіи, которое легко можетъ вырождаться въ скопидомство и антикультурную скупость, съ другой — подъемъ матеріальнаго уровня и необходимость развитія сельско-хозяйственной культуры будутъ толкать къ усиленію интеллигентскаго пласта, къ усиленію просвѣщенія. Распространеніе же научныхъ знаній и развитіе культурныхъ навыковъ, послѣ демонстрированія Ленинымъ и Ко. благъ матеріалистическаго міропониманія, будетъ неминуемо вести къ усиленію идеалистической заслойки. Къ этому надо еще добавить ту роль, которую суждено сыграть въ Россіи коопераціи, воспитательное значеніе которой скажется, между прочимъ, въ томъ, что начнетъ постепенно торжествовать идеалъ солидаризма и взаимопомощи, замѣняющій недавняго кумира — классовую борьбу. У насъ долгое время поэтизировали классовую борьбу, видѣли въ ней даже нѣчто очищающее, не только не нуждающееся въ смягченіи, но, наоборотъ, въ обостреніи и углубленіи. Кооперація же, вмѣсто обостренія классовыхъ противорѣчій, вмѣсто углубленія классовой ненависти, будетъ сѣять, по мѣрѣ своего развитія, сѣмена межклассоваго сотрудничества, гармоническаго развитія производственно-творческихъ силъ и созидательныхъ процессовъ солидаризма во взаимоотношеніяхъ гражданъ, сыновъ той же Родины.

Сейчасъ уже имѣются признаки того, что постепенно начнутъ смягчаться и сглаживаться наиболѣе острыя и непріятныя черты матеріализма. Съ другой стороны, и идеализмъ становится болѣе трезвымъ и почвеннымъ, менѣе отвлеченнымъ и «профессорскимъ». Пусть невозможно синтетическое сліяніе несоединимаго, важно и ослабленіе рѣзко-очерченныхъ граней антитезы.

До сихъ поръ у насъ интеллигенція и массы не только жили раздѣльной и различной жизнью. Интеллигенція устанавливала въ своемъ кругу опредѣленные взгляды, рѣдко даже пыталась ихъ привить массамъ, заранѣе зная, что это обречено на неуспѣхъ и неудачу, объясняемые слишкомъ ужъ различнымъ культурнымъ и интеллектуальнымъ уровнемъ. Пресловутая пропасть между интеллигенціей и народомъ не засыпалась, а углублялась. Теперь, подъ вліяніемъ событій, и въ этой области произошелъ нѣкоторый сдвигъ. Общее горе и общая напасть какъ бы сблизила интеллигенцію и крестьянство. Прежнее искусственное «хожденіе въ народъ» стало замѣняться естественной тягой въ деревню, вызываемой продовольственными неурядицами въ городахъ. Живя и работая среди крестьянъ, впервые, быть можетъ, явственно ощутивъ свою отъ нихъ зависимость, россійскій интеллигентъ дошелъ постепенно до сознанія, что не только онъ, интеллигентъ, можетъ и долженъ поучать народъ, навязывать ему свои взгляды, но что ко многому надо присмотрѣться и со многимъ считаться и въ крестьянской жизни. Эта амальгама чувствъ, настроеній и мыслей будетъ неминуемо крѣпче прежняго сплава частей одного только металла. Диффузія двухъ параллельно протекавшихъ стихій дастъ нѣчто почвенное, корневое, національно-стойкое и національно-приспособленное.

Это соединеніе элементовъ вершинъ духа съ элементами изъ глубинъ народныхъ не только дастъ крѣпость очертаній приближающагося «завтра», но оно же вселяетъ вѣру и въ лучезарный блескъ, если не завтрашняго, то послѣ-завтрашняго дня. Послѣ долгой, темной ночи — займется заря, взойдетъ солнце. Въ лучахъ этой зари, въ сіяніи этого солнца выступаетъ измученная, но еще полная силъ и возможностей Р о с с і я.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОПЕЧАТКИ:

Въ нумерацію главъ вкрались слѣд. ошибки:

Напечатано на стр. 122 „гл. IX“; слѣдуетъ читать „глава XI“
Напечатано на стр. 146 „гл. XIV“; слѣдуетъ читать „гл. XIII“

№ 4-5. Семенъ ЮШКЕВИЧЪ, „В
Два выпуска (87, 101 стр.). Ц
№ 6. Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ, „Въ
никъ разсказовъ). 103 стр.
№ 7. Д. Н. ОСТРОВСКІЙ, „Гроз
стр. Цѣна . . . .
№ 8. Д. Н. ОСТРОВСКІЙ, „Бѣдн
въ 5 дѣйств.) Цѣна . . . . .

Иллюстрированн

Избранныя произведенія ин

Цѣна за томъ . . . .
№ 1. Жанъ РИШПЭНЪ, „Тина“.
„пропасть“). Иллюстрацій съ
№ 2. Поль БУРЖЭ, „Преступле
Стороса.
№ 3. Эдуардъ РОДЪ, „Мишел
аквар. Тронсе.
№ 4. ЖИПЪ, „Романъ Котика“.
№ 5. Просперъ МЕРИМЭ, „Граф
Иллюстраціи Э. Тудуза.
№ 6. Марсель ПРЕВО, „Около любви“. Иллюстраціи съ аква-
релей Форе, Кузена, М. и Ж. Абейэ.
№ 7. Октавъ МИРБО, „Аббатъ Жюль“. Иллюстр. Эрмана Поля.
№ 8. Эмиль ЗОЛА, „Избранные разсказы“. Иллюстр. Жоржа
Вилла.

Книги для дѣтей

„РОДНОЕ“. Сборник стихотв. для дѣтей, составила Л. А. КО-
ВАРСКАЯ. Цѣна . . . . 4.50 фр.
РОДНЫЕ ПИСАТЕЛИ. — Біографіи и литерат. характеристики
крупныхъ русскихъ писателей. Того же автора.
„ДѢТИ-ДѢТЯМЪ“. — Сборники разсказовъ, написан. и иллю-
стрированныхъ дѣтьми въ возрастѣ отъ 10-13 лѣтъ. Подъ
редакціей И. и Л. Коварскихъ.

Дѣтская библіотека

Русскія сказки, иллюстрированныя дѣтьми.

Про Лису и Колобокъ — Цѣна 1.25 фр.
Морозко — Цѣна 2.50 фр.
Какъ Лиса у мужика рыбкой поживилась. Цѣна 1.75 фр.

И. С. БОРТНОВСКІЙ, Д-ръ медицины, кандидатъ естествен.
наукъ Парижскаго Университета, „Какъ сохранить свое
здоровье“. Цѣна . . . . 3.75 фр.